

**Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского**

Институт филологии и журналистики

**РАЗВИТИЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
И ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

**Сборник статей по материалам
VII Международного научного семинара,
посвященного 110-летию Саратовского
государственного университета**

Саратов, 1 ноября 2019 г.

**Саратов
2020**

УДК 415
ББК 81.(082) + 81 я43
Р 17

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *В.А. Косова*
доктор филологических наук, профессор *Л.П. Прокофьева*

Р17 Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : Сборник статей по материалам VII Международного научного семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета, Саратов, 1 ноября 2019 г. / Отв. ред. О.И. Дмитриева. – Саратов: Амирит, 2020. – 152 с.

ISBN 978-5-00140-512-2

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам VII Международного научного семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета. В них рассматриваются вопросы словообразовательной, лексико-семантической и когнитивной динамики языковой системы, соотношения словообразования и словоизменения в русском языке, функционирования лексических и словообразовательных единиц в художественной, публицистической, официально-деловой речи.

Редакционная коллегия:

О.И. Дмитриева, О.Ю. Крючкова, И.С. Захарова (*отв. секретарь*)

УДК 415
ББК 81.(082) + 81 я43

ISBN 978-5-00140-512-2

©Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александрова Т.Н.</i> Опыт моделирования содержания новейших заимствований в современном русскоязычном сознании и медиа-дискурсе.....	5
<i>Бушуева Л.А.</i> Словообразовательное гнездо как один из способов репрезентации поступка.....	10
<i>Горбань О.А.</i> Документы Войска Донского сер. XVIII в. как источник исторической лексикологии русского языка.....	16
<i>Дмитриева Е.Г.</i> Функции эмотивной лексики в жизнеописаниях отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков.....	23
<i>Дмитриева О.И.</i> Словообразование как выразительный ресурс современной художественной речи.....	27
<i>Кадькалов Ю.Г.</i> Словообразование и словоизменение в русском языке	36
<i>Крючкова О.Ю., Крючкова Н.В.</i> Типы связей производных слов в ассоциативно-вербальной сети говорящих.....	42
<i>Куликова В.А.</i> ИмPLICITная и эксплицитная оценочность новообразований в заголовках интернет-медиа.....	54
<i>Михайлова М.А., Солнышкина М.И.</i> Стандартная и субстандартная лексика в профессиональном языке фотографов: особенности словообразования.....	61
<i>Мурзаева Т.И.</i> Диалектизмы в романе З. Прилепина «Санька».....	71
<i>Носачёва М.И.</i> Сложные существительные со связанными компонентами в структуре словообразовательного поля композитов (на материале русской клинической терминологии).....	75
<i>Орлова Н.М.</i> «Не пей вина и сикера»: из истории библейской лексики и фразеологии.....	82
<i>Орлова Д.Г.</i> Словообразовательное варьирование в ходе глагольной неологизации в русском языке XVIII в.	86
<i>Самыlicheва Н.А.</i> Социокультурная функция новообразований в современном медиатексте.....	91

<i>Сафонова И.А.</i> Перцептивная лексика как средство создания образов подвижников благочестия в агиографических текстах XVIII–XX вв. ...	97
<i>Теркулов В.И.</i> Модели использования сложносокращенного слова и его эквивалентов в тексте: к типологии синхронной аббревиатурной эквивалентности.....	105
<i>Трофимова О.В.</i> Отглагольные существительные – наименования преступлений (На материале «Алфавита о поселенцахъ мущинахъ, на 1839 годъ» и «Алфавита о поселенкахъ женщинахъ, на 1839 годъ» из Тобольского архива).....	112
<i>Уралова Ойсулув Поян-кизи.</i> Пословицы с концептами «муж» и «жена» в английском и узбекском языках.....	119
<i>Шарандин А.Л.</i> Синтаксическая деривация в аспекте соотношения словообразования и формообразования (На материале русского глагола).....	125
<i>Шептухина Е.М.</i> Лексические единицы как маркеры видов документов XVIII века.....	131
<i>Ярмашевич М.А.</i> Аббревиатурные жаргонизмы и сленгизмы как показатели социально-коммуникативного статуса.....	136
<i>Ярошенко Н.А.</i> Ономасиологические типы сложных номинаций лица с нумеративным компонентом в русской разговорной речи.....	143

Т.Н. Александрова

ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ НОВЕЙШИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ СОЗНАНИИ И МЕДИА-ДИСКУРСЕ

*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского*

В статье показан анализ содержания некоторых новейших англоязычных заимствований в языковом сознании носителей современного русского языка и русскоязычном медиа-дискурсе.

Ключевые слова: заимствование, семантика, языковое сознание, медиа-дискурс, когнитивное моделирование.

The article demonstrates analysis of the semantic content of some latest English borrowings in the Russian language native speakers and Russian media discourse.

Key words: a borrowing, semantics, language and mind, media-discourse, cognitive modelling.

Активные межкультурные контакты и глобализация создают благоприятную среду для проникновения в современный русский язык иноязычной лексики. Количество новейших заимствований настолько велико, что ценители русского языка и культуры констатируют «покушение на русскую ментальность», «давление на русское коллективное сознание через слово» [Колесов 2004].

Содержание заимствованной единицы в языке-доноре подвижно. Толкование значения нового иноязычного слова с помощью словарной дефиниции, представленной в словаре английского языка, может быть неполным. В настоящей статье рассмотрим некоторые подходы к моделированию содержания заимствований в сознании носителей русского языка, а также проанализируем значения англоязычных заимствований, которые активно используются в современном медийном дискурсе.

Опрос респондентов в возрасте 20-25 лет показал, что в молодежном дискурсе наиболее популярными заимствованиями на сегодняшний день являются такие слова, как *хайп* (38% респондентов), *челлендж* (28%), *дедлайн* (28%), *лайфхак* (24%), *селфи* (24%), *стартап* (19%), *изи* (19%), *чил* (19%), *креатив* (10%)¹.

Привлекает внимание тот факт, что многие из перечисленных заимствований можно отнести к так называемой культурогенной лексике (такие единицы В.И. Карасик называет концептами-регулятивами), содержание которых характеризуется наличием аксиологического компонента, регулирующего систему ценностей и норм поведения.

¹ Опрос проводился среди студентов СГУ им. Н.Г. Чернышевского в октябре 2019 г. Общее количество респондентов – 100 человек.

На наш взгляд, перечисленные заимствования являются своеобразными маркерами западноевропейских ценностей в современном русскоязычном медиа-дискурсе, такими как индивидуализм (селфи), материализм (стартап), акцент на индивидуальных достижениях личности (*креатив, хайп, челлендж*), и, вместе с тем, отношение к жизни как к игре (*лайфхак, изи, чил*).

Однако в языке, как и в обществе, всё новое нередко входит в противоречие с традиционным и устоявшимся. «Конфликт ценностей» находит отражение в различных явлениях языка – конкуренции заимствованных концептов с исконно русскими, вторичных заимствованиях и др. Рассмотрим эти явления на конкретных примерах.

Нередко новые концепты, образованные на базе заимствованных слов, начинают конкурировать с исконно русскими концептами-аналогами, делить с ними «сферы влияния». Примером этого явления может служить конкуренция заимствованной лексики *креатив* с исконно русским словом *творчество* [подробнее см. Александрова, Попова 2008].

Результатом конкуренции исследуемых концептов является разделение денотативного пространства «созидательная деятельность». *Креатив* – «созидательная деятельность, направленная на получение прибыли», ср.: *Таким образом, у талантливых людей появляется реальная возможность заработать на креативе и самобытности.* *Творчество* – «созидательная деятельность для души», ср.: *Им не простили той самой свободы духа и мысли, что рождает истинное творчество.* Мотивом деятельности, обозначаемой лексемой *креатив*, является получение материальных благ. Ср.: *Креатив* – это творчество, которое приносит прибыль. Или: *Цель креатива* – обращение к эмоциям потенциальных покупателей. Или: *У талантливых людей появляется реальная возможность заработать на креативе и самобытности.* Мотивом деятельности, обозначаемой лексемой *творческий*, является стремление творящего индивида к постижению таких идеальных сущностей, как красота и истина. Ср.: *творческий порыв, творческий поиск, творческая интуиция, творческое вдохновение, свобода творчества.* *Творчество* воспринимается как способность транслировать информацию, приходящую к человеку из вне, человек в данном случае выступает в роли посредника, отсюда – творческое вдохновение, творческий порыв и др. *Креативность* (*креатив*) – это способность изобретать, используя интеллект, поэтому креативность не может быть вдохновенной. Это разделение денотативного пространства исследуемых лексем находится в зоне оппозиции таких ценностных установок западноевропейской и восточнославянской культур, как «красота важнее пользы», «духовность важнее меркантильности» [Колесов 2004].

Анализ употреблений слов *креативный* и *творческий* показывает, что понятийными сферами употребления лексемы *креативный* являются сферы бизнеса, рекламы, моды и др., к сферам употребления слова *творческий*

относятся сферы науки и искусства. Другим словами *творчество* относится к сфере духовного, *креатив* относится к утилитарной ремесленной сфере.

Анализ прагматического (коннотативного) содержания заимствованной лексемы *креатив* показывает, что в медийном дискурсе конца 90-х, начала 2000-х исследуемое заимствование употребляется с отрицательной оценкой. Ср.: *Полюби то, чём ты пишешь, иначе весь твой креатив будет фальшивым*. Или: *Если основа вашего рейтинга – креатив, не будьте слишком серьёзными*. Или: *Потенциальный кандидат в ГД продолжает грузить новосибирские газеты своим креативом. Креатив помогает замаскировать подвал под ресторан, рекламу под творчество, удовольствие под недовольство*. Таким образом, *креатив* может быть *фальшивым, несерьёзным*, на *креативе* можно *заработать*, им можно «*грузить*», с помощью *креатива* можно обманывать.

Стоит отметить, что отрицательная оценочность лексемы *креатив*, которую можно было зафиксировать в текстах начала 2000-х, в настоящее время, спустя два десятилетия, всё чаще нейтрализуется.

Ср.: *Зато как только требуется креатив, а не просто пересказ заученного текста ученики расцветают [НКРЯ¹]*.

Там креатив, там очень много инновационности [НКРЯ].

Кроме того, опрос молодых респондентов показывает, что они не воспринимают *креатив* со знаком «минус» и полностью отождествляют заимствованную лексему с ее русскоязычным аналогом. Опрос респондентов (20-25 лет) показал, что 93% опрошиваемых воспринимают *креатив* со знаком «плюс», 3,5% – со знаком «минус», 3,5% – оценивают это слово нейтрально. Таким образом, в подобного рода конкурентной борьбе «новых» и «старых» концептов» обозначен своего рода водораздел между «старыми» и «новыми» ценностными установками современного российского общества.

Явление вторичных заимствований (или семантическая неологизация) [см. Александрова 2009: 7], как и вышеописанное явление, маркирует противостояние, несовместимость различных мировоззренческих установок. Так западноевропейские ценности «разворачивают» лингвокультурный концепт *амбициозность* на сто восемьдесят градусов, заряжая его положительным зарядом личностно-ориентированного типа культуры. *Амбициозность* необходима в достижении личных целей, в успешной реализации поставленных задач. Если в текстах, написанных до 90-х годов XX в., слово *амбициозность* употребляется строго со знаком «минус», то в текстах нового времени *амбициозность* приобретает амбивалентность, т.е. может употребляться как со знаком «минус», так и со знаком «плюс». Ср.: тексты периода до 90-х: *Но амбициозность, самоуверенность, годы безграничной власти застлали все*; тексты нового времени: *Ну прибавьте к*

¹ Национальный корпус русского языка.

этому относительную молодость новой команды краевой администрации и здоровую амбициозность, если хотите... [НКРЯ].

В рамках настоящей статьи рассмотрим содержание самого популярного на сегодняшний день заимствования – значение английского слова *хайп*. В совместном исследовании с Л. А. Марченковой мы показали, что английское слово *hype* является сокращением от *hypodermic needle* (шприц). Похожее значение мы находим в словаре Chambers Twentieth Century Dictionary, где слово *hype* имеет такое толкование: *hype, hip, (slang) n. shortforhypodermic. – hypedup, artificially stimulated*. Таким образом, *hype* может пониматься как «подкожное впрыскивание» или «инъекция». Это значение слова мы можем связать с явлением рекламы, когда определенного рода идеи, которые хотят донести до потребителя, словно бы «впрыскиваются», а потребителя искусственно побуждают к определенного рода действиям.

Данное сокращение вошло в американский сленг для обозначения наркозависимого, а также для описания чувства эмоционального подъема, вызываемого наркотиками. На современном этапе этимология слова была практически утрачена и прослеживается только в американском сленге, но, анализируя контексты в английском языке, мы замечаем, что в слове осталось значение взбудораженности, приподнятого настроения, ср.: *That party was hype!! / He got drunk and was running around on a hype*.

Каково концептуальное содержание слова *хайп* в сознании носителей русского языка? Некоторые сведения для когнитивного моделирования концептуальной структуры данного заимствования были получены с помощью свободного ассоциативного эксперимента, где каждому респонденту предлагалось ответить на вопрос: «Как Вы понимаете значение слова *хайп*?». В опросе приняло участие 30 человек в возрасте от 20 до 23 лет. В результате мы получили такие реакции (см. табл.).

Таблица

Слово	Реакции	Употребление в контексте
Хайп	Популярность (8), шумиха вокруг чего-либо (5), тусовка (3), модный (2), активное обсуждение чего-либо (2), реклама (2), ажиотаж (2), когда весело (2), крутой, стильный, быстро добиваться славы или денег, проект, начало деятельности, получить негативное или положительное мнение в обществе, крутиться	«Все они подходят и для <i>хайп</i> -проектов, в особенности на старте». «Весь этот <i>хайп</i> вокруг <i>RocketGo</i> так же быстро пройдёт, как и появился». «У тех, кому за 20, стало модным <i>хайпить</i> реюнион группы <i>5nizza</i> ». « <i>Хайпим</i> . Вся моя жизнь <i>пати</i> ». «Что за <i>хайп</i> вокруг этой <i>Призмы</i> ? Обычные фото-эффекты, ничего эффектного». « <i>Хайпим</i> в клубе».

Реакции респондентов показывают, что в настоящее время в сознании русского человека еще нет чёткого представления о содержании данного слова. Несмотря на то, что слово широко распространено в молодёжном сленге, чаще всего его употребляют, как и в английском языке, в рекламном контексте, связанном с продвижением каких-либо вещей или предметов (*реклама, проект*). Анализируя реакции респондентов, мы также замечаем, что у слова *хайп* присутствует ещё одно значение. 18 % из всех опрошенных связывают данное понятие с «весельем», «тусовкой», например, «*хайтим в клубе*».

Что касается прагматического содержания заимствования *хайп*, в языковом сознании носителей русского языка оно чаще всего оценивается со знаком «минус» (58% респондентов), реже – положительно (27% респондентов) и нейтрально (15% респондентов).

Подводя итог разговору о заимствованиях, хотелось бы подчеркнуть, что в содержании импортных лексем в процессе их адаптации к новой лингвокультурной среде может меняться оценочный компонент значения, что происходит из-за несовпадений ценностных установок культуры-донора и культуры-источника.

Библиографический список

1. *Александрова Т.Н.* Конкуренция заимствованного концепта креативность и его исконного аналога творчество в русском лингвокультурном пространстве // *Личность – Язык – Культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции 28-29 ноября 2007 г.* Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2008. С. 317-322.
2. *Александрова Т.Н.* Динамика становления когнитивных структур в актах деривации и трансдеривации // *Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара. Межвузовский сборник научных трудов.* Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. С. 4-10.
3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. 384 с.
4. *Вежбицкая Анна.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
5. *Карасик В.И., Прохвачёва О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В.* Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
6. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
7. *Марченкова Л.А., Александрова Т.Н.* Когнитивное моделирование содержания заимствований в сознании носителей русского языка (на материале заимствований из социальных сетей) // *Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации. Научные исследования студентов факультета иностранных языков и лингводидактики СГУ имени Н.Г. Чернышевского.* Саратов: Саратовский источник, 2017. Вып. 10. 188 с. ISBN 978-5-91879-750-1. С. 122-127.

Список источников

1. *Cambridge Dictionary* // www.dictionary.cambridge.org
2. *Chambers Twentieth Century Dictionary.* Edited by AM Macdonald BA (Oxon). New Edition. London: W&R Chambers Ltd, 1973.
3. *Национальный корпус русского языка* // www.ruscorpora.ru

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО
КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОСТУПКА**
*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

В статье показано, с помощью каких ментальных единиц (слотов) репрезентирована совокупность знаний о ситуации поступка «шалость». Исследование фреймовой организации лексики со значением поступка проведено на материале фрагмента словообразовательного гнезда, в котором представлены единицы, соотносимые со значением имени поступка `шалость`. Проанализированы особенности репрезентации слотов в лексической системе русского языка и функционирование слотов в дискурсе.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, фрейм, слот, поступок.

The paper demonstrates what kinds of mental units (slots) represent a cohesive mental structure, knowledge about the situation of act, referred to as “prank”. The study of the frame organization of the vocabulary was carried out on the fragment of the derivational word family containing lexemes that correlate to the meaning of the name of the act “prank”. The way the slots are represented in the system of the Russian language and function in discourse are analyzed.

Key words: derivational nest, frame, slot, act.

Актуальным и значимым для современной русской картины мира является понятие «поступок». Поступок — «всякое дельное дело или действие человека; подвиг, деяние, исполнение чего-либо» [Даль 2002: 514]. Поступок – это разумное действие человека, как правило, направленное на результат. Оценка, в том числе и моральная, составляет главное содержание имен поступков.

В языке представления о поступках могут выражаться именами поступков (*предательство, геройство, проделка* и др.) и однокоренными лексемами, которые вместе характеризуют ситуацию, связанную с совершением данного поступка, т.е. его фрейм.

Вслед за М. Минским, мы рассматриваем фрейм как структурное выражение концепта, способ его мыслительного конструирования, как когнитивную структуру в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностных знаниях о типических ситуациях и соответствующих ожиданиях «по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов» [Минский 1979]. Фрейм отражает знания, известные большинству членов данного общества и включает в себя устойчивые признаки, способствующие быстрому узнаванию фрейма любым членом общества. Элемент фрейма – слот – конкретизирует какой-то один аспект фрейма через заполнение характерными примерами и данными. Слот отражает стереотипные знания о явлении.

В когнитивной лингвистике утверждается представление о словообразовательном гнезде как о единице, имеющей фреймовую организацию. Фрейм может быть единицей когнитивного анализа словообразовательного гнезда в силу своей типизированности, ожидаемости, инвариантности, стереотипности. Словообразовательное гнездо – это фрейм, в котором деривационно связанные слова номинируют участников некоей общей ситуации. Как отмечает М.А. Осадчий, «в структуре гнездового фрейма есть слоты и заполнители, наиболее ожидаемые участниками коммуникации, наиболее прогнозируемые и понятные» [Осадчий 2009: 185-186]. Поскольку единицы словообразовательного гнезда находятся между собой в наиболее тесных мотивационных связях, словообразовательные гнезда рассматриваются как комплексные единицы, образующие ядро номинативного поля концепта. Во фрейме выделяются ядерно-прототипические зоны, а также зоны подвижности.

Слово *шалость* в русском языке имеет значение «шутливая проделка, проказа» [РСС 2003, 3: 274]. По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова, фрагмент словообразовательного гнезда с вершиной *шал(ый)*, в котором представлены единицы, соотносимые со значением поступка «шалость», включает 14 производных: *шалость, шалить, шаловство, шалун, шалунишка, шалунья, шальной, шаловливый, шаловливо, шаловливость, зашалить, нашалить, пошалить, сшалить* [Тихонов 1990, 2: 62].

В данном фрагменте словообразовательного гнезда выделяется 4 слота, объединяющих производные на основе общности выражаемых пропозиций. Особые имена получили люди, имеющие склонность совершать шалости, а также их свойства – **агенты поступка**: *шалун, шалунишка, шалунья, шаловливость*. В русском языке есть слова, которые называют **действия, осуществляемые агентами**: *шалить, зашалить, нашалить, пошалить, сшалить*. Лексемы *шаловливый, шаловливо, шальной* выражают **качественную характеристику (оценку) поступка** или его **агента**.

Содержание выделенных слотов фрейма данного поступка раскрывается по лексикографическим данным следующим образом:

- 1) Агент поступка и его свойства. Словарные определения лексем соотносят поступок «шалость» с ребенком: «шалун – тот, кто шалит, проказит (обычно о детях)» [БТСРЯ 2000: 1489]. Значимой характеристикой агентов поступка «шалость» является свойственное им сумасбродство: «шалой – неуравновешенный, сумасбродный, взбалмошный. *Шальной парень. Шальная голова* (безрассудный, взбалмошный человек). *Шальной поступок*. Полный безрассудства и сумасбродства» [БТСРЯ 2000: 1489].
- 2) Действие, лежащее в основе поступка. В основе поступка всегда лежит действие, которое обозначается глаголом. Имя поступка – это обобщенное наименование множества конкретных действий,

которые могут с этим поступком связываться. Действия, лежащие в основе поступка «шалость», обозначаются глаголами с одним корнем, но разными префиксами, например, *шалить*, *зашалить*, *нашалить*, *пошалить*, *сшалить*. Соответственно данные действия представляются в системе русского языка как ддящиеся (*шалить*), достигшие своего результата (*нашалить*, *сшалить*), находящиеся в своей начальной стадии (*зашалить*), осуществленные в незначительной степени (*пошалить*). Лексемы данного ряда не указывают, в чем конкретно состоит действие, к которому прибегает агент поступка, а интерпретируют действия как противоречащие общепринятым нормам поведения.

3) Оценка поступка, агента поступка. Поступок «шалость» относится к классу противоречащих общим правилам поступков: шалость – это всегда отклонение от нормального поведения. Данный признак находит описание в «Словаре русской ментальности»: «присущий главным образом детям (шалун) игровой тип поведения; реализуется в конкретных действиях, которым свойственна повышенная энергичность, резкость, шумность (озорство, проказы). В древнем (и народном) сознании такое отклонение в поведении объяснялось обычно воздействием колдовства (порча) или бесовских сил, поэтому и осуждение его носило характер снисходительный. Вместе с тем шалость может иметь серьезные последствия для жертвы [СРМ 2014, 2: 501].

Лексикографические описания актуализируют еще один элемент ситуации «шалость» – мотив поступка.

4) Мотив поступка. Данный элемент не вербализован специальными единицами в русском языке, но актуализирован в словарном толковании лексемы *шалость*: «шалость – поступок, совершенный ради веселья, забавы, развлечения, несерьезный, легкомысленный, шуточный» [БТСРЯ 2005: 728].

5) Результат поступка лишь в общих чертах описывается в определении «Словаря русской ментальности»: «Вместе с тем шалость может иметь серьезные последствия для жертвы» [СРМ 2014, 2: 501]. В других лексикографических источниках он не получает актуализации.

Все лексеммы выделенных слотов регулярно встречаются в речевом употреблении в русском языке, за исключением лексем *сшалить*, *зашалить*, которые характерны для текстов 19 в. Анализ смыслов, выражаемых в русском национальном дискурсе единицами гнездового фрейма, позволяет реконструировать характер концептуального содержания, знаками которого они являются.

Рассмотрим содержательное наполнение выделенных ранее слотов в зависимости от степени их актуализации в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) [НКРЯ: электронный ресурс].

Слот «Агент поступка, его свойства». Прототипической характеристикой агентов шалости является юный возраст. Ср. типичные словосочетания с лексемой *шалость*, *шалун*: *шалость детская / ребяческая / подростковая / детсадовская*. Одним из наиболее частотных словосочетаний с именем *шалость* является *детская шалость*.

Поступки, нарушающие заведенный порядок, характеризующиеся как необдуманые, нередко дерзкие, при этом веселые и не нацеленные на причинение вреда, соотносятся с ребенком, при этом с ребенком непослушным, непоседливым, отличающимся веселым нравом: *«Поэтому Андрюше разрешалось шалить, а мне – нет. Вернее, Андрюшины шалости казались естественными, а мои – не совсем. Мне говорили: «Ты умнее. Ты должен быть примером для Андрюши»* (С. Довлатов, Чемодан, 1986); *«Я была шаловливой, веселой девочкой, и мама хотела, чтобы здесь я получила хорошее образование и воспитание построжее»* (Л. Вертинская, Синяя птица любви, 2004).

Контексты, описывающие шалости взрослых, отличаются 1) тем, что в них специально выделяется возраст; 2) присутствует характеристика агента как беспечного или легкомысленного человека. Ср.: *«Впрочем, в описываемую пору Пилюхину было уже не шалостей: подступал возраст»* (К. Крылов, Мертворожденный // «Русская жизнь», 2012); *«Ах, этот шалун, академик, молодая кровь, знаете, играет»* (Э. Радзинский, Обольститель Колобашкин, 1968).

Характеристика агента по возрасту является определяющей для всей ситуации поступка «шалость», поскольку она влияет и на другие элементы фрейма данного поступка: мотив, особенности действий, лежащих в основе шалости, оценку, результат поступка.

Слот «Результат поступка». Для поступков, получающих имя *шалость*, прототипическим результатом является наказание, выражающееся в разных формах (*журишь / бранить / ругать / наказывать / пороть за шалости*). Ср.: *«Вы гадкий шалун, вы должны быть наказаны. Артемон, отведи Буратино в темный чулан. К процессу в Грузии подключилась и творческая интеллигенция»* (А. Баунов, В темном чулане // «Русская жизнь», 2012); *«Во время одной из экскурсий Вольку накрыли на месте преступления и слегка намяли бока, обещав намять побольше, если такие шалости будут повторяться»* (М. Касьянов, «Телега жизни». Молодость // «Голос эпохи», 2012).

Агент шалости может избежать наказания (*прощать / покрывать / смотреть сквозь пальцы на шалости / простительная шалость*), при этом подразумевается, что такое поведение подлежит наказанию.

Конструкция «как + причастие *нашаливший* + существительное со значением лица» репрезентирует в речи последствия поступка «шалость», которые можно обозначить, как 1) чувство вины / раскаяния у агента поступка; 2) наказание / прощение агента поступка. Ср.: «Важность как рукой сняло. Как *нашаливший* школьник, он пригнулся, быстро схватил бутылку и спрятал ее под стол» (С. Голицын, Записки беспогонника, 1946-1976); «Дружкой между тем, почти раскаиваясь в своем поступке, решил, как *нашаливший* мальчик, отдаться во всем на волю матери, надеясь, что она найдет лучший для Лейлы выход» (С. Григорьев, Тысяча женихов и невест, 1948); «И он ограничился отеческим внушением с усмешкой почти невысокомерной, но лучше бы он вонзил мне нож в сердце. Вы обошлись со мной, как с *нашалившим* мальчиком» (Ю. Нагибин, Царскосельское утро, 1972-1979).

Несмотря на то, что агент поступка изначально не нацелен на причинение какого-либо вреда, поступки, именуемые *шалостью*, могут привести к серьезным негативным последствиям как для самого агента поступка, так и для окружающих. Ср.: «– Вы установили причину пожара? – Детская *шалость*, – сухо заключили они» (Е. Самойлова, «Любого мента поколотить могу!» // «Коммерсант-Власть», 2002); «Родители ее, симбирские мещане, погибли при ужасных обстоятельствах. По детской *шалости* в доме начался пожар <...> Отец замешкался, задохнулся в дыму, и его накрыла обвалившаяся крыша» (М. Шишкин, Всех ожидает одна ночь, 1993-2003).

Слот «Оценка поступка, агента поступка». Оценка поступка также связана с прототипическим агентом поступка – ребенком. Этим объясняются и типичные оценочные прилагательные, употребляемые с существительным *шалость*: *невинная / пустяковая / безопасная / безобидная / малая / мелкая / маленькая / милая шалость*.

Анализ сочетаемостных характеристик лексем *шалость*, *шалун* свидетельствует об амбивалентной оценке данного поступка: *гадкий / мерзкий / глупый / неразумный / противный / несносный / непристойный / ненаглядный шалун; возмутительная / гадкая / дурацкая / идиотская / милая / прелестная шалость*. Ср.: «Многое из того, что человечество полагало грехами, казалось мне *невинными шалостями*. Но совершать их все равно не следовало» (В. Пелевин, Любовь к трем цукербринам, 2014); «Лазить ночами в окно, словно уличная бродяжка, – это *возмутительная шалость*, которая не укладывается в голове!» (Д. Сабитова, Цирк в шкатулке, 2007).

Слот «Мотив поступка». Мотив – значимый элемент в структуре поступка «шалость», который в большей степени получает актуализацию в словарных определениях лексем-репрезентантов поступка: поступок, который задумывается как забава, развлечение. В речи мотив поступка выражен имплицитно в словосочетаниях типа *пустяковая / невинная / безопасная шалость*, которые косвенно указывают на то, что за данным

поступком не стоит злой умысел. В контекстах НКРЯ мотив практически не получает прямого выражения.

Слот «Действие, лежащее в основе поступка».

Шалость воплощается в разнообразных действиях, при этом их Прототипической характеристикой является несерьезный характер и направленность на нарушение принятых норм и правил. Шалость – это поступок, который осознается его агентом как веселый, забавный и «привлекательный», вероятно, потому, что он нарушает общепринятые правила и нормы, что такое поведение неприемлемо, неприлично, запрещено. Ср.: *«Пляска «айлавмоска», набирая скорость, привлекала внимание окружающих, пробуждала Инку и заражала восторгом, желанием **нашалить**, сделать что-нибудь возмутительное, восхитительное и волшебное»* (У. Нова, Инка, 2004); *«Пищали малыши-октябрята, пихались мелкие пионеры, пионеры постарше сохраняли достоинство, лишь иногда позволяли себе невинные **шалости**, вроде запустить вопереди сидящего конфетным фантиком»* (А. Моторов, Преступление доктора Паровозова, 2013).

Поступок «шалость» обладает событийной природой и соотносится с игрой, развлечением, на что указывают словосочетания типа *изобретательный шалун / забавы шалуна / шалун-затейник / устроить шалость* (по аналогии с *устроить праздник / обед / прием* и т.д.). Ср.: *«Сколько же у детей энергии, а в изобретении шалостей они просто неустомимы»* (Срочно требуется организатор досуга // «Лиза», 2005); *«Но у нас в школе произошло следующее. Один из **шалунов** придумал забаву: сделал бумажную трубочку и из нее, как из духового ружья, стрелял жеваной промокашкой...»* (В. Зензинов, Пережитое, 1953).

Фрейм поступка «шалость» может переноситься в нетипичные для его реализации области. В этом случае компоненты содержания фрейма используются применительно к другим, не ядерным для понятия «шалость» мотивам, агентам, действиям. Как показывают контексты НКРЯ, при таком переносе происходит изменение типичных действий: злодеяния и преступления иронично или всерьез называются шалостями: *«Причем если «в войне за свободу» поэты-ваххабиты признают допустимыми и даже приветствуемыми мелкие **шалости** вроде захвата больницы с беременными женщинами, то в «войне за веру» таким поступкам, вроде как, нет и не должно быть места»»* (А. Алексеев, Эстетика террора // «Спецназ России», 2003).

Таким образом, рассмотрение словообразовательного гнезда как фрейма позволяет говорить об этой единице как о структуре, содержащей информацию в упорядоченном виде и объективирующей данные о мире. Лексико-словообразовательные значения, связанные между собой и наличием общих смысловых компонентов, и логической связью, демонстрируют фреймовую организацию ситуации, связанной с

совершением поступка «шалость». Реализации поступка «шалость» предшествует внутренний план действия, в котором представлено сознательно выработанное намерение, имеется прогноз ожидаемого результата. Прототипическими действиями, через который поступок «шалость» получает реализацию, являются действия, отклоняющиеся от принятых поведенческих норм, но не нацеленные на причинение серьезного вреда, а скорее мотивированные желанием развлечься. Выбор действий зависит от возраста агента поступка, т.к. ребенка развлекает и забавляет одно, взрослого – другое. Возрастные характеристики становятся точкой отсчета для оценивания действий, лежащих в основе поступка. Одна и та же ситуация реальной действительности может быть расценена неодинаково разными людьми, отсюда возможность противоположных оценок у единиц описываемой микроструктуры: кто-то оценивает шалость как нечто возмутительное и недопустимое, кто-то испытывает умиление и восхищение. Подобный субъективный характер восприятия поступка есть продукт индивидуального сознания человека.

Библиографический список

1. *Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ)* / Гл. ред. А.С. Кузнецов. СПб., 2000.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2002.
3. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.
4. *Национальный корпус русского языка (НКРЯ)*. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
5. *Осадчий М.А.* Гнездо однокоренных слов как динамический фрейм // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы межд. науч. конф. Кемерово, 2009. С. 184-190.
6. *Русский семантический словарь*. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений (РСС) / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т.3. М., 1998.
7. *Словарь русской ментальности* / под ред. В.В. Колесова, Д.В. Колесовой, А.А. Харитоновой. Т.2. СПб, 2014.
8. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т.2. М., 1997.

О.А. Горбань

ДОКУМЕНТЫ ВОЙСКА ДОНСКОГО СЕР. XVIII В. КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Волгоградский государственный университет

В статье отмечается употребление слов «самодурство» и «трибликатный» в документах сер. XVIII в. архивного фонда Михайловского станичного атамана

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00246 «Параметризация текстов как основа создания лингвистического корпуса архивных документов XVIII–XIX вв. канцелярий Войска Донского».

Государственного архива Волгоградской области, определяется их значение. Показано, что источники содержат раннюю фиксацию народно-разговорного «самодурство» и редкий случай использования заимствованного «трипликатный (трибликатный)», что дополняет сведения опубликованных на сегодняшний день словарей русского языка.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, региональная деловая письменность, архивный документ, Войско Донское, XVIII век, самодурство, трибликатный.

The article deals with the use and meaning of the words “samodurstvo” and “triblikatnyy” in documents of the mid 18th century from the “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” Archive Fund (State Archive of Volgograd region). It is shown that the sources contain an early fixation of the folk-colloquial “samodurstvo” and a rare case of using the borrowed “triplikatnyy (triblikatnyy)”, which adds to the information of the published today Russian language dictionaries.

Key words: Russian language, historical lexicology, regional administrative writing, archival document, Cossack Don Host, 18th century, samodurstvo, triblikatnyy.

Одним из важнейших вопросов исторического языкознания является вопрос об источниках, среди которых ведущую роль играют письменные памятники. Из-за их малой доступности для широкого круга исследователей актуальной была и остается проблема их публикации. В настоящее время развитие компьютерных технологий позволяет не только облегчить решение данной проблемы, но и существенно расширяет возможности работы с источниками и содержащимся в них языковым материалом при помощи электронных библиотек, лингвистических корпусов.

По созданию специального диахронического лингвистического корпуса ведется работа научного коллектива Волгоградского государственного университета, в рамках которой выполнено наше исследование. В основу корпуса положено архивное собрание документов канцелярии Михайловской станицы земли Войска Донского XVIII-XIX вв. (ГАВО, ф. 332, оп. 1). Интерес к региональной деловой письменности XVIII века в последние два десятилетия значительно возрос. Представленная большим массивом документов, в совокупности она позволяет раскрыть тенденции развития и функционирования русского языка в его территориальных вариантах в начальный национальный период. Лингвистические корпусы местных архивных источников позволят проводить исследования на репрезентативном материале, оперировать им, осуществлять быстрый поиск необходимых фактов. Корпусы памятников письменности, не вошедших в источниковую базу известных исторических словарей, могут дополнять лексикографические данные.

Тексты документов середины XVIII в., создававшихся в канцеляриях Войска Донского, отражают взаимодействие различных культурно-языковых традиций, включая элементы книжные и разговорные [Горбань 2016], общерусские и свойственные казачьим говорам, восходящие к деловому языку московских приказов и привнесенные с петровскими

реформами. В ряде случаев встречаются лексические единицы, пока не отмеченные лексикографическими изданиями для рассматриваемого периода, что можно объяснить редкостью слова (в частности, нового заимствования), его разговорным, а возможно и окказиональным, характером и др. Остановимся на двух таких словах.

Самодурство.

В приговоре станичного сбора Михайловской станицы о штрафах за потраву хлебов от 18 мая 1748 г. говорится: *1748 году мая 18 дня Михайловскои станицнои атаманъ Тимофеи Устинов, старики и козаки на полномъ станицном зборе приговорили мы в том что уже ныне время настизающее приспело чтоб намъ станицные табуны такожь и на хуторах скотомъ хлеба не били и по речкамъ нашимъ луга не обивали б а ежели кто в противности явитца **самодурством** пастух с такимъ поступлено будет сколка в табуне сыщется скота взять потраву* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 1; примеры даются в современной графике, служебные слова отделяются от знаменательных, имена собственные пишутся с прописной буквы, в остальном передается орфография оригиналов).

Существительное *самодурство* образовано от *самодур* при помощи суффикса *-ство*.

Самую раннюю фиксацию слова *самодур* в форме творительного падежа, ставшей наречием, *самодуром* из делового памятника 1688 г. дает Словарь русского языка XI-XVII вв. [СРЯ XI-XVII, 23: 39]. В академических словарях XVIII и первой половины XIX в. оно не встречается, однако содержится в Немецко-латинском и русском лексиконе Э. Вейсмана (рус. пер. изд. в 1731 г.) [БАС, 13: 98]. В словаре В.И. Даля зафиксированы *самодур* и его производные *самодурье*, *самодурь*, *самодурить*, *самодурливый*, *самодурчивый* [Даль 1999, 4: 133]. Разные значения этого слова и большее число производных по диалектам представлено в Словаре русских народных говоров, отражающем записи с 1848 г. [36: 85-86]. Наречие *самодуром* есть и в донских говорах [БТСДК 2003: 470]. По данным лексикографических источников можно судить о народно-разговорном характере слова *самодур*. В.В. Виноградов отмечал, что оно было введено в литературный язык А.Н. Островским (1856 г.) из мещанско-купеческого языка, куда оно проникло из областной народной речи, а из произведений Островского было подхвачено Н.А. Добролюбовым, другими писателями [Виноградов 1999: 615-618]. Однако литературной речи слово было известно и ранее; так, в письме Д.И. Фонвизина П.И. Панину 1772 г. читаем: *...каким бы **самодуром** на конгрессе поступлено не было* [Виноградов 1999: 616; Национальный].

Что касается слова *самодурство*, то оно впервые зафиксировано в Дополнении к «Опыту областного великорусского словаря» 1858 г. [см.: Виноградов 1999: 616]; Словарь русских народных говоров датирует эти записи 1855 годом [СРНГ, 23: 86]. Среди литературных текстов это

критические статьи Н.А. Добролюбова, посвященные творчеству А.Н. Островского (1859 и 1860 гг.) [Национальный]. Более ранние источники, в которых встречалось бы это слово, в Национальном корпусе русского языка пока не отмечены.

Соответствующий том Словаря русского языка XVIII в. в настоящее время еще не вышел в свет; возможно, его картотека содержит интересующие нас материалы, однако документы донского казачества показывают существование слова *самодурство* уже в первой половине XVIII в. Его значение можно установить, опираясь на словарные данные, словообразовательные отношения с другими словами, контекст.

Словари современного русского литературного языка определяют значение существительного *самодурство* как ‘образ действий, поведение самодура’ [БАС, 13: 99], т. е. того, кто ‘действует по произволу, по собственной прихоти, не считаясь с другими людьми’ [БАС, 13: 98].

Словарь русских народных говоров отмечает для Псковской и Тверской губерний соотносимые слова *самодур* = ‘упрямый человек’, *самодурить* = ‘упрямиться’, *самодурство* = ‘упрямство’, *самодурствовать* = ‘упрямиться’ [СРНГ, 36: 85-86]. В.И. Даль не фиксирует слово *самодурство*, но дает дефиниции словам *самодур* – ‘глупый и самоуверенный, затейливый, упрямый человек’, *самодурить* – ‘дурить в свою голову, упрявиться’ [Даль, 4: 133].

Особо выделим форму творит. падежа *самодуром*, которая употреблялась в функции, а затем перешла в разряд наречий: ‘по собственному произволу’ [СРЯ XI-XVII, 23: 39]; ‘по-своему; глупо, необдуманно’ [Даль, 4: 133]; ‘самовольно, необдуманно (сделать что-то)’ [СРНГ, 36: 85]. В донских говорах это наречие означает ‘1. Самосевом. 2. Глупо, не задумываясь (делать что-либо)’ [БТСДК 2003: 470].

Таким образом, в семантике производящей основы можно выделить компоненты ‘глупость’, ‘упрямство’, ‘своеволие’, которые могут актуализироваться одновременно или по отдельности.

В процитированном нами документе излагается решение станичного сбора в связи с наступлением времени всхода хлебов об обязанности оберегать хлеб от потравы скотом и о наказании пастухов либо хозяев скота (если без пастуха) за нарушение этого постановления. Интересующее нас слово употреблено в контексте: *ежели кто в противности явитца самодурством пастух с такимъ поступлено будет...*, где оно синтаксически связано со словосочетанием *в противности явитца* в придаточном предложении условия, которое традиционно в законодательных текстах излагало возможное нарушение, служащее условием последующего наказания. Существительное *противность* было полисемичным и, среди прочего, означало ‘препятствие; упорство’, например, «Поступать в противность советам» [САР, 4: 1098], ‘упорство, строптивость’ [Даль, 3: 520]; ср. *противный* =

‘противудействующий’, ‘несообразный, несогласный с чем’ [САР, 4: 1097], ‘упрямый, непокорный’, ‘состоящий в разладе с чем, несообразный, несогласный’, ‘нарушающий что’ [Даль, 3: 519]. Речь идет о каком-либо пастухе, который окажется в противодействии постановлению, поступит несообразно с ним, проявив непокорство, упорство, а именно *самодурством*, то есть по своеволию, упрямству (или глупости). Как нам представляется, *самодурством* в творительном падеже употреблено здесь в функции наречия и синонимично слову *самодуром*.

Что касается выбора образования с суффиксом *-ств(о)* вместо отмечаемого в донских говорах *самодуром*, то это может быть обусловлено стилистически – стремлением придать книжный характер речи, свойственный деловому языку сер. XVIII в. Однако, как отмечают исследователи, этот суффикс не всегда является приметой книжности; образования с ним могли встречаться в разговорной речи, памятниках не книжных жанров [Николаев 1987: 115, 131-132], сегодня в ряде случаев отличаются сниженной, разговорно-просторечной, окраской в противоположность параллельным образованиям с другими аффиксами [Кадькалов 2007: 102, 105-106]. Если учитывать разговорный характер производящей основы *самодур* и продуктивность модели образования существительных на *-ств(о)* от наименований лиц [Кадькалов 2007: 102], то можно предположить, что слово *самодурство* было свойственно народной речи, в том числе донским говорам, в рассматриваемый период (об этом косвенно свидетельствуют и более поздние данные СРНГ).

Трибликатный.

Как известно, петровские преобразования отразились в русском языке большим количеством заимствований из европейских языков. К ним относились и термины делопроизводства, введение которых связано с реформой государственного управления, деятельности учреждений. Документы изучаемого архивного фонда свидетельствуют о том, что новая терминология проникала и в региональную деловую речь, в том числе Войска Донского, которое, несмотря на относительную автономию, все больше подчинялось общероссийским законам в области управления и делопроизводства.

Материал источников отражает новые, заимствованные, наименования учреждений (*кантора, канцелярия* и др.), документов (*репорт, паспорт, промемория, реестр, регистр, ордер* и др.). При оформлении самих документов отмечалась также степень их оригинальности, которая характеризовалась терминами *оригинальный* (наряду со старым *подлинный*), *копия* (вместо традиционных *список, отпуск*), *дубликат* и *дубликатный*. Эти слова использовались в соответствующих пометах, как правило, на верхнем поле листа или употреблялись в основном тексте при ссылке на документы, указании на наличие печати и др. Среди таких помет (записей) на верхнем поле у

левого края листа войсковой грамоты атаману и казакам Михайловской станицы о посылке к Войску казака Федота Маркова по делу о беглом рекруте Егоре Семенове от 18 ноября 1750 г. (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 11) отмечено слово *трибликатная*, которое по своей структуре, несомненно, соотносится с *дубликатная*.

Слово *дубликат* (вар. *дупликат*) и производное *дубликатный* (вар. *дупликатный*) не зафиксированы в Словаре Академии Российской, однако содержатся в академическом Словаре церковнославянского и русского языков и словаре В.И. Даля в вариантах *дупликат* и *дупликатный*: ‘вторичное отношение одинакаго содержания с прежде отправленным’ [СЦСРЯ, 1: 377], ‘вторичная бумага, от слова до слова повторенная, список, противень, отправляемая на случай утраты первой’ [Даль, 1: 497] и «относящийся к дубликату» [СЦСРЯ, 1: 377]. Существительное *дупликат* отмечено также в труде Н.А. Смирнова [Смирнов 1910: 112]. Варианты с *п* и *б* могут восходить к разным языкам-источникам, при этом первый, связанный с немецким, польским и через них с латинским, зафиксирован Словарем русского языка XVIII века чуть ранее второго (соответственно, 1706 и 1709 гг.), однако именно второй встречается в рассмотренных документах Войска Донского.

Слова *трипликат* (*трибликат*) и *трипликатный* (*трибликатный*) не отмечены словарями XVIII и XIX вв.

Национальный корпус русского языка фиксирует лишь два случая употребления существительного *трипликат*, из которых один – в качестве научного термина (2000 г.), второй, из «Воспоминаний кавказского офицера» Ф.Ф. Торнау (1866-1880), – в качестве характеристики документа: *Для пуцей верности приказание, трипликатом написанное, должно было отослаться через трех татар-лазутчиков...* Как термин, одно из значений которого – ‘третий экземпляр документа’, он фиксируется рядом современных специальных словарей [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18927>]. Слово синонимично также современному *триплет* ‘третий экземпляр какой-либо вещи (обычно редкой)’ [БАС, 15: 973; БТС: 1346]. Производное прилагательное в корпусе и в словарях современного русского языка не отмечено.

Соответствующий том Словаря русского языка XVIII в. еще не опубликован, однако в словарной статье, посвященной прилагательному *дубликатный*, приводится пример из сенатского указа от 28 февраля 1798 г.: *Губернская Правления ... не токмо по первым требованиям ... но по дубликатным и трипликатным не исполняют и не отвечают по делам неисправных плательщиков* [СРЯ XVIII, 7: 23]. Здесь в одном ряду стоят *первые*, *дубликатные* и *трипликатные* требования (и содержащие их документы), из чего можно вывести значение слова *трипликатный* как ‘третичный, составляемый, переписываемый в третий раз’. Возможно, в

картотеке СРЯ XVIII есть более ранние источники употребления слов *трипликат* и *трипликатный*.

Такое значение выражает и прилагательное *трибликатный* из пометы к войсковой грамоте 1750 г.; это подтверждается второй пометой – записью на левом поле внизу листа той же грамоты: *орегинальная послана августа 27го дня дубликатная сентебря 25го дня 1750г(о) году* (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 11), свидетельствующей о том, что настоящая грамота представляет собой уже третий экземпляр документа. Вариант с буквой *б* соотносится с вариантом *дубликатный*, обычным для рассматриваемых источников.

Таким образом, мы видим, что источники сер. XVIII в. архивного фонда Михайловского станичного атамана отражают языковые явления, свойственные живой разговорной речи и в силу этого достаточно редкие для официальных документов XVIII века, а также новые тенденции развития русского языка в рассматриваемый период – активное внедрение в официальную речь и вхождение в литературный язык европейских заимствований и их русских производных, часть которых в нем могла потом не закрепиться. Рассмотренные примеры употребления слов подтверждают значимость региональных документов Войска Донского для изучения истории русской лексики и необходимость создания лингвистического корпуса таких документов, во всей полноте представляющего функционирование отдельных слов в массиве данных источников.

Библиографический список

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 13. М., 1962; Т. 15. М., 1963.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
3. БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
4. Виноградов В.В. История слов. М., 1999.
5. Горбань О.А. Разговорные элементы в текстах региональных документов XVIII века // Русская устная речь. Вып. 2. Саратов, 2016. С. 27-37.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1999.
7. Кадьякалов Ю.Г. Из истории отвлеченных существительных: Имена с суффиксом *-иј-* (*-ј-*) в русском языке. Саратов, 2007.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
9. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Казань, 1987.
10. САР – Словарь Академии Российской. Т. 4. СПб., 1793.
11. Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910.
12. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 36. СПб., 2002.
13. СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. М., 1996.
14. СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. Л., 1992.
15. СЦСРЯ – Словарь церковнославянского и русского языков, сост. 2-м Отделением Императ. Акад. наук. Т. 1. СПб., 1847.

**ФУНКЦИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ПОДВИЖНИКОВ БЛАГОЧЕСТИЯ XVIII И XIX ВЕКОВ¹**

Волгоградский государственный университет

В статье рассматриваются семантика и функционирование лексики эмоций в агиографических текстах синодального периода. Выявлены особенности использования языковых средств для создания образа подвижника как религиозно-нравственного идеала.

Ключевые слова: житийный текст, лексика эмоций, нравственный идеал.

The article deals with the semantics and functioning of the vocabulary of emotions in hagiographic texts of the Synodal period. The features of realization of linguistic means for creation of the image of the ascetic as a religious and moral ideal are revealed.

Key words: hagiographic text, emotive lexical units, moral ideal.

Агиографический жанр долгое время являлся одним из самых чтимых и распространенных в русской книжности, имел огромное значение для формирования христианского мировоззрения [Творогов 2005: 3], на протяжении веков оставаясь важнейшим средством поддержания культурной памяти русского народа.

В.В. Красных, ссылаясь на Я. Ассмана, определяет культурную память как форму «трансляции и актуализации культурных смыслов, которая формирует и воспроизводит идентичность сообщества», а также как некоторое знание, которое «регулирует деятельность человека и управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах, включая общество в целом» [Красных 2016: 132]. Центральное место среди ключевых культурных смыслов занимают представления о нравственном идеале.

Нравственный идеал характеризуется как нравственное совершенство, образ личности, воплощающей такие моральные качества, которые могут служить высшим моральным образцом, при этом цель нравственного воспитания личности мыслится как возможно большее приближение к нравственному идеалу [ФС 1991: 149]; это представление о всеобщей норме, образце человеческого поведения и отношений между людьми, выражающее исторически определенное понимание цели жизни [Иконникова 1962: 204]. В этом смысле следование нравственному идеалу соответствует соблюдению этических принципов. Нравственный идеал задает модель поведения в большинстве жизненных ситуаций и включает аспект сравнения (добро и зло) [Лейко 2003: 342]. Нравственный идеал играет существенную роль в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-01009-ОГН «Отражение представлений о нравственном идеале в языке русской оригинальной агиографии XVIII-XX веков».

самоидентификации нации. Как отмечает М.И. Воловикова: «В каждом народе образы национальных героев бережно хранятся, передаются от поколения к поколению, служат основой воссоздания национального характера» [Воловикова 2004: 9].

При общей определенности ядра понятия нравственного идеала в научной литературе представлены попытки разграничить его типы, опирающиеся на различия в источниках тех морально-этических принципов, которым необходимо следовать. Так выделяется понятие религиозно-нравственного идеала и возникает необходимость говорить о специфике религиозно-этических принципов по отношению к морально-этическим принципам вообще, и, хотя эти различия могут показаться не столь существенными, осмысление их с применением категории святости свидетельствует об исключительном характере религиозно-нравственного идеала [Дмитриева 2018: 66].

Идеал христианских подвижников, выработанный самим народом и отражающий его внутреннюю, духовную историю, нашел свое непосредственное отражение в русской агиографии.

В качестве источника для отбора фактического материала выступили жизнеописания Сезеновской игуменьи Серафимы, в схиме Евфимии, и инокини Маргариты (Марфы), вошедшие в собрание жизнеописаний отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков.

Особую роль в выражении нравственно-религиозного идеала в агиографическом тексте играет лексика эмоций. Это обусловлено тем, что одной из основных функций, которую выполняют эмоции в житии, является характерологическая функция (о термине см.: [Дмитриева 2011: 46]).

Так, описывая жизнь подвижниц, автор подчеркивает любовь, с которой они относились к окружающим и которая повсюду сопровождала. Повествуя о происхождении Евфимии, автор характеризует праведное поступки ее отца и отношение к нему приходского священника: *Ефимъ Семеновичъ по состоянію своему, а равно по ласковому обхожденію, считался однимъ изъ лучшихъ въ селѣ. Онъ не отказывался помочь бѣднымъ, приходившимъ къ нему за помощію. Даже самъ старался узнать о бѣдномъ и спѣшилъ къ нему съ помощію. И за это его любилъ приходскій священникъ, который нерѣдко посѣщалъ Ефима и удѣлялъ съ нимъ время на бесѣды. А въ былыя времена, если кого любятъ и отличаетъ отъ другихъ приходскій священникъ, тотъ считался въ общественномъ мнѣніи за человека благочестиваго и добродѣтельной жизни* (ЖЕ: 172). Об особом предназначении Евфимии свидетельствовали и знаки, полученные близкими при ее рождении: *Въ этотъ же день младенецъ, только что родившійся, слабыми своими рученками схватилъ крестъ и прижалъ къ груди. Этотъ крестъ былъ изъ рукъ взятъ силою. Слѣдовательно, родившаяся возлюбить Господа и до послѣдняго издыханія, не оставитъ предназначеннаго ей свыше крестнаго пути* (ЖЕ: 172). Повзрослев, Евфимия укрепила в выборе

избранного пути: *Евѡимія съ лѣтами мужалась въ духѣ вѣры и любви къ Богу* (ЖЕ: 174); *Она находила душевное утѣшеніе въ домѣ своего духовнаго отца, приходскаго священника о. Петра, любившаго ее* (ЖЕ: 174).

Любовью была наполнена и жизнь инокини Марфы: *Съ дальнѣйшимъ возрастомъ росла въ Марѣѣ и любовь къ постнической, подвижнической жизни* (ЖМ: 10); *«Вела себя она, говорилъ ея братъ, съ отличною кротостію и богоугодно, пользуясь всеобщею любовію не только въ семействѣ, но и отъ другихъ людей». Одушевленная такую любовію и кротостію нрава, Марѣа-труженица, часто, тайно отъ матери и отъ родныхъ, исполняла работы слуг... За это слуги питали къ ней особенную любовь и служили ей съ особенною готовностію не изъ страха, а изъ признательности* (ЖМ: 11).

Такое частотное употребление лексем с семантикой любви, традиционно характеризующее тексты житий, с одной стороны, можно считать проявлением житийного канона, нацеленного на установление определенной эмоционально-нравственной атмосферы, особого «православного» мирочувствования. Устойчивости этой атмосферы и способствовала устойчивость, неизменность житийного канона [Берман 1982: 162].

С другой стороны, высокая частотность указаний на чувство любви связана с коренными особенностями национальной языковой картины мира, русской ментальности. Хотя В.И. Шаховский, отмечая, что «наша аффективная жизнь связана с национальными (этническими) идеями», относит среди прочих любовь к универсальным эмоциям [Шаховский 2009: 34], многие отечественные и зарубежные авторы в разные эпохи и независимо друг от друга отмечают особый «вселенский» характер русского понятия *любовь* [Радбильт 2010: 248].

Характеризуя сквозные мотивы русской языковой картины мира, А.Д. Шмелев отмечает, важность того, что «тема счастья в русской языковой картине мира неразрывно связана с темой любви» и подчеркивает, что «именно в связи с любовью чаще всего говорят о том, что человек счастлив» [Шмелев 2005: 460]. Отражение этой идеи находим и в агиографических текстах: *Неменьшую любовь и уваженіе постепенно приобрѣла Марѣа и внѣ своего семейства, въ городѣ. «Она такъ была счастлива, по выраженію ея брата, что очень многіе постоянно ходили къ ней за совѣтами, либо съ просьбою утѣшенія въ скорби»* (ЖМ: 11); *Ухаживать за малюткою, угадывать его желанія Евѡиміи доставляло такое удовольствіе, что она на предложеніе матери и родной бабушки старицы Марьи Васильевой поиграть въ праздничные дни съ дѣтьми, всегда отклоняла, съ дѣтскою невинною любовію отзываясь, что она лучше займется съ братомъ Игнатомъ, котораго Евѡимія любила болѣе всѣхъ за его кроткій нравъ* (ЖЕ: 173).

Эмоциональная палитра жизнеописаний не ограничивается только чувствами любви и счастья. Заслуживает внимания то обстоятельство, что

важнейшие решения герои принимают, руководствуясь сердцем – чувствами, эмоциями: *Родители Евѳиміи, люди благочестивой жизни, **сердцемъ своимъ чувствовали**, что ихъ дочь назначена для жизни не мірской, а духовной* (ЖЕ: 174); *Вмѣстѣ съ Ефимомъ Моргачевымъ должна была отправляться и дочь ихъ Евѳимія; но для нея это отправленіе было **не по сердцу*** (ЖЕ: 175); *Чтобы рѣшить остаться на родинѣ или ѣхать съ семьєю, Евѳимія ночью пришла къ затворнику Іоанну, открыла свою скорбь и просила указанія, на что ей рѣшиться. «Идти мнѣ **не хочется**», говорила Евѳимія: «но и оставаться **боюсь**; быть можетъ, я буду грустить, плакать и тянуться къ роднымъ». На это затворникъ ей отвѣчалъ: «не ходи, оставайся здѣсь на родинѣ, а тамъ и безъ насъ много. **Скучать** ты здѣсь не будешь, ты нужна здѣсь. Найдутся люди, дадутъ тебѣ пріютъ, и здѣсь проживешь». (ЖЕ: 175); *Ни просьбы, ни слезы, ни самыя угрозы родителей не могли заставить Евѳимію перемѣнить своего намѣренія; наконецъ, хотѣли взять ее силою, не для того, чтобы мѣшать ей предаваться молитвѣ, но **по чувству родительскому**, которое никакъ не могло рѣшиться оставить свою дочь еще въ молодыхъ лѣтахъ, неопытную въ жизни, одну, безъ пріюта, безъ своей помощи* (ЖЕ: 175); *Оставалась послѣдняя рѣшительная минута, и въ эту-то роковую минуту Евѳимія обратилась съ молитвою къ Создателю всяческихъ въ сосѣдственной горницѣ. Ея **слезная** молитва услышана: невѣдомый голосъ возвѣстилъ ей три раза: «**не бойся**», и въ то же время пришелъ въ домъ отца Евѳиміи приходскій священникъ отецъ Петръ, который отслужилъ напутственный молебенъ, пожелалъ отправлявшимся всѣхъ благъ, а Евѳиміи посоветовалъ оставить на родинѣ и предоставить ее водительство Промыслителя благъ* (ЖЕ: 175-176). Это позволяет говорить, что эмоциональная лексика играет важную роль и в развитии сюжета повествования.*

Таким образом, проведенный анализ показал, что в текстах жизнеописаний отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков лексика эмоций используется для характеристики персонажей, участвует в реализации житийного канона и репрезентации важных элементов русской языковой картины мира. Все это свидетельствует о том, что эмоции являются одной из ключевых составляющих представления о религиозно-нравственном идеале.

Библиографический список

1. Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С.159-183.
2. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Институт психологии РАН, 2004. 312 с.
3. Дмитриева Е.Г. Религиозно-нравственный идеал в современных агиографических текстах: лингвистическая характеристика // Научный диалог. 2018. № 12. С. 64-74.

4. Дмитриева Е.Г. Функции эмотивной лексики в Повести о Петре и Февронии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2011. № 2 (14). С.45-49.
5. Иконникова С. Идеал нравственный // Философская энциклопедия: в 5 томах. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 202-204.
6. Инокния Маргарита (Марфа) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Сентябрь. М.: Афон. рус. Пантелеимонов монастырь, 1910. С. 10-17 (ЖМ).
7. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
8. Лейко А.И. Идеал // Социология: энциклопедия. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 342.
9. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта, 2010. 328 с.
10. Сезеновская игуменья Серафима, в схиме Евфимия // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Сентябрь. М.: Афон. рус. Пантелеимонов монастырь, 1910. С. 171-191 (ЖЕ).
11. Творогов О.В. О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография: Исследования, публикации, полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 3-58.
12. Философский словарь / ред. И. Т. Фролов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 560 с. (ФС).
13. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.
14. Шмелев А.Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 452-464.

О.И. Дмитриева

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского*

На материале произведений современных писателей рассматриваются разные случаи использования средств словообразования в качестве выразительного ресурса художественной речи. Обозначены некоторые функции словообразования в тексте художественного произведения, способы актуализации различных сторон словообразовательного механизма в ткани текста, показаны творческие возможности неустойчивого словопроизводства.

Ключевые слова: *художественная речь, словообразование и текст, выразительные ресурсы языка, функции словообразования в тексте.*

The study is based on material collected from the works of modern writers. The focus is on the use of word-formation means as expressive tools of the language of fiction. The article highlights some functions of the word-formation in the fictional text, the ways of actualization of different sides of the word-formation mechanism in the texture of the text, it demonstrates creative abilities of non-usual word-formation.

Key words: *the language of fiction, word-formation and text, expressive means of the language, word-formation functions in the text.*

Речевое самовыражение творческой личности писателя уникально, поскольку «художественный мир возникает в сознании творца в ходе порождения текста, и он же должен (в идеале) возникнуть в воспринимающем сознании...» [Седов 2006: 200]. При этом каждая языковая единица текста несет свою смысловую и эстетическую нагрузку в художественной ткани произведения, ибо текст не является механической суммой отдельных элементов: каждый реализуется в отношении к другим элементам и структурному целому всего текста. Эстетически значимой в тексте может быть любая единица языка, в том числе и единица словообразования. Словообразование, по справедливому замечанию Е.А. Земской, является сильным средством не только экспрессивизации текста, но и его когезии [Земская 2009: 178].

Наблюдение над языком произведений современной прозы позволяет заметить, что словообразование может рассматриваться как ее актуальный выразительный ресурс. В качестве материала для анализа с применением методики сплошной выборки использованы тексты произведений А. Иванова, Ю. Полякова, В. Токаревой, Л. Петрушевской, Т. Москвиной, Е. Гришковца, Г. Щербаковой – писателей, произведения которых неоднородны как по тематической, так и по идейно-художественной специфике. Тем интереснее выявить в анализируемых текстах характерные приемы актуализации связей и отношений, имеющих в системе словообразования и составляющих его выразительный ресурс.

Каждый писатель не только отражает реальное пространство, но и создает свое собственное, с его особыми свойствами и границами. Здесь могут действовать связи и законы, часто не имеющие своего обозначения в узуальном употреблении языка.

Так в романе А. Иванова «Блуда и МУДО» автором создается узнаваемое современное, но в тоже время собственное пространство, уникальность которого определяет необходимость его *означивания*. Словообразовательные элементы здесь реализуют номинативную функцию, а авторские новообразования выполняют роль ключевых единиц текста, становясь средством моделирования новой действительности. Устами главного героя романа Моржова автор декларирует свое пристрастие к избранному способу означивания при помощи окказионального глагола *аббревиатурировать*: *«Моржов любил для простоты запоминания важные вещи аббревиатурировать. Эти аббревиатуры были его личной иконографией, а в любой иконографии зашифрована система мира»*. Ключевая узуальная аббревиатура МУДО – муниципальное учреждение дополнительного образования – соотносится с окказиональной аббревиатурой ПНН – Проклятие Неискоренной Непристойности, поскольку здание Муниципального учреждения дополнительного образования города Ковязина находится в бывшем владении купца-развратника Забиякина, имеющем недобрую славу. Герои романа,

вынужденные осваивать пространство новой реальности, создают и новую общность – **фамильон**:

– Я назвал его **фамильон**, – важно сообщил Щекин.

– Батальон, бульон, мильон.... Что это такое?

– **Фамильон** – это новая постмодернистская ячейка общества.

В традиционном обществе такой ячейкой была семья. Но общество глобализировалось...

Ряд аббревиатурных новообразований характеризует основные черты новой реальности, воссоздаваемой автором: ПМ – Пиксельное Мышление, КВ – Кризис Вербальности, ПВЦ – Призрак Великой цели, ОПГ – Охват Поля Гибкости. Последняя аббревиатура приобретает коннотативное значение, соотносясь с узуальным производным ОПГ – организованная преступная группировка.

Роман «Блуда и МУДО» отражает особый формат современного мышления, что определило специфику его языкового оформления прежде всего средствами словообразования [подробнее об этом Дмитриева 2012].

Очевидно, что создание новых текстовых номинаций часто сопряжено как с окказиональностью, так и с языковой игрой, которая, как точно отметила Е.А. Земская, является характерной особенностью не только языка современных средств массовой информации, но и языка художественной литературы. Причина тому – тотальная установка на раскрепощенность [Земская 2000]. В художественной речи отступление от нормы, поиск индивидуального способа языкового выражения часто носит не только сознательный, но и системный характер. В современной русистике сложилась устойчивая традиция в понимании языковой игры как осознанного эксперимента. Она может рассматриваться, с одной стороны, как нарушение общепринятой нормы, а с другой, – как намеренное нарушение, как процесс, имеющий установку на творчество [Санников 2010].

Словообразовательная игра – один из способов языковой игры, имеющий результатом создание нового слова, отсутствующего в системе языка, или семантическую деривацию, то есть переосмысление значения узуального слова. В художественной речи словообразовательная игра становится стилистическим ресурсом, так как связана с деавтоматизацией восприятия речи [Николина 1999]. Чаще всего словообразовательная игра – это нетрадиционное использование языка с ориентацией на скрытые эстетические возможности языкового знака.

В романе «Замыслил я побег» Ю. Поляков прибегает не только к дополнительной номинации всех основных персонажей именами героев популярных в описываемое им время «Звездных войн», но и создает ключевое для воссоздания каждого человеческого типа окказиональное слово. Например, для характеристики Башмакова, главного героя романа,

автор употребляет окказионализм «эскейпер», образованный от англ. *escape* – побег по аналогии с моделью *дизайн* – дизайнер:

– Как будет «побег» по-английски?

– «Побег» будет «*escape*»...

– Значит, «беглец» будет ... «эскейпер». Это как «эсквайр»...

– Такого слова, кажется, нет... Точно нет...

Слова *эскейпер*, действительно, нет ни в английском, ни в русском языке, автор создает его для обозначения нового типа героя – человека, который ни к чему не привязан прочно. Башмаков живет в семье, но постоянно находится в ожидании ухода из нее, у него есть работа, но и она случайна. Необычно сочетание имени, отчества и фамилии героя: Олег Трудович Башмаков. Нетипичное отчество тоже становится средством языковой рефлексии для персонажей романа: они трансформируют его то как *Трусович*, то как *Триллионович* в зависимости от ситуации, в которую попадает персонаж.

Андрея Каракозина, «Рыцаря Джедая», яркого, уверенного в себе, воплощающего черты молодого героя 70-х годов, характеризует авторский неологизм *битловатость* – отвлеченное существительное, созданное по модели словообразования отадъективных имен на *-ость* (по аналогии с *чудаковатый* – *чудаковатость*).

Для характеристики Бадылкина, заведующего лабораторией, которого герои романа именуют *Чубаккой*, Ю. Поляков создает окказиональное слово *неандерталинка*:

... в физиономии Бадылкина имелась некая неуловимая **неандерталинка**, и он, в самом деле, чем-то напоминал человекообразного Чубакку из «Звездных войн».

Неандерталинка – это не только портретная особенность, но и характерная черта внутреннего мира персонажа: его первобытная и незатейливая жизнестойкость.

По существу, узуальный характер приобрели окказионализмы Ю. Полякова *хрущоба* (повесть «ЧП районного масштаба») и *апофегей* (последний стал названием произведения). *Хрущоба* – контаминация слов *хрущёвка* и *трущоба* как оценка особенностей жилья, которое было популярно в один из периодов истории страны, а *апофегей* – оксюморонное совмещение *апофеоза*, *апогея* и сниженного *по фигу* – пафосное и нелепое соединение несоединимого.

Часто писатель создает новые окказиональные номинации для обозначения определенного типа персонажа. К примеру, новообразование *похихишица* становится одним из ключевых слов текста рассказа В. Токаревой «За рекой, за лесом». Писатель не только объясняет значение окказиональной номинации, но и демонстрирует весь механизм его словопроизводства – сложную контаминацию:

Подружек Артемьева Роза называла «похищищицы». От слова «похищикать» и от слова «хищищицы». Но не родилось еще такой хищищицы, которой удалось бы отодрать от Артемьева хоть жалкий клочок.

В повести «Паша и Павлуша» В. Токарева употребляет отвлеченное существительное *панасючество*, образованное от фамилии героини произведения Алевтины Панасюк – директора коррекционной школы. Слово это обозначает целый набор свойств обобщенного типа личности: безразличие к людям и делу, лицемерие, эгоизм и хамство.

Авторское новообразование В. Токаревой *помпадуристь* – вершить дела в своих интересах, находясь под покровительством высокого чиновника – характеризует поведение персонажа повести «Первая попытка» Мары Петровны:

Мара оказалась талантлива не только в шитье и фотографии, но и в государственной деятельности. Она была чем-то вроде маркизы Помпадур. Помпадурила.

Объект своего писательского интереса Т. Москвина обозначает окказиональным существительным *человечиво*:

*Мое дело маленькое – я пишу на бытовые темы, возжусь с людской пластмассой, вникаю в теплое и грязное **человечиво**. Без пафоса, без сантиментов, без всяких там «но куда же мы идем?!», «но что же с нами происходит?!» (Т. Москвина «Смерть – это все мужчины»).*

Интересный пример означивания явлений воспринимаемого и отражаемого в тексте современного пространства встречаем у Е. Гришковца:

*Натолкнулся на комментарий, где кто-то сказал, что, мол, раньше в Интернете в основном существовали и писали личности, было с кем пообщаться, а теперь Интернет «**опонсел**». Прочел я это высказывание и тут же захотел ответить. И появилось у меня, на мой взгляд, забавное высказывание: если разобраться, то «**опонсело**» все! Даже космос! Космос «**опонсел**»! Раньше там летал Гагарин, а теперь...*

*Что с этим делать? Не «**понсет**» самим. Например, один из маленьких способов борьбы с **опонсением**: не посылать друзьям по случаю праздника эсмэски с дурацкими стихами (Е. Гришковец «Год жизни»).*

Словообразовательными средствами художественной выразительности в данном фрагменте текста становятся не только окказиональная номинация *понсет* (от узуального разг. *понса*), приставочный производный глагол окказиональный *опонсет* и образованное от него отвлеченное существительное *опонсение*. Особую выразительность создает употребление новых номинаций в рамках словообразовательного гнезда, которое закрепляет в сознании читателя систему означивания новой реальности. Заметим, что образование глагола *понсет* происходит по окказиональной модели путем депрефиксации конфиксального производного *опонсет*. Именно оно соотнесено в

контексте с производной основой *попса*. Такой характер словопроизводства актуализирует в первую очередь семантику результата (*опопсеть*), а потом уже процесса (*попсеть*), поразмышлять над своим местом, в котором предлагает читателю автор.

Актуализация мотивированности словообразовательной единицы на уровне словообразовательного гнезда всегда усиливает выразительность художественной речи. Покажем пример структурирования в небольшом контексте узуального корневого словообразовательного гнезда *люб-* (*любить*):

– *А вы его любите?*

– *Кого?*

– *Любовника своего?*

– *Любовник – грубо. Возлюбленный. «Возлюбленный, как никакой другой возлюбленным уж быть не может».* Бунин.

Ирина перестает подкалывать. Говорит мечтательно:

– *У меня тоже был любимый человек.*

– *Был да сплыл?*

– *В каком-то смысле.*

– *«Настоящая любовь никогда не кончается браком».* Бунин (В. Токарева «Назло»).

Соотнесение в рамках гнезда однокоренных слов, созданных по разным словообразовательным моделям, позволяет актуализировать как синонимические (*любимый – возлюбленный*), так и антонимические (*любовник – возлюбленный*) связи в тексте.

Возможна актуализация только части словообразовательных связей гнезда за счет акцентирования неузуальных производных, имеющих явно сниженную стилистическую маркированность:

К власти пришел Никита Сергеевич Хрущев и первым делом отменил Сталина... Мару, равно как и Ритку Носикову, это не касалось. Они были маленькие. Зато оттепель коснулась всем своим весенним дыханием. Напечатали «Один день Ивана Денисовича». Все прочитали и поняли: настали другие времена. Появился новый термин «диссидент» и производные от него: задиссидил, диссида махровая и т.д. (В. Токарева «Первая попытка»).

Употребление в узком контексте ряда однокоренных производных, особенно, созданных с помощью окказиональных способов образования, всегда усиливает их семантическую и экспрессивную роль в тексте. Узуальный глагол *обабиться* – конфиксальное производное от существительного *баба*, тогда как окказиональный глагол *побабиться* является продуктом депрефиксации первого с последующей префиксацией с помощью форманта *по-*.

– *Нет сил, а главное, понимаешь, нет смысла. Дни превратились в ожидание пенсии, конца.*

– *Что ты будешь делать?*

– *Ничего!* – *ответила та, – ничего! Буду поздно вставать. Буду читать детективы. Обаблюсь.*

– *Я тебе дам отпуск за свой счет, – предложила Оксана Михайловна. – Побабься. С месяца* (Г. Щербакова «Отчаянная осень»).

Глагол *обабиться* обозначает результат процесса, тогда как авторский неологизм *побабиться* – процесс, протекающий лишь в течение ограниченного времени: `не стать бабой`, а `побыть ей некоторое время`. Контекст подчеркивает краткость этого временного отрезка – «с месяца».

Можно отметить частотность употребления в современной прозе неuzuальных глаголов именно такого окказионального способа словообразования, как депрефиксация с дальнейшей префиксацией, то есть последующим присоединением к образовавшейся окказиональной основе другого префикса. Например: *Якобы они все ждали, когда освободится телефон. Мой любимый дядя Миша даже отслонил [прислонить > отслонить] свою черную, как в рентгеновском кабинете, портьеру и стоял в голубом егерском теплом белье, как принц в драпировках* (Л. Петрушевская «Найди меня, сон»).

В то же время для окказионального глагольного словопроизводства в художественной речи в целом более характерны зуальные модели. Как и в узусе, активно суффиксальное производство глаголов от именных основ. Авторские новообразования могут выполнять номинативную функцию в тексте, обозначая новые процессы, например:

Алина сняла косынку, обнажив голый череп. Он поблескивал как бильярдный шар.

– *Как это понимать?* – *оторопел Тишкин.*

– *Меня химили и лучили. Все волосы выпали. Но они вырастут. Врачи обещают* (В. Токарева «А из нашего окна»).

Наиболее ярко возможности словообразования как выразительного ресурса художественной речи обнаруживаются при экспрессивизации текста его средствами. Базой для реализации экспрессивной функции словообразования часто становится самостоятельное употребление морфем, то есть «единиц дословесного уровня» [Земская 2009: 179]. Писатель порой предлагает читателю вместе с ним осмыслить механизм словопроизводства, восстанавливая глубинные смыслы:

Весь класс мучит слабую старушку, издевается, а тактичная девочка сочувствует. Со-чувствие – драгоценная черта, такая же, как со-страдание, со-участие. Чувствовать другого человека, как себя. Обратная связь. Такое не воспитаешь. С этим надо родиться (В. Токарева «Тихая музыка за стеной»).

В данном контексте происходит не только актуализация семантики приставки со-, но и восстановление словообразовательных и соответственно смысловых связей в границах словообразовательных пар

(чувствовать > сочувствовать, сочувствовать > сочувствие) и даже словообразовательных типов (со-чувствие, со-участие, со-страдание).

В прозаических текстах обнаруживаются случаи употребления приставок как самостоятельных смысловых единиц речи. Примеров такого рода много в текстах В. Токаревой.

– А Макарова не знала?

– Чего не знала? – не понял Крылов.

– Про мастопатию.

– Знала, конечно. Но **перепроверила** на всякий случай. Лучше «**пере**», чем «**недо**». Гипердиагностика (В. Токарева «Жена поэта»).

Или:

А Татьяну оставили в больнице и будут делать **репозицию**. Что такое **репозиция**? Возвращение на прежнюю позицию. Приставка «**ре**» – это хорошо. **Ре**–волюция. **Ре**–генерация. **Де**–генерация. Значит приставка «**де**» – плохо. А «**ре**» – хорошо (В. Токарева «Телохранилитель»).

Приставка может становиться ключевым элементом текста, его смысловым стержнем. Для подчеркивания особой роли префикса в тексте могут использоваться приемы графодеривации:

Прежде всего, я ее узнала. Это была довольно известная журналистка Надежда Сидорова. Она часто мелькала в телевизионных передачах и была интересна своими «**НЕ**»: **НЕ**–молодая, **НЕ**–красивая, **НЕ**–изящная. Весила полтора центнера. Ходила в длинных юбках, носила шляпы... Вдобавок ко всем «**НЕ**» можно прибавить еще одно: **НЕ**–скромна (В. Токарева «Размышления по поводу»).

Употребление в узком контексте производных слов с разными приставками помогает актуализировать многообразные и сложные семантические связи: антонимические, синонимические, градуальные.

Мужа она **отталкивала**, а меня **притягивала**. В ней была та мера «**пре**» – **превосходства**, **преступления** каких-то норм, в плену которых я существовала, опутанная **неудобно** и **нельзя**. Я была элементарна и пресна, как еврейская маца, которую хорошо есть с чем-то острым. Этим острым была для меня Мара.

Влекомая юбкой, обещанной дружбой и потребностью «**пре**», я созвонилась с Марой и поехала к ней в Ленинград (В. Токарева «Первая попытка»).

Приставки, исторически восходящие к самостоятельным словам – древним наречиям, часто актуализируют в художественной речи свою семантику вплоть до приобретения в тексте статуса отдельной лексической единицы. Это явление частотно в поэзии, достаточно вспомнить известный пример употребления как ключевой единицы текста приставки *раз-* в стихотворении М. Цветаевой «Расстояния, версты, мили». Однако и в прозе, как видим, приставка является ярким средством создания выразительности. Реже такими средствами становятся другие аффиксы, например:

Костя – это ее четвертый по счету официальный жених. До него были: *Митя*, *Петя* и *Витя*. Их всех почему-то зовут на «*тя*». Все четыре «*тя*» хотели на ней жениться, и она каждый раз готова была выйти замуж, и я каждый раз бесцеремонно вмешивалась в эти перспективные отношения. И *Машка* ненавидела меня и каждый раз готова была прошить из автомата, если бы таковой оказался под руками. Но до истребления дело не доходило, так как на смену приходил очередной «*тя*» (В. Токарева «Звезда в тумане»).

Экспрессивная функция словообразования часто актуализируется за счет возникновения текстовых связей слов одного словообразовательного типа или способа глагольного действия. Вот пример употребления глаголов с семантикой ограниченной длительности с общим словообразовательным значением «произойти мгновенно, в течение короткого времени», которое выражается с помощью приставки *про-*:

*Теперь у нее есть меха и бриллианты, все внешние приметы шикарной женщины. А внутренние противоречия – они не видны. Теперь можно явиться в Москву, **просверкнуть** каратами, **прошелестеть** мехами. Шуба из рыси – это тебе не штаны – бананы с карманами на коленях* (В. Токарева «Птица счастья»).

Актуализация семантики эволютивности, то есть постепенно совершающегося процесса (оказиональный глагол *пообычнеть*), и ограничительно-временной семантики (глаголы *посветить*, *почадить*) в сочетании с сравнительным оборотом «как свеча» позволяет в коротком контексте выразить столкновение двух жизненных позиций героинь повести В. Токаревой «Первая попытка» – установка на постоянство и терпение в работе и в семейной жизни или на достижение мгновенных результатов любой ценой:

*За десять лет наша любовь устала, **пообычнела**, как бы надела рабочую робу. Но я знала, что не начну новую жизнь, и мое будущее представлялось мне долгим и одинаковым, как степь...*

*Вот тебе и Мара. Как свеча: **посветила**, **почадила**, **накапала** воском. А зачем?* (В. Токарева «Первая попытка»).

Конфиксальные глаголы *обтанцовывать*, *отплясывать*, относящиеся в интенсивно-результативным способам действия, становятся значимыми характерологическими средствами выразительности в следующем контексте:

*Пластика говорит о человеке очень многое... Все это проступает через танец. Вот **отплясывает** старый знаменитый писатель. Он знает про то, что знаменит. А про то, что стар, – не знает и даже не догадывается. Ему кажется, что он молод.... Писатель **обтанцовывает** банкиршу со всех сторон* (В. Токарева «Телохранитель»).

Обращение к текстам современной прозы позволяет судить о значимости единиц словообразования как выразительного ресурса художественной речи. Несомненно, интенсивность и функциональность

использования этого ресурса, способы актуализации словообразовательных средств в тексте в значительной степени определяются авторскими стилистическими предпочтениями и установками. Можно утверждать, что для Ю. Полякова и В. Токаревой активное использование возможностей словообразования стало не только выразительным ресурсом, но и определило во многом своеобразие идиостиля.

Библиографический список

1. *Дмитриева О.И.* Словообразовательная игра как способ художественного отражения действительности // Коммуникация. Мышление. Личность: Матер. междунар. науч. конференции, посвященной памяти профессоров И.Н. Горелова и К.Ф. Седова. Саратов: Издательский центр «Наука», 2012. С. 652-658.
2. *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90-141.
3. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 224 с.
4. *Николина Н.А.* Словообразовательная игра в художественном тексте // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999. С. 338-485.
5. *Санников В.З.* Языковая игра // Современный русский язык: система – норма – узус. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 410-468.
6. *Седов К.Ф.* О поэтике повествования в повести А. Платонова «Сокровенный человек» // Язык художественной литературы. Литературный язык: Сборник статей к 80-летию М.Б. Борисовой. Саратов: ООО «Научная книга», 2006. С. 200-206.

Источники материала

- Гришкова Е.* Год жизни. М.: АСТ, 2008.
- Иванов А.* Блуда и МУДО: Роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.
- Москвина Т.* Смерть – это все мужчины. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2006.
- Петрушевская Л.* Найди меня, сон [рассказы]. М.: Вагриус, 2000.
- Поляков Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 2001.
- Токарева В.* Птица счастья: [повести и рассказы]. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
- Токарева В.* Первая попытка: [повести и рассказы]. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.
- Токарева В.* Мои враги. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
- Токарева В.* Тихая музыка за стеной: [повести и рассказы]. М.: АСТ, 2014.
- Токарева В.* Жена поэта: [повесть и рассказы]. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2019.
- Щербакова Г.* Вспомнить нельзя забыть [повести и рассказы]. М.: Эксмо, 2008.

Ю.Г. Кадькалов

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье показаны сложные отношения словообразования и словоизменения в русском языке, трудности в разграничении этих двух сложных явлений. Отражены разные мнения лингвистов по данной проблеме от М. В. Ломоносова до наших дней.

Ключевые слова: словообразование и словоизменение в их соотношении.

The article shows complex correlation between derivation and inflexion in the Russian language, difficulties in differentiation of these phenomena. It highlights the views of different linguists on this problem, from M.V. Lomonosov till these days.

Key words: *correlation between derivation and inflection.*

Словообразование и словоизменение (формообразование) – это процессы, пронизывающие важнейшие сферы языка. Проблема разграничения этих процессов важна, потому что она тесно связана с проблемой тождества слова, с определением границ слова, с учением о частях речи, с проблемой взаимодействия лексических и грамматических значений в слове, а также с лексикографической практикой.

Сказанное свидетельствует о том, что изучение явлений словообразования и словоизменения должно быть многоаспектным. В данном случае рассматривается лишь один из аспектов темы: как соотносятся названные явления, можно ли и на каких основаниях определить, какие изменения слов являются фактом словообразования и какие – фактом словоизменения. Есть ли в русском языке специальные средства для образования новых слов и для образования форм одного слова?

В ранней отечественной лингвистической традиции вопрос о соотношении словообразования и словоизменения специально не рассматривался, хотя иногда встречаются попутные интересные замечания. Так, например, М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755), говоря о грамматических формах разных частей речи, подчеркивал, что иногда изменение грамматической формы слова вызывает заметные смысловые сдвиги в нем, т.е. приводит к образованию нового слова. Он пишет: «Весьма обманывались многие, употребляя возвратный глагол вместо страдательного ..., например, *слушаю, слушаюсь*, что весьма неправильно, ибо *слушаю* с приложением *-сь* не только страдательного знаменования не имеет, но и совсем в другоразуме употребляется» [Ломоносов 1952: 363].

Одну из первых попыток назвать критерий разграничения словообразования и словоизменения сделал петербургский ученый Людвиг Генрих Якоб (1759-1827) [Якоб 1812: 27]. Он назвал таким критерием семантический критерий, который признан и в настоящее время.

Явления словообразования и словоизменения стали предметом специального рассмотрения в трудах А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова и последующих языковедов в связи с определением границ слова. При этом А.А. Потебня (1835–1891) и его последователи (например, А.М. Пешковский, Д.Н. Ушаков), в сущности, признавали лишь словообразование, т.к. в их понимании каждое новое употребление слова уже есть создание нового слова. «Малейшее изменение в значении слова, – писал А.А. Потебня, – делает его другим словом» [Потебня 1958: 15]. Д.Н. Ушаков писал: «Различными словами являются также, например, *рука, руку, руки, пишу, пишешь, писать*, т.к. различные формальные принадлежности внесли в значение основы различные изменения» [Ушаков 1925: 82].

Академик Ф.Ф. Фортунатов (1848-1914) различает два вида форм полных слов в зависимости от того, выступают ли они как знаки отдельных предметов или обозначают отношения между предметами. Соответственно с этим устанавливаются формы словообразования («формы предметов мысли») и формы словоизменения («формы слов в предложении»), обозначающие отношения между предметами мысли. К формам словообразования он относит, например, формы числа существительных (*волк – волки, зверь – звери*), уменьшительные формы существительных и прилагательных (*дом – домик, белый – беленький*). К словоизменению Фортунатов относит формы времен глагола, лица, наклонения, формы падежа существительных и прилагательных. Однако убедительных аргументов такой классификации он не приводит. Словоизменительные формы Фортунатов считает *синтаксическими формами*, признавая их «формами слов как частей предложения» в отличие от *несинтаксических* форм, т.е. форм словообразовательных [Фортунатов 1957].

Академик Л.В. Щерба (1880-1944) считал важным не смешивать явления словообразования и словоизменения, однако при этом подчеркивал, что осуществлять это различие бывает сложно, т.к. данные явления тесно переплетены. Например, писал Щерба, ряд слов *труба, трубка, трубач* называют разные понятия и отражают процессы словообразования, *трубка* и *трубочка* обозначают одно понятие, имеют одно «вещественное» значение, и это уже факт словоизменения. Точно так же *прыгать, перепрыгивать* – это разные слова, с разными значениями, *перепрыгивать перепрыгнуть* – это формообразование, это – одно слово в разных грамматических формах [Щерба 1958: 32]. Взгляды Л. В. Щербы развивал впоследствии его ученик академик В.В. Виноградов (1894-1969). Виноградову принадлежит особая роль в разработке многих важнейших вопросов русского словообразования. Не ушел он и от вопроса о разграничении словообразования и словоизменения. Проанализировав мнения многих лингвистов по данной проблеме, Виноградов не смог полностью присоединиться ни к одному из них. Он не согласен с позицией Ф.Ф. Фортунатова и Л.А. Булаховского, предлагавших разграничивать словообразование и словоизменение по признаку **синтаксической значимости** (при словоизменении) или **синтаксической независимости** (при словообразовании), т.к. авторы такой точки зрения «относят к одному и тому же функциональному ряду словообразования такие разнородные лексические и грамматические явления, как *читать, читал, читая, читающий, читатель, читательский* или *писать, написать, пишущий, писавший, писал, письмо, писатель, писание, писанина*» [Виноградов 1952: 101].

Под сомнение поставлен Виноградовым и подход к разграничению словообразования и словоизменения по **семантическому признаку**. Здесь Виноградов солидаризируется с А.М. Пешковским и цитирует его: «Неужели, например, можно утверждать, – писал Пешковский, – что живые

языковые ассоциации между *лиса* и *лисица* гораздо слабее, чем между *смотрю* и *смотрит* и что эта разница так велика, что первая пара – разные слова, а вторая – одно слово. Нам думается, что как раз наоборот» [Пешковский 1925: 32]. В.В. Виноградов считает, что подход к решению данной проблемы должен быть более гибким, основанным на признании центральных и периферийных зон и в словообразовании, и в словоизменении. Семантический критерий дифференциации словообразования и формообразования важен, но он не является абсолютным, поскольку далеко не всегда можно определить границу между разными значениями разных слов и неделимыми комплексами значений или оттенков значений в пределах одного слова.

Поскольку системы форм слов у разных частей речи различны, то, по мнению В.В. Виноградова, и границы между формообразованием и словообразованием в разных частях речи могут быть в разной степени четкими. При этом наиболее нечеткими они оказываются в системе глагола. Дифференцировать словообразование и формообразование следует в границах частей речи. Удалось ли В.В. Виноградову найти критерии разграничения словоизменения и словообразования? Нет, не удалось. Но удалось иное – объективно охарактеризовать положение дел в данном сегменте языковой системы.

Дискуссии о соотношении словообразования и словоизменения продолжаются и в наше время. При этом, кроме семантического критерия, признаваемого в качестве основного в дифференциации данных явлений, стали выдвигаться и другие, уточняющие критерии. Профессор А.И. Моисеев [Моисеев 1987], например, предлагает два основных критерия:

1. **по лексическому и грамматическому различию слов:** различие в лексическом значении свидетельствует о словообразовании, а различие только в грамматическом значении – о формообразовании. Лексические значения, как известно, индивидуальны, а грамматические категориальны. Но практически это определить трудно. Ср. лексически или грамматически различаются слова типа: *делать* – *сделать*, *простой* – *проще*, *стол* – *столы*, *лес* – *лесочек*, *лиса* – *лисица*, *зло* – *злоба* и т.д. Вопрос непростой.

2. **словообразовательный критерий:** что первично – что вторично, присутствует ли между словами словообразовательная выводимость. При словообразовании можно установить производящее (первичное) и производное (вторичное), а при словоизменении такого соотношения нет: при склонении, например, одна падежная форма не выводится из другой, они равноправны. (Близка к этому мнению и Е.В. Красильникова [Красильникова 1987]). Но и здесь возникают трудности. Что, например, первично и что вторично в словах типа: *шепот* – *шептать*, *бег* – *бежать*, *тщеславие* – *тщеславный*, *высокомерие* – *высокомерный*.

Некоторые лингвисты (М.В. Панов, И.Г. Милославский) называют в качестве критерия, характеризующего словоизменительную,

грамматическую форму ее **регулярность** в отличие от **нерегулярности** словообразовательных рядов. И.Г. Милославский пишет: «Инфинитив и личные формы глагола ... регулярно образуются друг от друга и, следовательно, явно представляют собой формы одной лексемы». И далее: «...глаголы разных видов являются не формами одной лексемы, но всегда разными лексемами ... видовое противопоставление так или иначе имеет определенное семантическое содержание, причем это содержание вовсе не обладает свойством регулярности: лишь часть глаголов способна иметь видовые пары. Кроме того, существуют двухвидовые глаголы, внепарные глаголы» [Милославский 1999: 535].

К данной позиции близка позиция профессора Г.А. Николаева, который называет одним из отличительных признаков словообразования и словоизменения (формообразования) **замкнутость** (при формообразовании) или **незамкнутость** (при словообразовании) их парадигм. Замкнуты представляется «парадигматический ряд, в котором реализованы все возможные парадигматические значения». Таковы, например, парадигмы склонения существительных или спряжения глаголов. «Незамкнутым является ряд, в котором имеются пропущенные звенья», например, *носить* – *носитель* – *ношение*, *просить* – *проситель* – *прошение*, но *солить* – *соление* (отсутствует звено 'лицо'), *ценить* – *ценитель* (отсутствует звено 'действие') [Николаев 2009: 16-18]. Названные признаки можно учесть как дополнительные. Они не универсальны. Ср. насколько высока степень образования, например, отвлеченных существительных на *-ость* от прилагательных и причастий и не только от качественных (*концертность*, *балетность*, *стацованность*, *раздетость*, *домашность* и др.). Авторы книги «Словообразование современного русского литературного языка» из серии «Русский язык и советское общество» под редакцией М.В. Панова пишут: «Производство имен со значением отвлеченного качества приобретает черты автоматизма (любое прилагательное – имя качества)» [РЯСО 1968: 139]. С другой стороны, могут быть нарушения замкнутости формообразовательных рядов. Например, в глаголах типа *победить*, *убедить*, *чудить* и др. нет формы 1 лица единственного числа, а у существительного *мечта* нет формы родительного падежа множественного числа.

Е.А. Земская в учебном пособии 1973 г. писала: «Словообразовательные и словоизменительные морфемы разграничиваются по их значению: первые служат для образования слов, вторые – для образования форм слов... Это различие кажется очень четким. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что далеко не всегда легко провести границу между формами слов и новыми словами. Что такое *бородка* по сравнению с *борода*, *красивее* по сравнению с *красивый*, *стола* по сравнению со *стол*, *гуляя* по сравнению с *гулять* – новые слова или разные формы одного слова? В разрешении этого вопроса нет единогласия» [Земская 1973: 26].

Нет единогласия и относительно языковых средств, участвующих в словообразовании и формообразовании. Основным средством словообразования считают суффиксы и префиксы. А основным средством формообразования – флексии. Но это только в основном. Вместе с тем в русском языке флексии могут быть не только формообразующими, но и словообразующими: *супруг – супруге, ворон – вороне, красота – красоты* и др. С другой стороны, суффиксы и префиксы могут быть не только словообразующими, но и формообразующими: *смелый – смелее, добрый – предобрый, играть – играя, делать – сделать*. В.В. Виноградов пишет: «Формы слов образуются не только посредством окончаний, но и посредством суффиксов, префиксов, их комбинированных сочетаний...» [Виноградов 1952: 112]. В.В. Лопатин и И.С. Улуханов в академической грамматике 1980 г. отмечают: «Суффиксы в русском языке преимущественно словообразовательные морфемы. Словоизменительными морфемами являются суффиксы компаратива, прошедшего времени, причастий, деепричастий... Русские префиксы и интерфиксы – только словообразовательные морфемы» [АГ-80: 129].

Своеобразной является позиция Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой. Авторы пишут: «Настоящие формы слова образуются окончаниями. Никаких собственно формообразующих суффиксов и приставок нет» [Шанский, Боброва 2006: 39-40]. Суффиксы, по их мнению, могут быть либо словообразующими, либо основообразующими (это суффикс -л-, образующий основу прошедшего времени и суффикс -j-, образующий основу настоящего времени)» [Шанский, Боброва 2006: 37].

Таким образом, картина соотношения словообразования и словоизменения в русском языке обнаруживается довольно сложная. Надежных, универсальных критериев их разграничения нет и, вероятно, не может быть. Наряду с обычно признаваемыми различиями фактов словообразования и словоизменения (*лес – лесник, читать – читатель, стол – стола – столу*) в русском языке есть ряд промежуточных зон, где такие различия провести трудно. Эти зоны можно назвать: категория числа в именах существительных, категория компаратива в прилагательных и наречиях, глагольные категории вида, залога, причастия, деепричастия, инфинитивы.

Наличие таких промежуточных зон в русском языке и в науке о нем, как и в других науках, вполне естественно и наблюдается часто. Оно объясняется сложностью самих объективных реалий. Ср., например, категорию сложных слов. Нет сомнений, что являются сложными слова *железнодорожный, равноправие* и т.п. Но являются ли сложными слова типа *разнообразный, благообразный, благородный, благодушие, тщедушный, тщеславный, великолепие, раболепие* и др. Отсутствие четких границ между смежными явлениями, какими являются формообразование и словообразование, – это объективная данность, и не нужно навязывать языку

жестких рамок, в которые многие языковые явления могут не укладываться без остатка. Это не значит, что не следует продолжать поиски более надежных критериев разграничения словообразования и словоизменения. Конечно, следует.

И последнее. Если согласиться, что в формообразовании могут участвовать не только флексии, но и суффиксы и префиксы, то следует все-таки помнить, что формообразование и словообразование с помощью суффиксов и префиксов занимает периферийное место в русском языке и существенно отличается от словоизменения флексийного, главного в словоизменении.

Библиографический список

1. *АГ-80* – Русская грамматика, Т.1. Словообразование. М., Наука, 1980.
2. *Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. АН СССР. 1952.
3. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
4. *Красильникова Е.В.* К соотношению словообразования и словоизменения // Проблемы структурной лингвистики. М., 1987.
5. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Ломоносов М.В. Труды по филологии 1739-1758 гг. Т.7. М.-Л., 1952.
6. *Милославский М.В.* Современный русский язык. Изд. 3-е под ред. В.А. Белошапковой. Раздел Морфология. М., 1999.
7. *Моисеев А.И.* Основные вопросы словообразования в современном русском языке. Л., 1987.
8. *Николаев Г.А.* Лекции по русскому словообразованию. Казань, 2009.
9. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Изд. 2-е. Харьков, 1988.
10. *Русский язык и советской общество: Социолого-лингвистическое исследование.* Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.
11. *Ушаков Д.Н.* Краткое введение в науку о языке. М., 1925.
12. *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Жизнь русского слова. М., 2006.
13. *Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. Л., 1958.
14. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительная морфология индоевропейских языков. Спряжение // Избранные труды. Т.2. М., 1957.
15. *Якоб Л.Г.* Курс философии для гимназий Российской империи (Начертание всеобщей грамматики для гимназий). СПб., 1812.

О.Ю. Крючкова, Н.В. Крючкова

ТИПЫ СВЯЗЕЙ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

В АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ ГОВОРЯЩИХ

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского

На материале синонимичных производных имен существительных рассмотрены вербальные ассоциации формального, понятийного, структурно-семантического,

собственно семантического характера. Выявлено абсолютное преобладание понятийных связей в процессах ассоциативного осознания исследуемой группы слов. Показана роль композиционной структуры производных слов в их вербальном ассоциировании, а также влияние структурных и семантических особенностей словообразовательных дериватов на экспликацию определенных типов ассоциативных связей.

Ключевые слова: словообразование, производное слово, языковое сознание, вербальные ассоциации.

Synonymous derived nouns are used to study verbal associations of different character – formal, conceptual, structural-semantic and proper semantic. Associative mind processing of this group of words demonstrates absolute dominance of conceptual links. The role of the composite structure of derived words in their verbal association is shown. Besides the impact of word-formation on explication of certain types of association links is revealed.

Key words: word-formation, derivative, language and mind, verbal associations.

Исследователями словообразования неоднократно отмечены структурная и семантическая специфика производных слов (ПС), обусловленная многообразием и разносторонностью их структурных и семантических связей. ПС в отличие от непроизводного в большей мере обращено к внутриязыковым структурам, подвержено внутрисистемным влияниям. «Усиленная» двойная референция ПС – денотативная и языковая – выражается не только в их своеобразии как единиц системы языка, но и в процессах их осознания говорящими, отражающих, по Ю.Н. Караулову, предречевую готовность говорящих.

Объектом нашего анализа в настоящей статье стали ассоциативно-вербальные связи синонимичных производных имен, образующих маскулинно-феминные пары: *учитель / учительница, преподаватель / преподавательница, наставник / наставница*. На материале электронной версии Русского ассоциативного словаря (РАС) прослежены прямые и обратные ассоциации названных ПС.

Задачей наблюдений было выявление типов связей ПС и изучение их относительного веса (силы) в вербальных ассоциациях респондентов – носителей русского языка. Исследование трех пар синонимичных ПС позволяет избежать эффекта случайности полученных результатов, обеспечивает возможность взаимной верификации и соотнесения данных.

Проведенный анализ показал, что в процессах ассоциативного осознания исследуемой группы слов задействованы различные типы связей: А) формальные (ассоциации фонетического характера – по созвучию), Б) концептуальные (понятийные связи, раскрывающие содержание соответствующего концепта), В) структурно-семантические (ассоциации, представляющие мотивационные словообразовательные отношения слов – непосредственные и опосредованные мотивации), Г) семантические (ассоциации словами, находящимися в отношениях словообразовательной и лексической парадигматики). Приведем примеры:

А) *S* (стимул) *наглый* – *R* (реакция) *наставник 1* (здесь и далее цифрой обозначено количество соответствующих ассоциаций в тезаурусе); *S* *участие* – *R* *учитель 1*. Формальный (случайный, по созвучию) характер приведенных ассоциаций подтверждается как их единичностью, так и отсутствием таких ассоциаций в обратном ассоциативном материале (реакции *наглый*, *участие* не встречаются в ассоциативных полях стимулов *наставник*, *учитель*). Ср. также ассоциирование того же типа квазисловом: *S* *наставник* – *R* **подставник 1*.

Б) *S* *преподаватель* – *R* *истории 3*, *ученик 1*; *S* *учительская* – *R* *преподаватель 1*; *S* *соученик* – *R* *преподавателя 1*; *S* *школьный* – *R* *учитель 12*. В приведенных примерах отражены связи понятийно-тематические, в ассоциативных связях такого рода вербализованы элементы содержания соответствующих концептов (в аспекте нашего внимания – элементы концептуального содержания слов *преподаватель*, *учитель*).

В) *S* *учить* – *R* *учитель 4*, *учителя 1*; *S* *наставник* – *R* *наставляет 1*; *S* *учительница* – *R* *учитель 7*; *S* *учительская* – *R* *учитель 2*. Ассоциации подобного рода эксплицируют связи по типу «производящее – производное», в том числе по модели обратного словообразования (ср.: *S* *преподаватель* – *R* *препод 1*).

Г) *S* *учитель* – *R* *ученик 2*; *S* *соученик* – *R* *учитель 5* (стимул и реакция – однокоренные слова, члены одного словообразовательного гнезда, не связанные отношениями словообразовательной мотивации); *S* *преподаватель* – *R* *учитель 8*; *S* *учитель* – *R* *преподаватель 2*; *S* *учительница* – *R* *наставница 1* (стимул и реакция – лексические синонимы, ПС, объединенные общностью словообразовательной модели, принадлежащие одному и тому же словообразовательному типу); *S* *преподаватель* – *R* *наставник 1*; *S* *учитель* – *R* *наставник 1*; *S* *наставник* – *R* *учитель 35*, *преподаватель 1* (стимул и реакция – лексические синонимы, ПС, объединенные общностью семантической модели «деятельность → лицо, осуществляющее такую деятельность», принадлежащие одной и той же словообразовательной категории).

К ассоциативным связям семантико-парадигматического типа относятся также ассоциации типа *S* *учить* – *R* *преподаватель 2*; *S* *преподаватель* – *R* *учить 1*, *учит 1*; *S* *обучение* – *R* *преподаватель 2*; *S* *преподавать* – *R* *учительница 1*, синтезирующие лексико-понятийные (синонимические) и деривационные связи слов. В приведенных ассоциативных парах мотивационные отношения, задаваемые семантической моделью «деятельность → лицо, осуществляющее такую деятельность», опосредованы синонимией целых словообразовательных парадигм с вершинными глаголами *учить*, *преподавать* (ср. непосредственные, «точечные» отношения лексической синонимии, вербализованные в ассоциациях *S* *преподаватель* – *R* *наставник*; *S* *учитель* – *R* *наставник*; *S* *наставник* – *R* *учитель*, *преподаватель*). В ассоциатах, эксплицирующих

синонимию целых комплексов деривационно связанных слов (межгнездовую синонимию), обнаруживается переход с оси селекции (дифференциации) лексических единиц на ось их комбинации в виде связей по типу «мотивирующее → мотивированное». От стандартных примеров словообразовательных мотивационных отношений приведенные ассоциации отличаются тем, что мотивационные отношения возникают между словами разнокорневыми, имеет место явление, названное И.А. Мельчуком «словообразовательным супплетивизмом» [Мельчук 1967: 355]. Если для структурно-семантических описаний словообразовательной системы «словообразовательный супплетивизм» представляет остро дискуссионную проблему, то при изучении процессов осознания ПС, их психологически реальных связей подобные отношения необходимо учитывать.

Проследим далее, как представлены выделенные типы связей в ассоциативных полях каждого из исследуемых ПС.

Учитель.

А) К формальным связям (ассоциациям по созвучию) можно отнести лишь одну реакцию: *S участие – R учитель 1*.

Б) Объемны и многообразны связи понятийные, тематические.

По характеру содержания среди ассоциатов этого типа выделяются группы (примеры ассоциаций представляют собой свод данных, извлеченных из прямого и обратного ассоциативных тезаурусов):

Оценка (всего 128) (типы оценок выделяются в соответствии с классификацией, предложенной Н.Д. Арутюновой в [Арутюнова 1988]):

– нормативные оценки: *строгий 19, строгое 2, суровый 1, настойчивый 8, напористый 2, серьезный 6, серьезнейший 1, справедливый 3, прав 3, нервный 2* (всего 47);

– этические оценки: *добрый 5, злой 2, злостный 2, правдивый 2, надменный 2, авторитет 2, нравственный 2, интеллигент 1, высокомерный 1, важный 1, духовный 1, благородный 1, взятка 1* (всего 23);

– общая оценка: *класный 7, плохой 5, хороший 4* (всего 16);

– интеллектуальные оценки: *нудный 3, зануда 2, талант 1, талантливый 1, глупый 1, глупость 1, дурак 1, скучно 1, тупой 1, умный 1, безмозглый 1, пустоголовый 1, мудрый 1* (всего 16);

– телеологические оценки: *опытный 5, мастер 1, инициативный 1, деятельный 1, бездеятельный 1* (всего 9);

– сенсорно-вкусовые (гедонистические) оценки: *лучший 4, любимый 2* (всего 6);

– утилитарные оценки: *вредный 2, помощник 1, помощью 1, противник 1, безвредный 1* (всего 6);

– эмоциональные оценки: *мучитель 3, мучительница 1, болтун 1* (всего 5).

Специализация: *математики 7, математика 2, алгебра 1, алгебры 1, музыкант 7, пения 3, пение 1, истории 6, история 4, физик 5, физики 1, ботаник 3, ботаники 1, рисования 3, литература 3, русского 2, словесности*

2, химии 1, химия 1, география 1, географии 1, язык 1, немецкого языка 1, английского 1, философ 1 (всего 60).

Новизна, порядок следования: будущий 27, первый 2, новый 1 (всего 30).

Место деятельности: школьный 12, школа 3, в школе 1, сельский 11, деревенский 1, класс 2 (всего 30).

Виды, атрибуты, объекты деятельности: урок 8, указка 6, ученик 2, студент 2, дети 1, двоичник 1, лекция 2, беседа 2, дневник 1, кафедра 1, книга 1, азбука 1 (всего 28).

Действия: спрашивать 3, спросить 1, спрашивает 1, требовать 4, обращаться 2, объяснить 2, перебить 2, ответить 1, указание 1, говорит 1 (всего 18).

Возраст: молодой 6, старый 3, старейший 2, старик 1 (всего 12).

Отношение к другим биосоциальным ролям: женщина 3, баба 1, отец 2, друг 2, мужчина 1 (всего 9).

Отношение к смежным понятиям: профессор 2, деятельность 1, труд 1, однокашник 1 (всего 5).

Внешний вид: мужчина в сером костюме 1 (всего 1).

В) Слабо проявлены в вербальных ассоциациях респондентов РАС (взрослые молодые люди) мотивационные словообразовательные связи: *S учительница – R учитель 7; S учить – R учитель 4, учителя 1; S учительская – R учитель 2* (всего 14 ассоциаций) (о сокращении доли ассоциаций этого типа с увеличением возраста испытуемых см.: [Крючкова, Крючкова 2015]).

Г) В группе ассоциаций, репрезентирующих словообразовательную и лексическую парадигматику, отмечены:

– ассоциации гнездового характера (стимул и реакция являются однокоренными словами, членами одного словообразовательного гнезда, но не находятся в отношениях словообразовательной мотивации): *S соученик – R учитель 5, учителя 1, учителя моего 1; S учитель – R ученик 2; S ученик – R учитель 8, учителя 1; S научить – R учитель 2; S учащийся – R учитель 1* (всего 21 ассоциация);

– ассоциации однословными словами, среди которых в том числе и лексические синонимы: *S преподаватель – R учитель 8; S руководитель – R учитель 1; S мучитель – R учитель 13; S учитель – R мучитель 3* (всего 25 таких ассоциаций);

– ассоциации лексико-словообразовательными синонимами (ассоциаты – разнокорневые и разнословные слова): *S наставник – R учитель 35* (всего 35 ассоциаций).

Учительница.

Б) Оценка (всего 159):

– этические: добрая 24, добра 1, добрая женщина 1, доброжелательная 1, доброта 1, злая 3, внимательна 1, внимательная 1,

авторитет 1, образец 1, хитрая 1, высокомерная 1, скарредная 1, вранье 1 (всего 39);

– сенсорно-вкусовые (гедонистические): *любимая 18, свет 2, мрак 1, дорогая 1, любовь 1, милая 1, плохое настроение 1, привлекательная 1, родная 1 (всего 27);*

– нормативные: *строгая 16, строгая женщина с указкой 1, строго 1, строгость 1, требовательная 2, нерв 1, нервы 1, серьезная 1, Фемиды 1, сумасшедшая 1 (всего 26);*

– интеллектуальные: *дура 4, придурок 1, зануда 2, занудная 1, талантливая 1, глупая 3, умная 3, знает 1, знающая 1, грамотная 3, мудрая 1, знание 1, знания 1 (всего 23);*

– эмоциональные: *мучитель 1, заела 1, зараза 1, бедная 1, идиотка 1, квочка 1, клюшка 1, мельница 1, мыльра 1, овца 1, тиглица 1, свинья 1, собака 1, ха-ха 1, стерва 1, швабра 1 (всего 16);*

– общая: *хорошая 7, хорошо 1, прекрасная 2, отличная 1, чудная 1, плохая 1, так себе 1 (всего 14);*

– эстетические: *красивая 4, красавица 1, миловидная 1, хорошенькая 1, зачуханность 1 (всего 8);*

– телеологические: *неквалифицированная 1, некомпетентная 1, виртуозная 1, вялая 1 (всего 4);*

– утилитарные: *вредная 2 (всего 2).*

Новизна, порядок следования: *первая 59, первая моя 17, новая 1, третья 1 (всего 78).*

Специализация: *пения 10, литературы 9, музыки 6, пение 1, по пению 1, математики 5, математика 2, алгебра 1, русского 3, русского языка 3, по русскому языку 1, английского 3, английского языка 1, географии 3, история 2, истории 1, начальных классов 2, 1 класс 1, физики 2, биологии 1, по биологии 1, французский 1, французского 1, немка 1, языка 1, иностранного языка 1, грамматики 1, предмет 1, танцев 1, труда 1, химии 1 (всего 69).*

Личная сфера: *моя 17, первая моя 17, наша 2, ваша 1, Ира 1, кого 1, Марья Ивановна 1, школьная моя 1, я 1 (всего 42).*

Место деятельности: *школа 20, в школе 7, сельская 5, класс 2, школьная 2, школы 1, школьная моя 1 (всего 38).*

Отношение к другим биосоциальным ролям: *женщина 13, мама 2, она 2, друг 3, товарищ 2, человек 2, актриса 1, врач 1, девушка 1, директор 1, жена 1, мадам 1, практикантка 1, сестра 1, учительница 1 (всего 33).*

Возраст: *молодая 19, старая 6, молода 1, молодость 1, старая дева 1, старенькая 1 (всего 29).*

Виды, атрибуты, объекты деятельности: *указка 5, доска 4, урок 4, тетради 2, журнал 1, журнал = указка = очки 1, парта 1, слово 1, строгая женщина с указкой 1, тетрадь 1, ребенка 1, двоечник 1, двойка 1, детство 1, комсомол 1 (всего 26);*

Действия: *встала 1, выступает 1, говорит 1, говорить 1, рассказывает 1, слушать 1, спрашивает 1, улыбаться 1, ушла 1, решите 1* (всего 10);

Внешний вид: *очки 2, беременная 1, в белых туфлях 1, длинная юбка 1, прическа 1* (всего 6);

Отношение к смежным понятиям: *воспитатель 1, сотрудник 1* (всего 2).

В) *S учительница – R учитель 7, учит 4* (всего 11).

Г) гнездовые ассоциации: *S учительница – R ученик 6, ученики 1* (всего 7);
ассоциирование однословными словами: *S учительница – R мучительница 13, наставница 1, родительница 1, губительница 1, читательница 1, школьница 1; S мучительница – R учительница 17* (всего 35);

семантико-парадигматическое ассоциирование: *S учительница – R преподаватель 8, педагог 6, наставник 2, преподавать 1; S преподавать – R учительница 1* (всего 18).

Преподаватель.

Б) Оценка (всего 80):

– интеллектуальные: *глупый 5, нудный 3, зануда 2, занудный 1, дурак 4, придурок 1, тупой 2, тупица 1, умный 2, ум 1, знания 1, скучно 1, безмозглый 1, пустоголовый 1, талант 1* (всего 27);

– нормативные: *строгий 6, строгость 1, серьёзный 4, справедливый 4, настойчивый 3, суровый 2, всегда прав 1, требовательный 1, напористый 1, нервный 1* (всего 24);

– этические: *высокомерный 5, злой 2, злопамятный 1, злостный 1, надменный 1, важный 1* (всего 11);

– общая: *плохой 6, хороший 3, классный 1* (всего 10);

– сенсорно-вкусовые (гедонистические): *полюбить 2, любимый 1, лучший 1* (всего 4);

– телеологические: *инициативный 2* (всего 2);

– эмоциональные: *мучитель 1* (всего 1);

– утилитарные: *безвредный 1* (всего 1).

Специализация: *истории 4, языка 3, ботаник 3, математики 2, математика 1, немецкого языка 2, литературы 2, музыки 2, русского языка 1, английский 1, физики 1, философии 1, химии 1, предмет 1* (всего 25).

Виды, атрибуты, объекты деятельности: *студент 9, лектор 2, лекция 1, с лекции 1, беседа 2, указка 1, экзамен 1, урок 1, кафедра 1* (всего 19).

Место деятельности: *институт 4, в институте 1, в вузе 1, школа 3, школы 1* (всего 10).

Должность: *старший 4, доцент 3, профессор 1* (всего 8).

Отношение к другим биосоциальным ролям: *товарищ 4, социалист 1* (всего 5).

Действия: *беседовать 2, обращаться 2, слушать 1* (всего 5).

Новизна, порядок следования: *предыдущий 1, новый 1, будущий 1* (всего 3).

Возраст: *молодой 2* (всего 2).

Внешний вид: *борода 2* (всего 2).

В) *S преподаватель – R препод 1* (всего 1).

Г) ассоциирование однословными словами: *S преподаватель – R учитель 8, слушатель 1* (всего 9);

семантико-парадигматическое ассоциирование: *S преподаватель – R наставник 1, учить 1, учит 1, ученик 1; S учительница – R преподаватель 8; S наставник – R преподаватель 1; S учить – R преподаватель 2; S обучение – R преподаватель 2; S учительская – R преподаватель 1* (всего 18).

Преподавательница.

Б) Оценка (всего 1):

– интеллектуальные: *грамотная 1*.

Наставник.

А) *S наставник – R *подставник 1, напарник 1; S наглый – R наставник 1* (всего 3).

Б) Виды, атрибуты, объекты деятельности: *молодежи 12, духовный 5, по работе 2, в работе 1, по труду 1, в профессии 1, игрока 1, людей 1, по разуму 1, друзей 1, совет 1, мальчикам 1* (28 ассоциаций).

Оценка (всего 21):

– общая: *хороший 4, хорош 1, плохой 1* (всего 6);

– эмоциональные: *мучитель 1, грозный 1, мощный 1, сволочь 1* (всего 4);

– телеологические: *опытный 3* (всего 3);

– этические: *добрый 1, нравственный 1, обманщик 1* (всего 3);

– интеллектуальные: *мудрый 2* (всего 2);

– сенсорно-вкусовые (гедонистические): *возлюбленный 1* (всего 1);

– нормативные: *строгий 1* (всего 1);

– утилитарные: *враг 1* (всего 1).

Отношение к другим биосоциальным ролям: *мастер 4, шеф 3, и товарищ 2, родители 1, мама 1, отец 1, мужчина 1* (всего 13).

Отношение к смежным понятиям: *воспитатель 1, руководитель 1, куратор 1, пастырь 1, педагог 1, гувернер 1* (всего 6).

Возраст: *старший 3, взрослый 1, старый 1, молодой 1* (всего 6).

Место деятельности: *в школе 1, школа 1, школьный 1, в монастыре 1, институт 1, на работе 1* (всего 6).

Личная сфера: *Леши 1, чей-то 1* (всего 2).

Специализация: *история 1* (всего 1).

В) *S наставник – R наставляет 1* (всего 1).

Г) семантико-парадигматическое ассоциирование: *S наставник – R учитель 35, преподаватель 1, ученик 1; S преподаватель – R наставник 1; S учитель – R наставник 1; S учительница – R наставник 2* (всего 41).

Наставница.

Г) ассоциирование одно модельными словами: *S* учительница – *R* наставница 1 (всего 1).

Как показывает приведенный выше материал, различные типы связей неравномерно распределены в ассоциативных полях исследуемых производных слов. Для большей наглядности покажем это распределение в табличной форме (см. табл. 1); удельный вес каждого типа связи представлен в процентном отношении к общему числу вербальных ассоциаций с данным словом.

Таблица 1

Типы вербальных ассоциаций в ассоциативных полях изучаемых ПС

ПС	Формальные ассоциации	Понятийные ассоциации	Структурно-семантические ассоциации (отношения словообразовательной мотивации между ассоциатами)	Семантические ассоциации (отношения словообразовательной и лексической парадигматики между ассоциатами)
Учитель	0,2	77	3,4	19,4
Учительница	–	88	1,6	10,4
Преподаватель	–	85	0,5	14,5
Преподавательница	–	100	–	–
Наставник	2,3	65	0,7	32
Наставница	–	–	–	100

Показанные в таблице 1 количественные соотношения свидетельствуют о том, что:

а) употребительность (коммуникативная актуальность) слова прямо пропорциональна разнообразию типов вербального ассоциирования (ср.: *учитель*, *учительница*, *наставник*, *преподаватель*, с одной стороны, и *преподавательница*, *наставница* – с другой; в НКРЯ встречаемость данных слов (на дату обращения: 08.02.20) такова: *учитель* – 37307 вхождений, *преподаватель* – 7872, *учительница* – 6457, *наставник* – 4128, *преподавательница* – 461, *наставница* – 391);

б) концептуальная значимость обозначаемого словом понятия коррелирует с высокой долей вербальных ассоциаций понятийного типа (отсутствие понятийных ассоциаций со словом *наставница* объясняется неактуальностью соответствующего понятия в концептосфере участников ассоциативного эксперимента);

в) относительно меньшая концептуальная значимость слова стимулирует усиление системно-языковой (семантической) стратегии ассоциирования (ср. доли лексико-словообразовательных парадигматических ассоциаций в ассоциативных полях слов *наставница* и *наставник*);

г) относительно меньшая концептуальная и коммуникативная значимость обозначаемого словом понятия может способствовать увеличению доли формальных ассоциаций (ср. *наставник*);

д) прозрачность и продуктивность словообразовательной модели производного слова в совокупности с признаками его концептуальной и коммуникативной значимости становится фактором актуализации структурно-семантических (мотивационных) связей в процессах его восприятия (ср. наибольший удельный вес связей этого типа в ассоциативных полях слов *учитель* и *учительница*).

Неоднородность (внутренняя дифференциация) понятийных и семантико-парадигматических ассоциаций побуждает к сравнительному анализу соответствующих микрополей в составе ассоциативных полей исследуемой лексической группы (см. табл. 2, 2а и 3).

Таблица 2

Группы понятийных ассоциаций в ассоциативных полях изучаемых ПС
(в процентном соотношении)

ПС	Оценка	Специализация	Новизна, порядок следования	Место деят-сти	Виды, атрибуты, объекты деят-сти	Действия	Возраст	Отношение к др. биосоц. ролям	Отношение к смежным понятиям	Внешний вид	Личная сфера	Должность
Учитель	40	18,7	9,3	9,3	8,7	5,6	3,7	2,8	1,6	0,3	–	–
Учительница	32,3	14	16	7,7	5,3	2	5,9	6,7	0,4	1,2	8,5	–
Преподаватель	50,3	15,7	1,9	6,3	12	3,1	1,3	3,1	–	1,3	–	5
Преподавательница	100	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Наставник	25,3	1,2	–	7,2	33,8	–	7,2	15,7	7,2	–	2,4	–
Наставница	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 2а

Группы оценочных ассоциаций в ассоциативных полях изучаемых ПС
(в процентном соотношении)

ПС	Общая оценка	Нормативные оценки	Этические оценки	Интеллектуальные оценки	Телеологические оценки	Сенсорно-вкусовые оценки	Утилитарные оценки	Эмоциональные оценки	Эстетические оценки
Учитель	12,5	36,7	18	12,5	7	4,7	4,7	3,9	–
Учительница	8,8	16,4	24,5	14,5	2,5	17	1,3	10	5
Преподаватель	12,5	30	13,8	33,8	2,5	5	1,2	1,2	–
Преподавательница	–	–	–	100	–	–	–	–	–
Наставник	28,5	4,8	14,3	9,5	14,3	4,8	4,8	19	–
Наставница	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Показанное в табл. 2 и 2а соотношение групп понятийных (в том числе групп оценочных) ассоциаций показывает, что:

а) употребительность (коммуникативная актуальность) слова прямо пропорциональна разветвленности его понятийных связей (ср.: *учитель, учительница, наставник, преподаватель*, с одной стороны, и *преподавательница, наставница* – с другой);

б) относительно меньшая концептуальная и коммуникативная значимость обозначаемого словом понятия снижает роль оценочного компонента в восприятии слова и увеличивает роль внешних понятийных связей (ср. удельный вес понятийных групп «отношение к другим биосоциальным ролям», «отношение к смежным понятиям» в структуре ассоциативного поля слова *наставник*);

в) распределение понятийных связей в ассоциативных полях слов-синонимов эксплицирует специфику их концептуального содержания: актуальность признака «специализация» в составе понятийного объема слов *учитель, преподаватель, учительница* (ср. *наставник*); выделенность признака «новизна, порядок следования» в семантике слова *учительница* (ср. частотность ассоциации *первая*, закрепленной в коллокации *первая учительница*); значимость объектного и возрастного компонентов в представлениях о наставничестве (ср. удельный вес вербальных ассоциаций в группах «виды, атрибуты, объекты деятельности» и «возраст» в ассоциативном поле слова *наставник*); роль личностного эмоционального отношения в смысловой структуре концепта *учительница* (ср. долю ассоциаций в группе «личная сфера», частотность ассоциации *моя*);

г) концептуальное содержание слов получает выражение также в характере оценок, вербализуемых в ассоциациях испытуемых, ср., например, высокую долю нормативных, этических, интеллектуальных оценок в составе вербальных ассоциаций, связываемых со словами *учитель, учительница, преподаватель*; увеличение доли интеллектуальных оценок в ассоциациях со словом *преподаватель* в сравнении с *учитель* и *учительница*; преобладание общих, неконкретизированных оценок (общей и эмоциональных) в оценочном микрополе ассоциаций со словом *наставник*; относительно высокую долю наиболее индивидуализированных сенсорно-вкусовых оценок в группе оценочных ассоциатов слова *учительница*, а также наличие эстетических оценок только в ассоциативном поле этого слова.

Таблица 3

Виды семантико-парадигматических связей в ассоциативных полях изучаемых производных слов (в процентном соотношении)

ПС	Ассоциаты – компоненты словообразовательных гнезд	Ассоциаты – однословные слова	Ассоциаты – лексико-словообразовательные синонимы
Учитель	25,9	30,9	43,2
Учительница	11,7	58,3	30
Преподаватель	–	33,3	66,7
Преподавательница	–	–	–
Наставник	–	–	100
Наставница	–	100	–

Данные таблицы 3 позволяют заключить:

а) употребительность (коммуникативная актуальность) слова прямо пропорциональна многообразию его семантических связей (ср.: *учитель, учительница, преподаватель*, с одной стороны, и *преподавательница, наставник, наставница* – с другой);

б) объем языковых словообразовательных гнезд и структурно-семантическая близость производного слова вершине гнезда увеличивает число ассоциаций однокоренными словами (ср. *учитель, учительница* vs. все остальные ПС);

в) производные слова с модификационной словообразовательной семантикой, в ономаσιологической структуре которых деривационный аффикс выполняет роль ономаσιологического признака, тяготеют к восприятию слова с опорой на деривационный аффикс, порождая ассоциирование одно модельными словами (ср.: *учительница, наставница*);

г) ослабление структурно-семантических связей с однокорневыми словами (непрозрачность корня) в совокупности с выражением ономаσιологического признака посредством производящей основы становится условием возрастания доли синонимических ассоциаций, сближающихся с ассоциациями собственного понятийного типа (ср.: *наставник, преподаватель*).

Таким образом, ПС существуют в ассоциативно-вербальной сети говорящих как лексические единицы особого типа. Со словами непроизводными их объединяет абсолютное преобладание понятийных (тематических) связей. Проведенный анализ подтверждает наши выводы, сделанные ранее на другом материале: основным мотивом вербального ассоциирования в целом, является объективация содержательных (концептуальных) связей слов [Крючкова, Крючкова 2015]. Однако заметную роль в сетевом существовании производных слов играют их композиционные свойства, определяющие наличие дополнительных психологических связей у производных лексических единиц. Место ассоциативных связей, обусловленных производностью слова, в ассоциативных полях производных слов, типы таких связей (связи, эксплицирующие гнездовые, типовые, категориальные объединения производных слов) зависят от структурных и семантических особенностей словообразовательных дериватов.

Закрепленные в ассоциативно-вербальной сети связи производных слов участвуют в процессах актуальной речевой деятельности говорящих. Поэтому изучение ассоциативно-вербального существования производных слов должно быть дополнено исследованием их текстовых связей, выявлением корреляций между сетевыми и текстовыми объединениями производных слов. Наличие репрезентативных ассоциативных тезаурусов и текстовых корпусов позволяет ставить и решать эти вопросы.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Крючкова О.Ю., Крючкова Н.В. Словообразовательные гнезда производных стимулов-существительных в русских ассоциативных словарях // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина / Отв. ред. О.Ю. Крючкова, Л.П. Крысин. Москва – Саратов: Амирит, 2015. С. 251-264.
3. Мельчук И.А. К понятию словообразования // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1967. Т. XXVI. Вып. 4. С. 352-362.
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Электр. ресурс [режим доступа: ruscorpora.ru]. Дата обращения: 08.02.20.
5. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Кн.1. 6. М.: Помовский и партнеры, 1994-1998. Электр. версия [режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>].

В.А. Куликова

ИМПЛИЦИТНАЯ И ЭКСПЛИЦИТНАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ЗАГОЛОВКАХ ИНТЕРНЕТ-МЕДИА

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного
проекта №19-312-90005*

В статье рассматриваются актуальные словообразовательные средства выражения эксплицитной и имплицитной негативной оценки на материале заголовков электронных СМИ: анализируются структурно-семантические особенности медийных новообразований и условия их употребления в целях речевого воздействия.

Ключевые слова: *электронный медиатекст, новообразования, негативная оценка, эксплицитность, имплицитность, словообразовательная игра.*

The article deals with the actual derivational means for expressing an explicit and implicit negative evaluation on the material of the electronic mediaheadlines: structural and semantic features of media neologisms and the conditions of their use for speech impact are analyzed.

Key words: *electronic media text, neologisms, negative evaluation, explicitness, implicitness, word-formation game.*

Современные медиатексты стремятся к реализации воздействующей функции, причем в интернет-пространстве важным инструментом является заголовок, способный привлечь внимание читательской аудитории в условиях переизбытка информации. В рамках реализации воздействующей функции в заголовках интернет-СМИ активно используются средства выражения оценки (как правило, имеющей негативный характер).

В медийной речи негативно-оценочные значения в эксплицитной или имплицитной форме часто формируются с помощью словообразовательных средств. Для исследования особенностей выражения эксплицитных и

имплицитных оценочных значений был сформирован методом сплошной выборки корпус медийных текстов интернет-СМИ 2010-2019 гг. Методом контент-анализа были проанализированы 480 текстов, в заголовках которых встречаются новообразования с негативно-оценочным значением.

В рамках прагматически-ориентированного исследования способов выражения оценки в языке СМИ важными представляются такие характеристики оценочных единиц, как имплицитность и эксплицитность. Эти параметры отражают связь формальных характеристик языковой единицы с особенностями передаваемого оценочного значения. Имплицитность и эксплицитность характеризуют степень открытости/скрытости выражения оценочного значения при восприятии оценочно-маркированного элемента адресатом, что особенно важно при изучении медийного текста в аспекте его воздействующей функции.

В лингвистике «наиболее распространенное понимание эксплицитности и имплицитности связано с явным или неявным выражением семантики языковых единиц компонентов различных уровней языка. Имплицитные (скрытые) компоненты значения, как правило, не имеют самостоятельного явного выражения в формальной структуре языка. Они выявляются лишь в лексико-семантических парадигмах, через контекст» [Шептухина 2006: 249]. Оценочные значения являются одной из частных разновидностей имплицитной/эксплицитной информации. Как отмечают исследователи, эксплицитная оценка – аксиологическое значение, закрепленное в семантической структуре ЛСВ и объективированное в ее словарной статье; а имплицитная оценка – оценочные смыслы, несущие формально не выраженную в семантике языкового знака оценочную информацию и приобретаемые в контексте окказионально [Новиков 1992: 6].

Эксплицитной считается информация, непосредственно, очевидно выраженная данной языковой единицей или системой единиц без ее преобразования. Как правило, эксплицитная информация зафиксирована в словарном значении слова или морфемы. В узком смысле эксплицитные компоненты значения понимаются как «компоненты, которые имеют явное словообразовательное (морфемное), формообразовательное (морфологическое) или синтаксическое (лексико-семантическое) выражение» [Васильев 1990].

К эксплицитным формам выражения оценочности мы относим случаи, когда в структуре новообразования присутствует оценочно-маркированный компонент. К таким оценочно-маркированным компонентам, выражающим эксплицитную оценку, относятся: производящая основа или аффикс, в значении которых закреплены оценочные семы; производящая основа или аффикс, выражающие оценку за счет эмоционально-стилистической окраски (стилистически сниженные единицы). Прочие единицы, не имеющие выраженного оценочного компонента (зафиксированного в номинативном

или коннотативном значении слова), но приобретающие оценочность в речи, относятся к имплицитным формам выражения оценочного значения.

Как показал анализ, имплицитная оценочность встречается в заголовках чаще – 71% (341 текст), эксплицитная же оценка была выявлена только в 29% (139 текстов) заголовков текстов.

Наиболее частотным эксплицитным способом выражения оценочных значений в проанализированном материале являются новообразования, созданные на базе слов с негативно-оценочной семантикой, в словарном значении которых закреплены оценочные семы (56 текстов – 11,7% из общего числа текстов или 40% из текстов с эксплицитной оценкой): *Лазарев устоял перед **укро-провокациями** британцев. Российский певец Сергей Лазарев не поддался на провокации британского журналиста, задавшего вопрос об Украине и ее неучастии в песенном конкурсе "Евровидение"* (Интернет-портал ТВЦ, 16.05.2019) – сложение *укр-* + *-о-* + *провокация* ‘**предательское** поведение, подстрекательство кого-н. к таким действиям, к-рые могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия’ [Толковый словарь русского языка]. При этом негативная оценка опирается на закрепленную в сознании целевой аудитории издания систему ценностей, поэтому новообразования нередко создаются на базе лексем, обозначающих антиобщественную, социально порицаемую (*Как наказывают **авиадебошира** и что делать, если он летит вместе с вами?* // Аргументы и факты, 16.12.2013) и противозаконную деятельность (*Православный **терроризм-лайт**. Вакханалию вокруг «Матильды» можно было остановить одним движением. Но это не сделано. Почему?* // Новая газета, 11.09.2017). Такая оценка носит рациональный характер, поскольку опирается на сопоставление объекта оценки с общественными нормами и стандартами поведения. Эмоциональная эксплицитная оценка создается на базе лексем, имеющих не только негативную семантику, но и негативную коннотацию, сниженную эмоциональную окраску, отраженную в словарных пометах (*груб., презр., пренебр.* и под.): *Материалы дела об **автохамах**, напавших с ножом на нижегородскую семью, исчезли* (Комсомольская правда, 14.09.18) – *хам* ‘1. Грубый, наглый, невоспитанный человек, готовый на подлости. 2. Употребляется как бранное слово, которым обзывают такого человека’ [Новый словарь русского языка], в словаре С.И. Ожегова, Ю.Н. Шведовой также имеет пометы *презр., бран.*

Негативная оценочность производящего слова также передается новообразованиям, созданным на базе стилистически сниженных слов просторечной, жаргонной окраски: *Наступление «**головожопов**»: депутаты и эхо «Зимней вишни». «Дети погибли, потому что кинотеатр был на четвертом этаже – кто-нибудь правда готов так думать?»* (Московский комсомолец, 02.04.2018) – новообразование создано путем сложения на базе просторечной лексики [Толковый словарь русского языка]. Однако подобные примеры относительно немногочисленны на проанализированном

материале (11 текстов – 2,9% из общего числа текстов). Вероятно, это обусловлено как коммуникативными факторами, так и юридическим контролем употребления ненормативной лексики в медиа, в том числе интернет-изданиях, имеющих официальную регистрацию СМИ.

Помимо семантико-стилистических особенностей производящего слова, на формирование эксплицитной оценочности влияет семантика аффиксов (51 текст – 10,6% из общего числа текстов или 37% текстов с эксплицитной оценкой). Оценка может передаваться с помощью собственно размерно-оценочных аффиксов с пренебрежительной окраской (14 текстов) («Вон тот **футболистика** ударил меня стулом»: Кокорин рассказал, за что пытался ещё раз напасть на чиновника Пака // Комсомольская правда, 25.04.2019). Также активно используются экспрессивно-нейтральные аффиксы, которые в составе медийных новообразований передают оценку за счет своей семантики: продуктивность проявляют суффиксоид *-гейт* со значением 'политический скандал' (Московский "**пиццагейт**". Сеть пиццерий подозревают в связях с наркомафией // интернет-портал Радио «Свобода», 08.02.2018), префиксоиды *лже-*, *квази-* с семантикой неистинности, ложности (**Лжебанкиры** идут на перехват. Заемщики все чаще рискуют стать жертвами мошенников // Российская газета, 13.09.2017; В Молдавии назначили «**квазипрезидента**» вместо президента Додона. Спикер парламента Молдовы Андриан Канду будет временно исполнять обязанности президента страны на период назначения новых министров и вице-премьеров правительства и принятия у них присяги // Rusnext.ru, 03.01.2018), префикс *недо-* со значением неполноценности (**Недоадвокат**. Кантемир Карамзин был задержан по возвращению в Москву из США, где длительное время игнорировал запросы российских правоохранителей рассказать о коррупционных отношениях с должностными лицами госорганов и причастности к рейдерским посягательствам // Новый взгляд, 22.05.2019) и др.

В противоположность эксплицитной информации выделяется имплицитная, которая открыто не выражается языковой единицей, но предполагается в ней, подсказывается ею или ее речевым окружением, выводится из них посредством интерпретации [Молчанова 1988: 19]. М.В. Никитин рассматривает имплицитные значения как «речевые эксплицитно не выраженные, некодифицированные значения, значения сверх собственного словарного значения языковых единиц и сверх регулярных правил их семантического комбинирования и модификации. Они возникают в результате взаимодействия эксплицитных значений с обстоятельствами и условиями их речевой реализации» [Никитин 1988: 163].

При этом в процессе речевого взаимодействия говорящий/пишущий вкладывает в высказывание имплицитную информацию, а слушающий/читающий выявляет ее в полном или неполном объеме в

зависимости от контекста, условий общения, собственной коммуникативной компетенции, наличия необходимых фоновых знаний.

Возникновение имплицитных значений новообразований может быть связано с языковой игрой, заключающейся в нарушении словообразовательных норм, креативном использовании словообразовательных средств, в результате чего возникает нестандартное оценочное значение единицы. При этом языковая игра, как правило, задействует и контекст, в котором обыгрывается оценочное значение.

Так, одним из актуальных для медиа средств языковой игры является создание новообразований незуального типа (129 текстов). Контаминированные новообразования создаются путем совмещения формально схожих частей двух слов, в результате чего исходная внутренняя форма слов обыгрывается и создается новая внутренняя форма, выражающая определенную оценку: *Это не «Чернобыль» – это ЧерноБоль. Участник запуска АЭС, экс-чернобылец Валерий Милашенко в колонке для AiФ.ru – о том, как его поразило сериал «Чернобыль»* (Аргументы и факты, 14.06.2019) – контаминация *Чернобыль* + *боль* с дополнительной капитализацией, можно рассматривать как образованное с помощью мены фонемы <ы> на <о> [Улуханов 1996]; *КЛАНирование Крыма. Хозяева полуострова: семейный клан Сергея Аксенова, его политики и его бизнесмены* (Новая газета, 26.01.2018) – контаминация *клан* + *клонирование боль* с дополнительной капитализацией, в контексте обыгрывается значение одного из производящих слов *клан* ‘замкнутая группа людей, объединенных родственными, деловыми и т.п. интересами’ [Новый словарь русского языка], причем с негативной коннотацией (ср. *криминальный клан*). Незуальные новообразования выражают негативную оценку более или менее очевидно в зависимости от того, насколько прозрачна их структура: возможно, что читатель, обладающий недостаточной коммуникативной компетенцией, не распознает языковую игру и не воспримет заложенный автором двойной смысл. В таком случае коммуникативная цель – выразить негативную оценку – не будет достигнута. Поэтому, например, автор может использовать капитализацию как вспомогательный способ акцентирования внимания на негативной составляющей.

Имплицитная негативная оценочность может создаваться за счет семантики словообразовательной модели, которая в контексте актуализирует негативное значение (22 текста). Так, новообразование *допопулился* (*Алексис Ципрас допопулился. Его партия «Сириза» готовится к провалу на выборах* // Коммерсантъ, 06.07.2019) создано с нарушением словообразовательной модели глаголов с конфиксом *до- ... -ся* (черессупенное словообразование: *допопулился* ← **популистить* ← *популист*), причем в контексте раскрывается негативное значение ‘довести себя до неприятных последствий’ [Русская грамматика] при наличии других, нейтральных значений у данной модели.

В СМИ нередко встречаются новообразования, созданные по стилистически нейтральным словообразовательным моделям, на базе оценочно-нейтральных лексем, однако создающие очевидные для носителя языка ассоциации с обценными лексемами за счет структурной и фонетической схожести: *Откуда берутся АУЕвишие дети. У нас проблема. Ходят слухи об ужасном подростковом движении АУЕ. Название звучит как звериный вопль, расшифровывается – «арестантский уклад един», коряво и страшно* (Взгляд, 03.10.2018); **ВОБнутые**. *Как глава Всероссийского объединения болельщиков Шпрыгин нападает на журналистов* (19.09.2016, Новая газета) – аббревиатура **ВОБ** – ‘всероссийское объединение болельщиков’. Такие новообразования не имеют оценочных компонентов в своей структуре, поэтому формально относятся к имплицитным, однако отсылка к обценной лексике в данном случае очевидна для носителя языка, а обценная лексика обладает большим потенциалом негативной экспрессивности, особенно в публичной коммуникации в СМИ. Таким образом, подобные примеры подтверждают тезис о том, что имплицитность/эксплицитность как степень выраженности информации «очевидно не бинарна, а градуальна» [Баранов 2011: 319] и представляет собой шкалу, в соответствии с которой информация может быть выражена более или менее открыто. При этом большое значение имеет коммуникативная, культурная компетенция реципиента, для которого имплицитная информация представляется более или менее очевидной и который может ее декодировать более или менее легко.

Контекст может использоваться и как основное средство придания оценочного значения новообразованию, семантика и структура которого не содержат негативно-оценочных элементов (причем такие случаи частотны – 166 текстов). При этом негативно-оценочный смысл заголовочного новообразования поддерживается содержанием публикации, таким образом оказывается задействован широкий контекст: *Опасный обнулизм. Легкая промышленность и импортозамещение. Как это ни странно, но практически все предыдущие громкие властные заклинания и твердые заверения о вот-вот наступающей эпохе текстильного импортозамещения на поверку оказались элементарной профанацией для местных производителей и доверчивых потребителей* (Советская Россия, 26.03.2016) – оценочность новообразования **обнулизм** (от *обнулить* ‘свести к нулю’) создается в заголовке за счет определения *опасный* и поддерживается в тексте (*оказались элементарной профанацией*).

В создании имплицитных оценочных значений также может быть задействован широкий, экстралингвистический контекст. Экстралингвистические факторы формирования имплицитных значений включают в себя коммуникативную ситуацию употребления единицы, прагматические установки автора, особенности восприятия текста адресатом, в том числе его фоновые знания, влияющие на интерпретацию текста. Так, в

тексте: *ВИП-чиновники после отставки: Суперпенсии, госдачи и охрана в придачу. После громкой отставки губернатора Кузбасса Амана Тулеева выяснилось: ему полагаются немалые привилегии. Читатели «Комсомолки» сразу же задали вопросы: а с чем же тогда уходят в отставку другие губернаторы? А министры, депутаты?* (Комсомольская правда, 09.04.2018) – элементы *vip-* (часть сложных слов агглютинативного типа, передающая значение важности, влиятельности, исключительности [Новый словарь русского языка]), *супер-* (префикс со значением повышенного качества [Новый словарь русского языка]) имеют положительную семантику, однако в контексте приобретают отрицательную окраску, поскольку участвуют в создании образа элитарного меньшинства, пользующегося в обществе особыми привилегиями и противопоставленного менее обеспеченному большинству (к которому относятся в том числе потенциальные читатели). Так, на формирование оценочности влияют и экстралингвистические факторы: обостренные социальные противоречия, проблемы материальной обеспеченности представителей разных социальных классов.

Соотношение эксплицитности и имплицитности выражения смыслов является важной характеристикой соотношения содержательного и формального планов языка, семантической структуры языковых единиц и организации дискурса. Как показал анализ отобранного материала, для современных СМИ наиболее актуальной является имплицитная форма выражения негативно-оценочной информации.

Для имплицитной информации характерна «необязательность ее получения при понимании, несто процентность ее восстановления слушающим» [Баранов 2007: 42]. В условиях медиа-коммуникации, для говорящего/пишущего важно, чтобы реципиент получил имплицитную информацию в полном объеме, поскольку от этого зависит успешность коммуникации. Так, если читатель не воспринимает заложенную журналистом имплицитную оценочную информацию, не реализуется прагматическая установка на воздействие. Ученые отмечают большой воздействующий потенциал имплицитных способов выражения информации, поскольку «действенность имплицитной информации основана на сложности ее извлечения, точнее, на том, что адресат уже затратил на ее получение дополнительные интеллектуальные усилия» [Баранов 1990]. Таким образом, автор медиатекста для наилучшей реализации воздействующей функции должен внимательно относиться к выбору средств выражения имплицитной оценочной информации, чтобы читатель, с одной стороны, мог распознать ее, но с другой стороны, чтобы процесс выявления не был для него слишком простым, а информация – слишком очевидной.

Библиографический список

1. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дисс. ... докт. филол. н. М., 1990.

3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта-Наука, 2007.
4. Баранов А.Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т. 2011. С. 314-326.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/>
6. Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста. Ташкент: Изд. «ФАН» Узб. ССР, 1988.
7. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988.
8. Новиков В.П. Оценочная лексика в языке английской газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>
10. Русская грамматика. Т. 1 / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.
11. Улукханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
12. Шептухина Е.М. Эксплицитность/имплицитность смысловой структуры русских глаголов со связанными основами // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2006. С. 249-255.

М.А. Михайлова, М.И. Солнышкина

СТАНДАРТНАЯ И СУБСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ ФОТОГРАФОВ: ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Казанский федеральный университет

В статье представлены результаты сопоставительного анализа способов словообразования 768 единиц русского и 813 единиц английского вариантов языка фотографов, используемых лицами, занятыми в сфере фотоиндустрии. Оба изучаемых варианта языка фотографов демонстрируют широкое многообразие морфологического, семантического, синтаксического и фонетического словообразования. Высокопродуктивными способами словообразования в русском варианте языка фотографов являются семантическая деривация, синтаксический способ и аффиксальное словообразование, продуктивные способы – словосложение и сокращение. В английском варианте профессионального языка фотографа в группу высокопродуктивных способов словообразования относим семантическую деривацию, сокращения, синтаксический способ и словосложение, продуктивным способом словообразования является аффиксальное словообразование.

Ключевые слова: профессиональный язык фотографов, стандартные единицы, субстандартные единицы, способы словообразования.

The article presents the results of a comparative analysis of the word formation methods of 768 units of the Russian and 813 units of the English languages of photographers used by professionals employed in photo industry. Both languages demonstrate a wide variety of morphological, semantic, syntactic, and phonetic types of word formation. The findings of the research conducted include the following: semantic derivation, syntactic method and affixation are highly productive in the Russian language, while compounding and abbreviation are viewed

as productive method. Among the highly productive derivational types in English are the following: semantic derivation, abbreviation, syntactic method and compounding, affixation.

Key words: *professional language of photographers, standard units, substandard units, word formation methods.*

Предпосылкой существования профессиональных языков является непрерывное развитие различных форм деятельности человека, способствующих возникновению специальных языковых знаков, служащих средством коммуникации для производственно-профессиональной групп и возникающих в результате профессиональных и социальных потребностей коммуникантов. Фотоделу как определенной области человеческой деятельности соответствует конкретная разновидность языка, определяемая нами как профессиональный язык фотографов (далее ПЯФ). Совокупность языковых средств ПЯФ позволяет выделить особую, относительно новую форму языка, обеспечивающую общение профессиональных фотографов и фотографов-любителей.

Лексические средства ПЯФ неоднородны по своему составу. В зависимости от регистра общения, в котором они реализуются, лексические единицы ПЯФ делим на стандартные и субстандартные. Стандартные единицы используются в официально-письменных формах речи, субстандартные единицы – в устных, обиходно-бытовых формах, интернет-сообщениях [Солнышкина, Михайлова 2017: 114]. Общение с высокой степенью конвенциональности, т.е. формальное общение, происходит в рамках высокого стилевого регистра языка. Неофициальное общение реализуется в рамках низкого регистра, где допускается отход от жестких норм и табу.

В настоящее время ни отечественная, ни зарубежная лингвистика не располагают комплексным сопоставительным исследованием русского и английского профессиональных языков лиц, занятых в фотоиндустрии. При этом следует признать, что исследованными являются речевые портреты пользователей фотосайтов и фотохостингов на материале русского языка [Попова 2012], изучен русский профессиональный фольклор фотографов [Голованова 2011]; описаны проблемы и принципы упорядочения терминологии фотодела в русском и английском языках [Тененева 2001].

Изучение словообразовательных процессов в стандартном и субстандартном вариантах ПЯФ позволяет выявить лингвистические особенности профессиональной языковой личности фотографов. Хромова С.А. отмечает, что «словотворчество является одной из лингвистических составляющих языковой личности» [Хромова 2010: 360]. Следовательно, анализ способов образования элементов вербально-семантического уровня языковой личности даст возможность определить специфику изучаемой языковой личности [см. Караулов 2010: 86-97]. Более того, стандартные и субстандартные единицы ПЯФ представляют интересный материал для изучения тенденций развития профессионального

языка: то, что в высоком стилевом регистре языке сдерживается влиянием традиций, «давлением пуристических воздействий» [Лукашанец 2010: 161], в низком стилевом регистре языка имеет относительно свободное развитие.

Материал предоставленного исследования составляют 768 единиц русского языка и 813 единиц английского языка фотографов, используемые лицами, занятыми в сфере фотоиндустрии, практикующими фотографами, ассистентами фотографов, начинающими фотографами. Исследование русского и английского вариантов ПЯФ осуществлялось на основе текстовых материалах, размещенных на сайтах российского фотофорума «КлубFoto» [KF] с 2015 по 2019 год и американского фотофорума «PhotoNet» [PN] с 2015 по 2019 год.

Теоретической основой осуществляемого сопоставительного исследования послужила классификация способов словообразования, разработанная представителями Московской лингвистической школой. (см. «Русская грамматика, 1980).

Многообразие способов образования стандартных и субстандартных единиц в русском и английском вариантах профессионального языка фотографов отображено в Таблице 1.

Таблица 1

Способы образования единиц русского и английского вариантов профессионального языка фотографов

Способы словообразования	Русский язык			Английский язык		
	CE ¹	CSE ²	CE и CSE	CE	CSE	CE и CSE
Сокращение	11 (1,4%)	41 (5,3%)	52	57 (6,8%)	87 (10,4%)	144
Аффиксация	10 (1,3%)	99 (13,2%)	109	13 (1,5%)	56 (6,8%)	69
Словосложение	41 (5,3%)	56 (7%)	97	37 (4,5%)	89 (10,9%)	126
Семантическая деривация	141 (18,3%)	204 (26%)	345	94 (11,2%)	274 (31%)	368
Фонетические процессы	-	22 (3%)	22	-	6 (0,7%)	6
Субстантивация/ вербализация	-	16 (2%)	16	-	8 (0,9%)	8
Синтаксический способ	115 (15,7%)	12 (1,5%)	127	92 (11%)	36 (4,4%)	128
ВСЕГО:	318 (42%)	450 (58%)	768 (100%)	292 (35%)	521 (65%)	813 (100%)

В материале представленного исследования в русском и английском вариантах ПЯФ были выявлены следующие способы образования языковых единиц: семантическая деривация, морфологический (сокращение, словосложение, аффиксация, конверсия), фонетический и синтаксический способы. При определении уровня продуктивности применялись следующие условия: уровень продуктивности способа образования единиц признавался высоким в случае выявления более 100 языковых единиц, образованных данным способом; средний уровень продуктивности устанавливается при диапазоне от 31 до 99 языковых единиц в соответствующей группе; низкий

¹ CE – стандартные единицы

² CSE – субстандартные единицы

уровень продуктивности устанавливается в случае присутствия в группе от 1 до 30 языковых единиц.

Высокопродуктивным способом словообразования в изучаемых языках выступает семантическая деривация: 345 единиц русского и 368 единиц английского языков. Наиболее характерными являются переосмысления, основанные на внешних сходствах референтов (форма, размер, цвет, структура и т.д.) (см. примеры ниже). Направление семантической деривации при образовании стандартных и субстандартных единицах русского и английского вариантов профессионального языка фотографов представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Модели семантической деривации единиц русского и английского вариантов профессионального языка фотографов

Семантическая деривация	Модель переосмысления		Русский язык		Английский язык	
			СЕ	ССЕ	СЕ	ССЕ
Метафорическое переосмысление	Не-человек – не-человек	продукты питания→артефакт	-	10 (1,1%)	-	6 (0,7%)
		растение→артефакт	1 (0,1%)	9 (1%)	1 (0,1%)	4 (0,5%)
		животное/ соматика животного→артефакт	-	12 (1,3%)	-	5 (0,6%)
		примитивный объект→сложный артефакт/свойство	39 (5,6%)	51 (7%)	20 (2,4%)	112 (15%)
		оружие→артефакт	-	1 (0,1%)	-	3 (0,3%)
		температура→цвет	-	3 (0,3%)	-	3 (0,3%)
		пространство→цвет	-	1 (0,1%)	-	1 (0,1%)
		цвет→время	-	3 (0,3%)	-	2 (0,2%)
		геометрическое понятие → профессиональное понятие	-	-	4 (0,5%)	-
	Человек – человек	член общества→фотограф	-	4 (0,4%)	-	-
		физическое действие → ментальное действие	-	2 (0,2%)	-	-
		бытовое действие → профессиональное действие	-	17 (2,2%)	-	11 (1,3%)
		профессия → фотограф	-	-	-	9 (1%)
	Человек – не-человек	бытовое действие → профессиональное действие	2 (0,2%)	31 (4,5%)	-	1 (0,1%)
		физическое свойство → нефизическое свойство	9 (1%)	1 (0,1%)	4 (0,5%)	2 (0,2%)
		человек→артефакт	1 (0,1%)	3 (0,3%)	-	3 (0,3%)
		ВСЕГО:	52 (7%)	148 (19%)	29 (3,5%)	162 (19,6%)
				200 (26%)		191 (23,1%)
	Метонимическое переосмысление	бренд→артефакт	-	21 (3,8%)	-	83 (10%)
		материал → артефакт	1 (0,1%)	7 (0,7%)	-	1 (0,1%)
числительное → артефакт		-	9 (1%)	-	5 (0,5%)	
автор → произведение		-	1 (0,1%)	3 (0,3%)	3 (0,3%)	
действие → результат действия		13 (1,4%)	5 (0,5%)	8 (0,9%)	5 (0,5%)	
общее → частное		-	4 (0,4%)	1 (0,1%)	1 (0,1%)	
частное → общее		-	2 (0,2%)	-	-	
место → произведение		2 (0,2%)	-	-	-	
геометрическое понятие → профессиональное понятие	-	-	8 (0,9%)	-		

	ВСЕГО:	16 (1,7%)	49 (6,8%)	20 (2,2%)	98 (11,5%)
		65 (8,5%)		118 (13,7%)	
Метафоризация и специализация значения		--	10 (1,1%)	7 (0,8%)	15 (1,8%)
		10 (1,1%)		22 (2,6%)	
Специализация значения		70 (9%)	-	38 (4,6%)	-
ВСЕГО:		141 (17,7%)	204 (26,6%)	93 (11,2)	274 (31%)
		345 (44,3%)		368 (43,2%)	

При помощи метафорического способа образовано 200 единиц русского и 191 единица английского языка. Например, метафорический перенос, основанный на сходстве объектов по форме, наблюдаем в значении профессионализма **блинчик** ‘тонкий объектив’ [KF]. Переосмысление значения слова общенационального языка **блинчик** ‘небольшой тонкий блин из пресного пшеничного теста’ [MAC] в профессионализм **блинчик** ‘тонкий объектив’ основано на сходстве формы – тонкий, плоский и круглый. В термине **лепестковый затвор** ‘затвор, устанавливаемый внутри объектива или рядом с ним и представляющий собой набор металлических лепестков, раскрывающихся от центра светового отверстия к его краям’ [СФТ], переосмыслению подвергается только прилагательное **лепестковый**. Английский термин **flare** (букв. вспышка) в значении ‘нежелательные отпечатки света на фотографии, которые ухудшают качество изображения’ образован от существительного **flare** (букв. ‘внезапный краткий всплеск яркого пламени или света’ [OD]). В данном случае переосмысление основано на сходстве внешних образов: белых пятен от света, отображенных на фотографии, с ярким импульсом света. Переосмысление, основанное на сходстве формы, наблюдаем при образовании профессионализма **doughnut** (букв. пончик), имеющего в ПЯФ значение ‘боке в форме колец, созданное уникальным строением зеркала объектива фотоаппарата’ [PN] и др.

В рассматриваемых языках высок процент метонимических образований: 65 единиц русского и 118 единиц английского вариантов ПЯФ, а наиболее продуктивным подвидом следует признать «номерную» метонимию (см. Таблицу 1). Например, **семерка**, ‘фотоаппарат серии а7II фирмы Canon’ [KF], **полтинник**, ‘объектив с фокусным расстоянием 50 мм’ [KF], **пятерка/ пятак/ пятачок/ пятерочка**, ‘фотоаппарат серии EOS 5D фирмы Canon’ [KF], **пятнашка**, ‘фотоаппарат фирмы Sigma модель SD15’ [KF] и др. В английском варианте ПЯФ: **four thirds**, букв. три четвертых, ‘фотоаппарат с размером экрана 17.3 x 13mm’ [PN], **second**, букв. второй, ‘ассистент фотографа’ [PN], **nifty fifty**, букв. классные пятидесятые, ‘50 мм объектив’ [PN] и др. Показательно, что в изучаемой группе единиц частотность корня пять / five значительно выше других числительных.

Группу стандартных единиц русского и английского вариантов языков фотографов составляют единицы, семантика которых «специализирована» (см. Таблицу 1). Например, **бесконечность**, матем. ‘воображаемая величина, больше любой заданной’ [MAC] < **бесконечность**, ‘расстояние до объекта

съёмки, который в силу своей удалённости не попадает в пределы обычной фокусировки’, **интерференция**, [MAC] физ. ‘взаимное усиление или ослабление звуковых, электромагнитных волн с одинаковыми периодами при их наложении друг на друга’ < **интерференция**, [MAC] ‘оптическое явление, возникающее при взаимодействии двух и более световых волн’ и др.; **interpolation**, ‘вставка промежуточного значения в ряд путем оценки или вычисления его из окружающих известных значений’ [OD] < **interpolation**, ‘метод, используемый для увеличения количества пикселей в цифровом изображении’, **panorama**, ‘непрерывный вид на весь регион’ [OD] < **panorama**, ‘панорамный снимок’, **silicon**, ‘химический элемент с атомным номером 14’ [OD] < **silicon**, ‘светочувствительное вещество, генерирующее минутный ток при воздействии света’ и др.

Исследование языкового материала свидетельствует также о том, что значения целого ряда профессионализмов формируются в результате не одного, но двух семантических процессов: метафоризации и специализации значения. Например, **вилка**, ‘столовый прибор, представляющий собой ручку с несколькими длинными зубьями для захвата кусков пищи’ [MAC] < **вилка**, ‘расхождение, несоответствие между чем-л’ [MAC] < **вилка**, фото. ‘съёмка одного и того же кадра с автоматическим изменением одного параметра съёмки’, **shadow**, букв. тень, ‘темный участок, который образовался из-за отсутствия лучей света’ [OD] < **shadow**, ‘человек, везде следующий за другим человеком’ < **shadow**, фото. ‘неопытный ассистент фотографа, следующий за профессиональным фотографом’.

Высокопродуктивным способом словообразования в русском и английском вариантах ПЯФ выступает синтаксический способ (см. Таблицу 1), т.е. «последовательное присоединение к исходному однословному термину слов-уточнителей» [Головин, Кобрин 1987: 44]. Наиболее частотными являются двухсловные термины атрибутивно-препозитивного типа адъективно-именной группы: **сферическая абберация**, ‘вид аббераций оптической системы, при которой изображение монохроматического точечного источника света, находящегося на оптической оси линзы, представляет собой размытое пятно’ [СФТ], **aperture priority**, букв. приоритет диафрагмы, ‘режим фотоаппарата с автоматическим определением экспозиции, при котором значение диафрагмы задает пользователь, а камера устанавливает подходящую выдержку’ [OD].

Компоненты многословных субстандартных единиц могут иметь соотнесенность с высоким и низким регистрами профессиональной коммуникации. Например, **уличная фотография**, ‘фотография, сделанная в общественном месте’ [KF], **candid shot**, букв. откровенный снимок, ‘моментальный снимок, демонстрирующий искренность людей’ [PN] и др.

Асимметрия способов словообразования изучаемых языков проявляется в том, что аффиксальный способ является высокопродуктивным в русском варианте ПЯФ (109 единиц) и продуктивным в английском

варианте ПЯФ (69 единиц). Продемонстрируем специфику аффиксального способа словообразования в русском варианте ПЯФ на примере суффикса –*ка*. Например, посредством суффикса –*ка* со значением «результат действия, названного мотивирующим глаголом» [РАН 1980: 140-141] осуществляется отглагольное производство имен: **съемка**, ‘процесс фотографирования’ < от гл. снимать, **юстировка**, ‘точная настройка оптической системы’ < юстировать от нем. justieren выверять [БЭС], **засветка**, ‘дефект фотографии, при котором некоторые участки снимка пересвечены’ < засветить, **шевеленка**, ‘нерезкий, размазанный ключевой объект в кадре’ < шевелить. Как средство универбации суффикс –*к(а)* со значением «предмет (неодушевленный), характеризующийся признаком» [РАН 1980: 168] образует имена существительные от словосочетаний модели Adj + N. Например, **зеркалка** < зеркальный фотоаппарат, ‘камера со сменной оптикой, с зеркалом в своей конструкции’ [KF] **пейзажка** < пейзажный фотоаппарат, ‘фотоаппарат, предназначенный для съемки пейзажа’ [KF], **портретка** < портретный фотоаппарат, ‘фотоаппарат, предназначенный для съемки портрета’ [KF]. Очевидно, что интенционал суффикса –*ка* в русском ПЯФ гораздо уже интенционала суффикса –*ка* в общенациональном русском языке: в русском ПЯФ суффикс –*ка* образует исключительно имена существительные на базе глаголов и имен прилагательных со значением и ‘признак предмета’, в то время как в общенациональном языке суффикс –*ка* производит имена существительные от глаголов, имен прилагательных, имен существительных, причастий и имеет 19 значениях, включая, такие как, носитель процессуального/отвлеченного признака, женскости, единичности, подобия и др. [см. Русская грамматика: 231-591].

Аналогичную ситуацию наблюдаем в английском варианте ПЯФ. При образовании существительных, причастий и глагола продуктивным аффиксом является префикс *over-* со значением ‘признак, характеризующийся усилением качества, названного мотивирующим словом’ [SEG 1998: 131], интенционал которого в общенациональном английском языке значительно шире [см. SEG 1998: 131-132]. Например, **overexposure**, ‘чрезмерная экспозиция, полученная светочувствительным слоем фотоматериала при съемке и приводящая к плохой проработке деталей в темных участках негатива [PN] < exposure ‘интенсивность света’, **oversharp**, ‘чрезмерно увеличенная резкость фотоснимка’ [PN] < sharp ‘резкий’, **overlap**, ‘отредактировать фотографию таким образом, при которой фотография или элемент фотографии накладывается на другую фотографию’ [PN] < lap ‘накладывать друг на друга’, **oversize**, ‘увеличить масштаб снимок’ [PN] < size ‘размер’ и др.

Словосложение как способ пополнения исследуемых языков является продуктивным в русском и высокопродуктивным в английском вариантах ПЯФ (см. Таблицу 1). Среди сложных слов в русском и английском вариантах ПЯФ зафиксированы сращения с соположением основ через

дефис: термины (**штатив-тренога**, ‘трехногое приспособление для жесткой фиксации фотоаппарата’ [СФТ], **high-fidelity**, ‘качество изображения, содержащее большое количество пикселей на площадь фотографии’ [OD]); профессионализмы (**кроп-зеркалка**, ‘зеркальный фотоаппарат с матрицей меньше 24 x 36 мм’ [KF] < кроп от crop, **rain-gear**, ‘фотоаппарат или любое фотооборудование, используемое во время дождя’ [PN] и др.). Сращение основ с сочинительным отношением объективировано в стандартных (**фотовспышка**, **фотокамера**, **barndoors**, ‘набор переключателей подвижного освещения на шарнирах’ [PN] < barn, букв. сарай + door, букв. дверь) и в субстандартных (**зеркалолук**, ‘фотография себя в зеркале’ [KF] < лук от look, букв. взгляд, **gearhead**, ‘фотограф, помешанный на фотоаппаратах’ [PN] < gear, букв. снаряжение + head, букв. голова) единицах.

Отдельно выделим группу субстандартных единиц в русском и английском вариантах ПЯФ, в которой один или оба компонента являются усеченными. Например, **свакнига** < **свадебная книга**, **свафото** < **свадебные фотографии**, **slomo**, ‘эффект замедленной съемки’ [PN] < **slow motion** (букв. медленное движение), **protographer**, [PN] ‘профессиональный фотограф’ < *pro-* < professional и *-tographer* < photographer и др. В русском варианте ПЯФ зафиксированы сложные слова с подчинительным отношением основ объектного типа с управлением, сопровождающиеся интерфиксом *-o-*: термин **видоискатель**, ‘оптическое устройство фото- или киноаппарата, служащее для определения границ изображения (кадра) снимаемого объекта’ [СФТ] < искатель вида и др.

Системы изучаемых вариантов ПЯФ демонстрируют широкое многообразие словообразовательных типов сложных слов. Продуктивным в русском и английском вариантах ПЯФ способом словообразования является сокращение (см. Таблицу 1). В русском и английском вариантах языка фотографов большую группу представляют инициальные сокращения стандартных (**АЦП** < **А**налого-**Ц**ифровой **П**реобразователь, **ДД** < **Д**инамический **Д**иапазон, **AF** < **A**uto **F**ocus ‘автоматический фокус’, **ABC** < **CA** < **C**hromatic **A**berration ‘хроматическая абберация’) и субстандартных (**ЗП** < **З**адний **П**лан, **GWC** < **G**uy **W**ith **C**amera, букв. парень с камерой, ‘непрофессиональный фотограф’) единиц. В русском варианте ПЯФ акронимы представлены исключительно субстандартными единицами: **ГРИП** < глубина **р**езко-**и**зображаемого **п**ространства, **ХА** < хроматическая абберация. В английском варианте акронимы широко используются как в высоком (**DoF** < **D**epth **O**f **F**ield ‘глубина резкости’, **EVIL** < electronic viewfinder interchangeable lens ‘сменный объектив с автоматическим видоискателем’), так и в низком (**BIF** < **B**ird **I**n **F**light ‘фотография птицы в полете’, **PAS** ← **P**oint **A**nd **S**hoot, букв. наводи и стреляй, ‘фотографировать’) регистрах коммуникации. Аббревиатуры, образованные с целью герметизации и эвфемизации общения, являющиеся традиционными речевыми этикетными оборотами фотографов, сжаты в сложносокращенные

слова. Например, **KISS** < **Keep It Simple Stupid** ‘будь проще, придурок’, **PhD** < **press here dummy** ‘нажми сюда, придурок’, **TTDPA** < **take the damn picture already** ‘сделай уже этот чертов снимок’, **RTFM** < **read the frikkin’ manual** ‘прочитай чертову инструкцию’. Как видим, в низком регистре общения сокращения несут преимущественно уничижительные смыслы.

Симметрия изучаемых вариантов ПЯФ прослеживается в том, что в низком регистре коммуникации традиционно используются усечения. К начально-усеченным словам относим следующие: **засвет** < засветка, **стаб** < стабилизатор, **cam** < camera, ‘фотоаппарат’, **grad** < graduated, ‘градиентный фильтр’. Начально-конечно-усеченные слова представлены исключительно единицами русского языка: **тюнить** < тюнинговать, **фотать** < фотографировать. К конечно-усеченным единицам относим следующие: **шоп** < фотошоп, **blad** < Hasselblad, ‘фотоаппараты фирмы Хассельблад’.

Фонетические преобразования малочисленны и выявлены исключительно на материале субстандартных единиц в русском и английском вариантах ПЯФ. Преимущественное большинство фонетических изменений в русском варианте ПЯФ основаны на фонетической мимикрии, при которой имеет место звуковое совпадение произношения слов. Например, существительное **дырофрагма** образовано от термина **диафрагма**, **бык фокус** < **бэк фокус** (англ. *back focus*, букв. задний фокус) и др. При фонетической мимикрии имеет место изменение состава коннотативного макрокомпонента. Например, существительное **панасоник** ‘фотоаппарат фирмы Panasonic’ образует профессионализм **поносник**, ‘фотоаппарат фирмы Panasonic’, в значении которого присутствует уничижительная коннотативная сема, свойственная русскому слову ‘понос’. Образование единицы по типу палиндрома малопродуктивно и выявлено в профессионализме **гнусмас**, ‘фотоаппарат фирмы Samsung’ < **самсунг**, который ассоциативно напоминает слово *гнушный* ‘внушающий отвращение’ [МАС]. В процессе фонетических преобразований профессионализм **гнусмас** приобретает пренебрежительную коннотативную сему. Фонетическая субституция выявлена в профессионализме **bigma**, ‘длиннофокусный объектив фирмы Sigma’ [PN] < **sigma** ‘объектив фирмы Sigma’. Фонема ‘s’ была заменена на фонему ‘b’, что в лексеме **bigma** выделяется слово **big** (букв. большой, крупный). Профессионализм **zoom**, ‘объектив с переменным фокусным расстоянием’ [PN] является ономатопом, возникшим на основе фонетического уподобления характерного звука [zoom-zoom], который издает объектив при приближении или удалении объекта.

Изученный материал демонстрирует симметрию русского и английского вариантов ПЯФ, которая проявляется в малопродуктивности фонетических процессов как способа образования единиц фотографов. В процессе фонетических преобразований единицы имеют тенденцию приобретать пренебрежительные или уничижительные коннотативные семы.

Ряд имен прилагательных в исследуемых языках подверглись субстантивации по модели Adj+N > N: хоботный объектив > **хоботный**, 'объектив, в котором механизм линзы не выкручивается, а выдвигается «вперед-назад»' [KF], **candid shoot**, букв. откровенная фотография < **candid**, 'моментальный снимок, сделанный без ведома фотографируемого' [PN]. Существительное **fish**, 'эффект рыбьего глаза' с префиксом *de-* подвергается вербализации и образует глагол **defish**, 'устранить эффект рыбьего глаза' [PN] по модели N > V.

Субстантивация и вербализация являются малопродуктивными способами образования субстандартных единиц в русском и английском вариантах ПЯФ (см. Табл. 1).

Сопоставительный анализ способов словообразования стандартных и субстандартных единиц русского и английского вариантов языка фотографов позволяет заключить, что высокопродуктивными способами словообразования единиц в русском варианте ПЯФ выступают семантическая деривация, синтаксический способ и аффиксальное словообразование. В английском варианте ПЯФ высокопродуктивными способами словообразования являются семантическая деривация, сокращение, синтаксический способ и словосложение. Фонетические преобразования и субстантивация являются малопродуктивными способами образования единиц и реализуются исключительно на материале субстандартных единиц. Русскоязычные и англоязычные носители ПЯФ в неофициальном общении склонны к выражению эмоционально-оценочного отношения к объекту действительности. В структуре значения ряда единиц зафиксированы уничижительные и пренебрежительные семы.

Оба изучаемых варианта ПЯФ демонстрируют широкое многообразие морфологического, семантического, синтаксического и фонетического способов словообразования. Анализ способов словообразования не выявил отклонений от норм узуса.

Библиографический список

1. БЭС – Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/bes> (дата обращения: 06.11.2019).
2. Голованова Е.И. Профессиональная языковая личность: специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики // Non multum, sed multa: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В.Ф. Новодрановой. М.: Авторская академия, 2010. С. 261-270.
3. Головин Б.Н., Кобрин, Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Лукашанец Е.Г. Аббревиация и усечение в социолектах // Предложение и Слово. Книга 2: материал IV Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», Саратов 14-16 октября 2010 г. / Отв. ред. О.И.Дмитриевой. Саратов: Издательство «Научная книга», 2010. С. 161-170.

6. *MAC* – Малый академический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russianacadem.htm> (дата обращения: 27.06.2019).
7. *Попова Т.И.* Интернет-пространство: речевой портрет пользователя: Коллективная монография / под ред. Т.И. Поповой. Авторы: Т.И. Попова, И.М. Вознесенская, Д.В. Колесова, В.М. Савотина. СПб.: Эйдос, 2012. 224 с.
8. *РАН* – Русская грамматика: в 2-х т. Текст. / Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, В.В. Иванов, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, Ф.П. Филин / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 792 с.
9. *Солнышкина М.И., Михайлова М.А.* Процессы семантической деривации в языке фотографов // Филология и культура. 2017. №2 (48). С. 114-120.
10. *Стернин И.А., Саломатина М.С.* Семантический анализ слова в контексте / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2011. 150 с.
11. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Аббревиация в терминологии // Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. Гл. VII. 248 с.
12. *СФТ* – Словарь фотографических терминов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perfekt.ru/dictionaries/foto.html> (дата обращения: 11.06.2019).
13. *Тененева И.В.* Проблемы и принципы упорядочения терминологии: На материале сопоставления фотографической лексики английского и русского языков: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.20. М., 2001. 320 с.
14. *Хромова С.А.* Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковым словообразовательным стандартам // Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка: коллективная монография. / Под ред. О.И. Дмитриевой. Саратов: Издательство «Научная книга», 2010. С. 309-367.
15. *CEG – Collins COBUILD English guides 2: Word formation* // Harner M. / HarperCollins Publisher, 1998. 224 p.
16. *KF* – Коммуникативная платформа «Клуб.Foto.ru» [Электронный ресурс]. URL: <http://club.foto.ru/> (дата обращения: 29.06.2019).
17. *OD* – Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 01.03.2019).
18. *PN* – Коммуникативная платформа «Photo.Net». [Электронный ресурс]. URL: <https://photo.net/> (дата обращения: 12.06.2019).

Т.И. Мурзаева

ДИАЛЕКТИЗМЫ В РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА «САНЬКЯ»
*Саратовский национальный исследовательский государственный
 университет им. Н.Г. Чернышевского*

В статье рассматриваются проблемы употребления диалектизмов в художественном тексте. Отмечается тщательность отбора диалектных единиц, специфика их функционирования и концептуальная значимость.

Ключевые слова: *диалектизмы, художественная речь, содержательно-концептуальная информация.*

The article deals with the problems of the use of dialectisms in the literary text. Careful selection of dialect units, specificity of their functioning and conceptual significance is noted.

Key words: *dialectisms, literary text, conceptual information.*

Диалектизмы в художественной речи выделяются на фоне общеупотребительных языковых средств и выполняют различные функции. Включение диалектизмов в художественный текст рассматривается как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка [Калнынь 1998: 59].

Вопрос об употреблении в художественной литературе просторечных и диалектных слов и выражений был поставлен еще в теории трех штилей М.В. Ломоносова.

Дискуссия о возможности и целесообразности использования диалектизмов в художественной литературе возникала неоднократно. В 1934 г. инициатором дискуссии был М. Горький, в 1965 г. – В.В. Виноградов, в 1976 г. – Ф.П. Филин. В конечном итоге общественное мнение признало право писателя на употребление диалектизмов в художественной речи, но с учетом принципа соразмерности и сообразности.

Отдельного внимания заслуживает точка зрения литературного критика В. Гусева, который, возражая Ф.П. Филину, писал, что контекст не всегда должен раскрывать значение непонятных слов; для передачи определенной атмосферы, фактуры даже нужен момент непонятности, тайны жизни, неокончательного раскрытия [Гусев 1976].

В результате исследования диалектизмов в литературе XX в. выявлены их многочисленные функции: моделирующая, характерологическая, номинативная, эмотивная, кульминативная, эстетическая, фатическая [Самотик 2012: 63-68]. Отмечается, что «народно-разговорные средства определенным образом взаимодействуют с общеупотребительными словами, что способствует решению поставленной художественной задачи» [Мурзаева 2019: 106]. Изучение особенностей употребления диалектизмов в художественной речи в начале XXI в. остается актуальным.

Одним из значительных явлений современной отечественной прозы стал роман Захара Прилепина «Санька» (2007 г.: премия «Ясная Поляна» «За выдающееся произведение современной литературы»).

После очередного погрома Саша Тишин, член экстремистской организации «Союз Созидающих», объявлен в розыск и едет в деревню, чтобы его не арестовали. Детство З. Прилепина прошло в рязанском селе, диалект которого ему, безусловно, хорошо знаком, однако сельский речевой колорит моделируется весьма условно, диалектизмы в романе немногочисленны и тщательно отобраны: *поди, анадысь, нишь, нонешней, гутаришь* в речи бабушки и дедушки понятны читателю без специального пояснения. Отражены отдельные местные фонетические диалектные особенности. Самая яркая из них – прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных: *Санька, Колька, Васька*. Еще одна черта – произношение [и] на месте старого ятя: *исть, поисть*. Результат

разложения сонантов и упрощения сочетания согласных представлен в слове *альяной* ‘льняной’. При использовании этого слова автор прибегает к приему отчуждения: *Вот они, сыновья – на другой карточке. Сашин отец – Вася – стоит между бабушкой и дедушкой, белоголовый, или, как здесь в деревне говорят – аляной, – это значит, что волос светлый, как лен, выгоревший на солнце.* Слово *каравайчики* поясняется в тексте с помощью диалектного синонима *блинцы*, родовое значение которого, безусловно, понятно читателю: *Бабушка готовила сразу на двух сковородах – на одной разогревала, переворачивая, картошку и мясо, на другой шипели и потрескивали любимые Сашины каравайчики – тонкие, почти прозрачные, блинцы со сладким, хрустящим, темным изразцом по окоему. Блинцы – ‘блины из пресного теста’ [СП]. Каравайчик З. ‘сдобный блин’. Возьми себе каравайчик да съешь [СНРГ, вып. 13].*

Почти полное отсутствие диалектизмов тематической группы «Человек и его хозяйственная деятельность» в тексте романа значимо. Деревня вымирает. В хозяйстве ничего не осталось, кроме *заброшенных немощным дедом сараек и риги*. Ветшают дома, спиваются и уходят из жизни люди, *улеглись в могилки сыновья бабушки и дедушки Колька и Васья. «Дед помрет, а Санька не узнает», – печалится бабушка.* Диалектный фонетический вариант глагола выступает в кульминативной функции, которая совмещается с метаязыковой: *«Помрет» бабушка произносила через «е», и оттого слово звучало куда беззащитнее и обреченнее. В нем не было резкости и было увядание.* В конечном итоге фонетическая диалектная особенность оказывается эстетически значимой, так как заключает в себе содержательно-концептуальную информацию.

Одна из функций народно-разговорных элементов в художественной речи – выражение авторского отношения к персонажу [Мурзаева 2000: 181]. С помощью диалектного слова *каравайчики* и его взаимодействия со словоформами *вкусны, с аппетитом* и *умирал* З. Прилепин с осуждением показывает, как равнодушно воспринимает Саша окружающее: *... В соседней комнате умирал дедушка. Саша с аппетитом ел. Он проголодался. Каравайчики были все так же, как в детстве, вкусны.* Человеческие чувства атрофировались у борца за справедливость.

Диалектизмы являются своеобразными маркерами остранения, помогают показать отчуждение, возникшее вследствие перехода главного героя на новую систему ценностей, которая оказалась ложной. Мысленно употребляя диалектное слово *нешто*, Саша чувствует фальшь: *«Нешто на тот берег никто не ходит?» – подумал Саша, сразу поймав себя на том, что бабушкино «нешто» пристало к языку. Но, скорей, он произнес это слово, заигрывая со своей мнимой деревенской породой, которая, если и была, то давно сошла на нет. Даже «нешто» не мог произнести спокойно, не лоя себя за лживый хвост.*

Оторвавшись от деревенской среды, главный герой оказался в жизненном тупике. В тексте романа отчетливо прослеживается оппозиция диалектного и литературного слов: *Санькя – Саша, аляной – темно-русый*. В своем счастливом деревенском детстве *Санькя* был, как все деревенские пацаны, **альяным** – а в городе потерял этот яркий, редкий окрас, стал *темно-русым*. Городской парень Саша, зомбированный лидером «Союза Созидających» Костенко, ничего не созидает, наоборот, разрушает.

Диалектный вариант имени главного героя – ключевое слово текста. Это имя повторяется 13 раз во второй главе, оно является названием романа и несет в себе содержательно-концептуальную информацию. Значительная часть молодежи, лишившись исконных корней, встала на путь разрушения, а не созидания. Вместо паренька, которого звали *Санькя*, который мог бы землю пахать или работать на заводе, в больнице, в школе (это было бы понятно бабушке и дедушке), мы видим Сашу-бунтовщика, обреченного на гибель. Образование – не область его претензий, о работе он говорит с бабушкой неопределенно, зная, что не встретит сочувствия (что-то грузил, где-то подметал, денег нет даже на еду).

Анализ употребления диалектизмов в рассматриваемом тексте показывает: они немногочисленны по количеству, мало используются в прямой речи, сосредоточены главным образом в тех фрагментах текста, где автор помещает свой «наблюдательный пункт» в сферу восприятия персонажа, представляют определенный сегмент языковой картины мира и концептуально значимы.

Для писателей, знающих диалектную речь, характерен особый уровень осознания разницы норм диалекта и литературного языка – билингвальный. К диалектно-литературным билингвам относятся В. Белов (вологодский диалект), Е. Носов (курский), Ф. Абрамов (архангельский), Г. Коновалов (оренбургский), В. Астафьев, В. Распутин (диалекты Сибири), Б. Екимов (диалект донских казаков) [Мурзаева 2018: 425]. Детство З. Прилепина связано с Рязанской областью, где он родился в 1975 г. в селе Ильинка Скопинского района. В романе «Санькя» употребляются не только диалектизмы широкого распространения (*нешто, сарайки, рига*), но и особенности, связанные с диалектным комплексом Восточной (Рязанской) группы говоров исконной русской территории [см. Захарова 1970: 132-133], в частности, прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных, разложение сонантов, отсутствие изменения **е** в **о** после мягких согласных перед твердыми под ударением. Анализ показал, что сопоставление диалектных и литературных норм отражается в тексте в форме целенаправленного использования диалектных элементов на фоне общеупотребительных языковых средств для реализации определенного художественного замысла.

Изучение функционирования диалектных элементов в художественной речи – одно из актуальных направлений научно-исследовательской работы студентов-филологов, связанных с

преподаванием русского языка и литературы в средней школе. Оно может также помочь в организации лингвокраеведческой работы обучающихся [Мурзаева 2018: 66].

Библиографический список

1. Гусев В. Музыка и поэзия прозы // Литературная газета. 1976. № 18.
2. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
3. Калнынь Л.Э. Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 58-67.
4. Мурзаева Т.И. На грани языковых страт: диалекты и литературный язык // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ. СПб., 2018. С. 422-427. URL: http://gorpyal.ru/vi_congress_gorpyal/ (дата обращения: 20.11.2019).
5. Мурзаева Т.И. Народно-разговорные элементы в рассказе В. Шукшина «Страдания молодого Ваганова» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2019. С. 106-112.
6. Мурзаева Т.И. Функции диалектизмов в рассказах А.И. Солженицына // Предложение и слово. Саратов, 2000. С. 178-183.
7. Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка: Учебное пособие. М., 2012.
8. СНРГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-46. М. – Л., СПб., 1965-2013.
9. СП – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.

М.И. Носачёва

СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО СВЯЗАННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В СТРУКТУРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ КОМПОЗИТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

*Саратовский государственный медицинский университет
имени В.И. Разумовского*

В статье рассматриваются субстантивные композитные клинические термины со связанными компонентами. В зависимости от морфемного статуса терминологических элементов и способа образования композитов определяется их место в структуре словообразовательного поля.

Ключевые слова: субстантивные композитные клинические термины со связанными компонентами, морфемный статус терминологических элементов, способы композитообразования, словообразовательное поле композитов, ядро и периферия поля.

The article deals with the Russian compound clinical terms with bound stems. They are analysed from the point of view of its morphemic structure and types of word-building. According to these characteristics they belong to different parts of the word-formation field.

Key words: substantive compound clinical terms with bound stems, morphemic characteristics of terminological elements, types of compound word-formation, the word-formation field of compounds, the core and the periphery of the field.

Структура клинических терминов характеризуется наличием терминоэлементов (далее – ТЭ) греческого и латинского происхождения [Величкова 2013; Бекишева 2016]. Встречаясь в языке-источнике в качестве свободных корней, в клинической терминологии данные компоненты не могут однозначно интерпретироваться как корневые морфемы, поскольку не соотносятся с самостоятельными лексемами языка-реципиента, что, в свою очередь, вызывает изменение исходных дистрибутивных характеристик этих ТЭ. Употребляясь только в сочетании с другими корневыми и / или аффиксальными морфемами, подобные ТЭ выступают в качестве связанных компонентов терминов.

Применительно к общелитературному языку исследователями отмечаются «факты недостаточно чёткой семантики связанных основ» [Шанский 1959: 59], её размытость [Михайлова 2014], однако анализ материала клинической терминологии позволяет сделать иной вывод: выделяемые в составе клинических терминов ТЭ обладают чётко выраженным значением, указывая на определённый признак сложного научного понятия [Лотте 1941: 8; Лейчик 2009: 84; Суперанская 2012: 102] (например, ТЭ *анги-* 'сосуд' и *-лит* 'камень, конкремент', выделяемые в термине *ангиолит* 'конкремент в просвете кровеносного сосуда').

Дискуссионный статус греко-латинских формативов [Иванов 2011], [Данилина 2014] предопределяет множественность интерпретаций композитов, включающих подобные ТЭ. Сложные слова со связанными компонентами греко-латинского происхождения могут рассматриваться как неоклассические (*neo-classical compounds*) (*bibliophile, chronometer*), без выделения принципиальных отличий таких словообразовательных конструкций от других композитов [Adams 1987: 31-32; Красина 2015], или как отдельная группа сложных слов [РГ-80 Т.1: 243-246], образованных сложением заимствованных компонентов (*Mikroskop, Pharmazeut, Psychohygiene*) [Степанова 1984: 123].

Особенности дистрибуции ТЭ греко-латинского происхождения, а также их неясный морфемный статус (связанные корни, аффиксоиды, аффиксы – ср. разные трактовки ТЭ *-логия, -графия* и подобных в [Даниленко 1977; Гущина 2003; Маслова 2007]) позволяют некоторым исследователям интерпретировать сложные слова со связанными компонентами как квазикомпозиты, являющиеся особым видом сложных непроеизводных слов [Клобуков 2001; Гудилова 2005]. Как отмечает С.В. Гудилова, одна или несколько корневых морфем таких квазикомпозитов являются заимствованными и не употребляются самостоятельно, в связи с чем содержащие их сложные слова не отвечают критерию производности на уровне словообразовательной пары [Гудилова 2005: 22].

Вместе с тем по справедливому замечанию А.В. Суперанской, в терминологии «основное и ведущее ... модель» [Суперанская 2012: 104], что свидетельствует о производности подобных композитов на

парадигматическом уровне [Кубрякова 1981: 25-26; Гудилова 2005: 22]. Таким образом, композитный статус терминологических словообразовательных конструкций со связанными компонентами, на наш взгляд, не вызывает сомнений ни с семантической (выражение сложного научного понятия), ни с формальной (производность на уровне словообразовательной модели) точек зрения.

Составляя всего около 11,5% от общего количества слов современного русского литературного языка и располагаясь на периферии словообразовательного поля [Гудилова 2005: 41-42], в клинической терминологии композиты со связанными компонентами, как будет показано ниже, доминируют в количественном отношении.

Гетерогенность сложных слов со словообразовательной точки зрения (сложные слова, образованные сложением, и сложные слова, являющиеся результатом сложения в сочетании с аффиксацией или образующиеся прибавлением аффикса к сложной основе) свидетельствует о разной степени их принадлежности к композитному множеству, что позволяет рассматривать их как словообразовательное поле [Носачёва 2016] и отражается в особенностях его структурирования. Композитные термины, образованные словосложением, могут располагаться как в ядре поля (сложение с самостоятельным термином, сложение со сложным ТЭ), так и в переходном сегменте от ядра к периферии (сложение с псевдосложным ТЭ) – подробнее о разновидностях словосложения в клинической терминологии см. [Носачёва 2019]. Композиты, образованные аффиксально-сложными способами, находятся на большем удалении от ядерного сегмента; к периферии поля, граничащей с производными словами, относятся композиты, образованные аффиксацией.

Определение морфемного статуса ТЭ, участвующих в словообразовании, позволяет уточнить формулируемые на основе способов композитообразования терминов принципы структурирования поля. С точки зрения морфемной характеристики связанные компоненты подразделяются нами на связанные корни, частотные компоненты (далее – ЧК) и полуаффиксы (далее – п/а) (подробнее см. [Носачёва 2017]). Они могут сочетаться как со свободными корневыми морфемами, так и друг с другом. Соответствие способов композитообразования терминов (с учётом морфемных характеристик составляющих их ТЭ) определённым сегментам поля представлено в табл. 1.

Таблица 1

Способы композитообразования терминов
в их соотносённости с сегментами словообразовательного поля

Сегмент поля	Способы композитообразования
Ядро	словосложение (сложение с термином, сложение со сложным ТЭ)
Переход от ядра к периферии	словосложение (с ЧК; с псевдосложным ТЭ)
Ближняя периферия поля	аффиксально-сложные способы

Переход от ближней периферии поля к дальней	аффиксально-сложные способы (с ЧК), сложносокращённый способ, сращение
Дальняя периферия	сложение, сокращение и суффиксация
Переход от дальней периферии поля к крайней	словосложение (с п/а)
Крайняя периферия	аффиксальные способы, сокращение

В ходе исследования из [Энциклопедический словарь медицинских терминов 1982-1984] была сделана выборка субстантивных композитных клинических терминов объёмом 1545 сложных слов. Композиты со связанными компонентами составляют 1288 единиц (83,4% от общего количества терминов выборки). Среди них выделяются две группы:

1) композиты, состоящие из одного свободного и одного или нескольких связанных компонентов;

2) композиты, состоящие только из связанных компонентов.

Первая группа представлена 202 композитными терминами (15,7%), характеризующимися как производностью на уровне словообразовательной модели, так и частичным соответствием синтагматическому критерию производности. Данные термины образованы следующими способами:

1) словосложение – 173 термина (85,6%):

а) сложение с самостоятельным термином – 160 терминов: *аутохрица, псевдожелтуха, мастоптоз, плевроскопия*;

б) сложение со сложным ТЭ – 13 терминов: *правограмма, абсцессография*;

2) аффиксально-сложные способы – 16 терминов (7,9%):

а) суффиксально-сложный способ – 12 терминов: *аллоритмия, полифразия, пиоспермия, пиелостомия*;

б) префиксально-сложный способ – 3 термина: *алимфоплазия, ахлоропсия*;

в) префиксально-суффиксально-сложный способ – 1 термин: *азооспермия*;

3) сложносокращённый способ (во взаимодействии с суффиксацией) – 4 термина: *псоас-абсцесс, ахлоргидрия*;

4) сокращение и суффиксация – 1 термин: *пневмоцистоз*;

5) аффиксальные способы – 8 терминов (3,9%):

а) префиксальный способ – 3 термина, например, *перитромбофлебит*;

б) суффиксация – 4 термина: *микроспориды, микоплазмоз*;

в) префиксально-суффиксальный способ – 1 термин: *агранулоцитоз*.

С точки зрения морфемной характеристики ТЭ в данной группе преобладают термины, содержащие свободный корень и одну или несколько связанных корневых морфем – 142 термина (70,3%): *акарофобия, пульсотаксометр, пневмосинузит, психодрама*.

59 терминов состоят из свободной корневой морфемы и одного или нескольких ЧК: *микроигла, псевдожелтуха, аллокожа, аутокость, альвеолотомия, микрофотонасадка*. 1 трёхкомпонентный термин содержит свободную корневую морфему, связанный корень и п/а: *плевропариетопексия*.

Вторая группа терминов, соответствующих только парадигматическому критерию производности, включает 1086 единиц (84,3% от общего количества терминов со связанными компонентами). Термины данной группы образованы следующими способами:

1) словосложение – 935 терминов (86,1%):

а) сложение с существительным / самостоятельным термином – 355 терминов, например, *пульмэктомия, ангиофиброксантома, акроцефалосиндактилия, мезофарингит*;

б) сложение со сложным ТЭ – 345 терминов: *протеинохолия, пекторилоквия, абдоминоскопия, перитонеография*;

в) сложение с псевдосложным ТЭ – 235 терминов: *пневморен, акрогерия, микрогнатия, палатодиния, полименорея*;

2) аффиксально-сложные способы – 106 терминов (9,8 %):

а) суффиксально – сложный способ – 68 терминов: *менингорадикулит, миогелёз, мизонеизм, мезофарингоконстрикция, макроденитизм, акрогидроз*;

б) префиксально-сложный способ – 34 термина: *парадентопатия, амиксорейя*;

в) префиксально-суффиксально-сложный способ – 4 термина: *антинозологизм, атимормия*;

3) сложносокращённый способ – 34 термина: *меатотомия, портография, пневмосубмандибулография*;

4) сращение – 1 термин: *микроинцинерация*;

5) сложносокращённый способ (во взаимодействии с аффиксацией) – 10 терминов: *пахигирия, пневмопериурогграфия*.

Большинство терминов данной группы (516 единиц – 47,5%) состоит из связанного корня и ЧК: *актография, абдоминоскопия, артроскопия, панкреатотомия, пиелоскоп*. 492 термина (45,3%) содержат несколько связанных корневых компонентов: *подометрия, пневмоцефалия, артрориз, айлуорофилия, амблиопия*. Сложением нескольких ЧК образованы 55 терминов: *аутофония, плевротомия, макроскопия, полиграф, полиопия, менометроррагия, микрофотография*. 22 термина состоят из связанного корня и п/а: *аэроцеле, пневмопексия, монопения, плевропариетопексия*. 1 четырёхкомпонентный термин включает несколько связанных корней, ЧК и п/а: *менингорадикуломиелоз*.

С учётом указанных морфемной и словообразовательной характеристик анализируемые композитные термины занимают следующие сегменты словообразовательного поля (см. табл. 2):

Композитные клинические термины в структуре словообразовательного поля

Сегмент поля	Количество терминов	Примеры
Ядро	510 (39,6%)	<i>пульпэкстрактор абдоминоскопия</i>
Переход от ядра к периферии	569 (44,2%)	<i>микроигла, мегалография</i>
Ближняя периферия поля	93 (7,2%)	<i>полифразия, амиксорея</i>
Переход от ближней периферии поля к дальней	74 (5,7%)	<i>акрогидроз</i>
Дальняя периферия	9 (0,7%)	<i>пахигирия</i>
Переход от дальней периферии поля к крайней	23 (1,8%)	<i>пневмопексия</i>
Крайняя периферия	10 (0,8%)	<i>микроспория</i>

Подведём итоги. Субстантивные композитные клинические термины со связанными компонентами, не отвечающие или лишь частично соответствующие критерию производности на уровне словообразовательной пары, но производные с точки зрения парадигматического критерия, нецелесообразно интерпретировать как квазикомпозиты, принципиально отличающиеся от сложных слов со свободными корневыми морфемами. Являясь полноценными сложными словами как в семантическом, так и в формальном аспектах, они доминируют среди композитных клинических терминов, более чем в 5 раз превышая количество терминов из свободных компонентов.

Гетерогенность терминов – сложных существительных как со словообразовательной, так и с морфемной точек зрения свидетельствует о нечёткости композитного множества, что позволяет интерпретировать его как словообразовательное поле. В зависимости от конкретного способа композитообразования и морфемной интерпретации ТЭ (как связанных корневых морфем, ЧК или п/а) данные термины занимают различные сегменты словообразовательного поля композитов. Наиболее представлены ядерный сегмент поля и переход от ядра к периферии, где располагаются термины, образованные словосложением (как со свободными и связанными компонентами, так и с ЧК). Данные термины являются сложными и с позиций морфемики, и с позиций словообразования. Периферия поля формируется небольшим количеством терминов (около 16%), образованных сложением во взаимодействии с аффиксацией, сложносокращёнными способами и сложением с полуаффиксальными морфемами, а также аффиксальными способами.

Библиографический список

1. *Бекишева Е.В.* Некоторые тенденции терминообразования в современном языке медицины // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии: материалы Всероссийской научно-учебно-методической конференции / гл. ред. С.Ф. Багненко. 2016. С. 35-38.

2. *Величкова С.М.* Процессы заимствования в медицинской терминологии в области стоматологии // Научные ведомости. 2013. № 20 (163). Сер.: Гуманитарные науки. Вып. 19. С. 88-92.
3. *Гудилова С.В.* Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке (на материале неологизмов второй половины XX века): дис. ... канд. филол. н. 10.02.01. М., 2005. 306 с.
4. *Гущина Л.Н.* К вопросу об аффиксоидах // Журнал ГГМУ. 2003. № 2. С. 19-24.
5. *Даниленко В.П.* Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
6. *Данилина Н.И.* Лингвистические термины латинского происхождения: этимология или деривация? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 4. С. 31-37.
7. *Иванов А.В.* К проблеме статуса греко-латинских основ в морфологической структуре общезыковых единиц и единиц специальной номинации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. 2011. № 6 (2). С. 193-198.
8. *Клобуков Е.В., Гудилова С.В.* Языковая специфика непроемных сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 20. С. 12-25.
9. *Красина Е.А., Урмиду В.* Модели сложных слов с неоклассическим компонентом // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 159-165.
10. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
11. *Лейчик В.М.* Терминоведение. Предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 256 с.
12. *Лотте Д.С.* Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов / Академия наук СССР; Комитет технической терминологии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 24 с.
13. *Маслова Н.Н.* Терминоэлемент как основа классификации медицинских терминов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 2. Ч. II. 2007. С. 193-195.
14. *Михайлова И.Д.* Радиксоид как вершина словообразовательного гнезда // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2014. № 1(12). С. 22-28.
15. *Носачёва М.И.* О понятии словообразовательного поля // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 131-136.
16. *Носачёва М.И.* Морфемная интерпретация компонентов композитных клинических терминов // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции. В 2 томах. Под общ. ред. К.Р. Галиуллиной, Е.А. Горобец, Д.А. Мартыанова, Г.А. Николаева. 2017. Т. 1. С. 166-169.
17. *Носачёва М.И.* Разновидности словосложения в клинической терминологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 30-35.
18. *Русская грамматика* / Академия наук СССР; Институт русского языка. Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.
19. *Степанова М.Д., Фляйшер В.* Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высшая школа, 1984. 264 с.
20. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: URSS, 2012. 246 с.

21. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во министр-ва просв. РСФСР, 1959. 246 с.
22. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х т.: / гл. ред. Б.В. Петровский. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 1. 500 с.; Т. 2. 500 с.; Т. 3. 591 с.
23. Adams V. An Introduction to Modern English Word-formation. London; New York: Longman, 1987. 230 p.

Н.М. Орлова

**«НЕ ПЕЙ ВИНА И СИКЕРА»:
ИЗ ИСТОРИИ БИБЛЕЙСКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ**

*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского*

В статье рассматривается происхождение библейского precedentного высказывания «не пей вина и сикера», особенности его семантики и функционирования в тексте.

***Ключевые слова:** Библия, precedentное высказывание, не пей вина и сикера.*

The article deals with the origin of the biblical precedent utterance “drink not wine nor strong drink”, the peculiarities of its semantics, and functioning in the text.

***Key words:** Bible, precedent utterance, drink not wine nor strong drink.*

Языковая картина мира человека библейских времен включала в себя наименования как артефактов, так и разнообразных натурфактов; последние вербализуют понятийные сферы (тематические группы) «Климат. Природные явления», «Полезные ископаемые. Минералы», «Растительность», «Животный мир», «География. Географические объекты» и некоторые другие [Орлова 2017: 166-167]. Особенность номинантов-натурфактов в Библии состоит в том, что они сакрализуются, а затем пополняют общеязыковую концептосферу и претерпевают дальнейшие семантические изменения. Сакрализация любого библейского понятия влечет за собой появление «духовных» смысловых квантов у наименований предметов природного мира. Поэтому рассматриваемые наименования не являются названиями натурфактов в чистом виде: они всегда в большей или меньшей степени связаны с духовной сферой бытия и имеют с ней амбивалентные зоны [Современный религиозный дискурс 2015: 93-94; Орлова 2018].

Наименования артефактов (ментифактов, социофактов и др.), служащие именами концептов библейского истока, отличаются еще большим разнообразием [Орлова 2016: 32]. Артефакты, к которым можно отнести все то, что несет на себе печать человеческой деятельности – как в мире материальных предметов, так и в духовной сфере, – широко рассматриваются в естественных и гуманитарных науках, поскольку «современный человек рождается в почти полностью артефицированной среде» [Игнатъева 2002: 3].

Амбивалентный характер натур- и артефактов как номинантов библейских концептов присущ таким наименованиям группы «Продукты питания», как *молоко, мед, вино*.

Молоко и мед, продукты естественного происхождения, по своим функциональным свойствам сближаются с приготовленной пищей (как и блюда, приготовленные из этих продуктов).

На востоке питались молоком не только коров, но и овец, коз и верблюдиц. Образ молока как самого простого и доступного продукта включен в развернутую метафору первой духовной пищи, которую принимает всякий обращающийся в Христову веру: «Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр. 5.13-14). О родной стране, богатой и возделенной, говорится в книге Иисуса Навина как о земле «где течет молоко и мед» (5.6). Библейский фразеологизм *вино и молоко* означает ‘жизненные блага’: «Жаждающие! идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте; идите, покупайте без серебра и без платы вино и молоко» (Ис. 55.1).

Вино в своей сути, в технологии его приготовления, связано с виноградным соком, с виноградной лозой, поэтому как номинант продукта, употребляемого в пищу, сохраняет общие смысловые зоны между названиями природного явления и артефакта. Эти номинанты приобретают духовный и в ряде случаев сакральный смысл.

Несмотря на то, что вино, наряду с молоком, считалось жизненным благом, в Библии есть ряд высказываний, в которых содержится требование не употреблять *вина* и *сикера* (также алкогольный напиток). «*Не пей вина и сикера*», – так сказал Ангел Господень женщине, которой была предсказана беременность: *В то время был человек из Цоры, от племени Данова, именем Маной; жена его была неплодна и не рожала. И явился Ангел Господень жене и сказал ей: вот, ты неплодна и не рождаешь; но зачнешь, и родишь сына; итак берегись, не пей вина и сикера, и не ешь ничего нечистого* (Суд. 13.2-4).

Как для филолога, так и для историка и религиоведа интерес представляет семантика номинанта «сикер», имеющего в русском языке колебания по роду («сикера»). Эта лексема, наряду с некоторыми другими названиями предметного мира библейского человека, или заимствуется и включается в текст перевода Библии (церковнославянский перевод), или передается описательно. До XV века упоминания о сикере были довольно часты; Даль толкует его как ‘церк. хмельной, пьяный, броженный напиток, кроме вина’. С учетом нисходящей градации, представленной в приведенной цитате, *сикер* современными авторами семантизируется как ‘пиво’; об этом свидетельствуют близкие по смыслу переводы *sidra* (исп. *Ahora, pues, no bebas vino ni sidra*), *puvo* (*cerveza*) или *fermented drink* (в некоторых

современных английских версиях). Однако в King James Version сикер назван «крепким (=алкогольным – Н.О.) напитком» (*not wine nor strong drink*), такая же картина наблюдается в польском переводе (*wina, i napoju mocnego*) и других переводах на основе King James Version (напр., украинский текст Ивана Огиенко: *вина та п'яного напою*). Иначе говоря, лишь в некоторых языках на прецедентной базе библейского текста сформировался и вошел в национальный лексикон фразеологизм «не пей вина и сикера».

Употребительность рассматриваемого устойчивого сочетания, (фразеологизованного прецедентного высказывания) не ограничивается духовно-религиозным дискурсом, хотя к нему активно обращались церковные деятели в проповедях о вреде злоупотребления алкоголем (прот. Свенцицкий (1922), митрополит Антоний Сурожский (1996) и другие).

Страстный проповедник трезвости о. Александр Рождественский в «Памятной книжке трезвенника» писал:

Зная о замыслах дьявола, Бог еще Аарону сказал: не пей вина и сикеры ты и сыны твои с тобою, чтобы не умереть. Пусть это постановление будет для всех родов. Бог не говорит: не пьянствуй, а говорит «не пей вина и сикеры, чтобы не умереть», заметьте это. Да при том это ведь говорится о самых легких и маловредных винах. Не пей вина, чтобы не умереть – значит: не только пьянство, но и всякое питье вина может привести к смерти телесной и душевной потому, что питье вина и прочих спиртных напитков есть хитрая ловушка дьявола. Господь говорит людям через первосвященника Аарона: не пей вина, потому что это есть начало пьянства [Памятная книжка... 1911].

Наиболее активно вовлекается рассматриваемый фразеологизм в контексты различной жанрово-стилистической принадлежности в XIX-начале XX вв.

Так, Вл. Соловьев в своем главном этическом труде «Оправдание добра» (1897) обосновывал вредность употребления вина для соблюдения принципов аскетической нравственности: *«Вообще вино повышает энергию нервной системы и чрез нее психической жизни; на низших ступенях духовного развития, где преобладающая сила в душе еще принадлежит плотским мотивам, все, что возбуждает и поднимает служащую душе нервную энергию, идет на пользу этого господствующего плотского элемента и, следовательно, крайне вредно для духа; поэтому здесь необходимо полное воздержание «от вина и сикера» [Соловьев 2012: 154].* В этот период отмечено наибольшее число вовлечений слова «сикер» и полного прецедентного высказывания в художественную речь. Нетрудно заметить, что чаще всего эти тексты связаны с эпизодами библейской истории; лексема *сикер*, которая никогда не утрачивала высокой, книжной, библейской окраски, служит средством языковой и исторической стилизации:

*Окончил раб... Но далеко
Царицу унесли мечтанья,*

*Туда, в страну обетованья,
«Где льется мед и молоко»...
Где бьет ключом **сиккер** душистый
И брызжет сок янтарных вин,
Где теревинф возрос ветвистый
И сень платанов и маслин (Мирра Лохвицкая. Царица Савская. 1894).
Господь мне говорит: «Довольно Я смотрел,
Как над свободою глумились лицемеры,
Как человек ярмо позорное терпел:
Не от вина, не от сикеры –*

*Он от страданий опьянел (Дм. Мережковский. Пророк Исайя. 1887).
Ср: Они пьяны, но не от вина, шатаются, но не от сикеры (Ис., 29:9).*

Неоднократно употребляется для стилизации повествования в купринской «Суламифи», которую сам автор характеризовал как «то ли историческую поэму, то ли легенду о любви»: *Ни вино, ни **сикера** не отуманили крепких ассирийских голов и не развязали крепких языков; <...> другие <мальчики> разливали из узкогорлых тирских сосудов **сикеру**, которую в то время давали перед казнью преступникам для возбуждения в них мужества; между тем вино, **сикера** и одуряющие курения уже оказывали заметное действие на собравшихся в храме. Чаще слышались крик, и смех, и звон падающих на пол серебряных сосудов.*

В рассказе «Об иностранном проповеднике» Н.С. Лескова это выражение, как и многие библеизмы, используется в характерном для писателя ироническом переосмыслении [Орлова 2013: 104].

Учением сим помещик, как бы Савл, озаренный, возмнил себя уже видящим небо отверсто и стал проповедовать другим; а на следующее лето вызвал к себе познакомленного на том острове нарочитого проповедника, который тоже не курил и не пил ни вина, ни сикера, но детей имел область и возил их всех при себе вместе с женою.

В современной прозе и поэзии употребления этого емкого слова уже единичны (например, в стихотворении Беллы Ахмадулиной «Ивановские припевки», 1986). Хотя этот текст не из числа известных, ставших хрестоматийными, рассмотренный отрывок отмечен и всеми признаками ахмадулинской индивидуально-авторской манеры, пристрастием «к обаянию старинного слога», и интересным стилистическим клэшем, а именно столкновением в одном контексте двух устаревших слов с разной стилистической окраской: библейского «сикера» и просторечной контаминации «проствейн». Проствейн – не только стилистически сниженное слово, но и яркая примета народной речи рубежа XIX-XX веков [Гаева 2019], многочисленные следы которой находим в прозе русских писателей этого периода (Н. Лескова, Якова Абрамова, Ивана Наживина, Вяч. Шишкова). Ахмадулина тонко сводит слова с противоположной

стилистической окраской, в определенном смысле близкие по времени употребления:

*У нас труба коптит превыспреннюю синь
и ненависть когтит промеж родни простенок.
Мы знаем: стыдно пить, и даже в сырь и стынь
Сикера мы не пьем, обходимся проствейном.*

История слова «сикер» убедительно доказывает, что наименования не только духовных, но и материальных артефактов, принадлежащих повседневной жизни Ветхого Завета, могут подвергаться сакрализации, а в дальнейшем порождать новые смысловые кванты, свидетельствующие о неограниченных возможностях прецедентного потенциала текста Библии.

Библиографический список

1. Гаева Е.В. Гости из прошлого. Словарь редких слов: в 3 т. Т. 3. М.: ИНФРА-М, 2019. 621 с.
2. Игнатьева И.Ф. Проблема артефакта: онтология, эпистемология, аксиология. Великий Новгород: НовГУ, 2002. 86 с.
3. Орлова Н.М. «Рыдающая Агарь»: смысловая эволюция библейского концепта // Предложение и слово: сборник науч. тр. / Отв. ред. С.В. Андреева. Саратов: Научная книга, 2013. С. 100-106.
4. Орлова Н.М. «...Где, Авель, брат твой?»: Библейский оним в лингвокультуре // Вестник педагогического опыта. 2016. № 37. С. 31-34.
5. Орлова Н.М. Тематический словарь библейской лексики: принципы составления // Психолингвистика и лексикография: сб. научн. тр. / науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж: Ритм, 2017. С. 165-170.
6. Орлова Н.М. Манна небесная: реалия библейского мира и концепт библейского истока // Шестнадцатый Славянский науч. собор «Урал. Православие. Культура». Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России: мат. Всеросс. науч.-практ. конф. Челябинск: Челяб. гос. ин-т культуры, 2018. С. 162-167.
7. Памятная книжка «трезвенника» члена Александро-Невского общества трезвости при Воскресенской церкви «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви» / Сост. А.В. Рождественский. Санкт-Петербург, 1911. 172 с. URL: http://tlib.gbs.spb.ru/dl/4/Рождественский_АВ_Памятная_книжка_трезвенника.pdf
8. Соловьев В. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
9. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: коллективная монография / Под общ. ред. Е.В. Плисова. Н.Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. 210 с.

Д.Г. Орлова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ХОДЕ ГЛАГОЛЬНОЙ НЕОЛОГИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII В.

*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского*

В статье рассматриваются суффиксальные глагольные неологизмы, появившиеся в русском языке XVIII века, с точки зрения словообразовательного

варьирования, анализируются словообразовательные варианты по параметрам представления словообразовательных вариантов.

Ключевые слова: суффиксальные глагольные неологизмы, словообразовательное варьирование.

The article deals with the suffix verbal neologisms that appeared in the Russian language of the XVIII century, from the point of view of word-formation variation, analyzes word-formation variants according to the presentation parameters of word-formation variants.

Key words: suffix verbal neologisms, derivational variation.

XVIII век для русского языка – «напряжённый» период языковой истории, когда значительные изменения в общественно-политической, социально-экономической, научной, культурной жизни общества оказали существенное влияние на словарный состав языка. В этот период в русском языке появилось большое количество неологизмов: как собственно новообразований (слов, образованных с помощью средств русского языка), так и заимствований.

Анализ суффиксальных глагольных неологизмов русского языка XVIII века в структурно-семантическом аспекте показал, что процесс неологизации часто сопровождается языковым варьированием.

Основной целью данной статьи является исследование подсистемы суффиксальных глагольных неологизмов в аспекте словообразовательного варьирования.

В качестве материала исследования были взяты выпуски Словаря русского языка XVIII века [Сл. РЯ XVIII в.]. Методом сплошной выборки было отобрано около 410 суффиксальных глагольных неологизмов.

Процесс неологизации может сопровождаться таким явлением как языковое варьирование, то есть «одновременное функционирование семантически равнозначных, но формально различающихся языковых единиц» [Дмитриева 2019: 48]. Активно языковое варьирование стали изучать с конца 50-х гг. XX в. [Ахманова 1957; Виноградов 1978; Горбачевич 1978; Кадькалова 2005]. Однако несмотря на большой интерес к данному явлению, до сих пор ведётся дискуссия о границах понятия языковой вариант [Щеренко 2014: 147]. Бесспорным признаётся выделение акцентных, фонетических, фонематических вариантов, т.к. вариантные отношения возникают при формальных различиях семантически тождественных языковых единиц [Горбачевич 1978: 20-22]. Одним из наиболее дискуссионных аспектов проблемы вариантности является выделение словообразовательных вариантов [Николаев 2009; Кадькалова 2007].

Для суффиксальных глагольных неологизмов, возникших в XVIII веке, характерно словообразовательное варьирование. Мы понимаем под словообразовательным варьированием «передачу одинаковых или максимально близких словообразовательных значений разными формальными способами» [Дмитриева 2014: 8].

Нами было зафиксировано 65 рядов словообразовательных суффиксальных глагольных вариантов, которые возникли в XVIII веке.

Суффиксальные глагольные варианты можно разделить на две группы: 1) варианты, возникшие непосредственно от русских основ (18 словообразовательных рядов) и 2) варианты, образованные на базе заимствований (47 словообразовательных рядов).

Сначала остановимся на вариантах, образованных на базе заимствований. К этой группе относятся глаголы с суффиксами *-ирова- / -ова-*, *-ирова- / -ева-*, *-ирова- / -и-*. Большое количество словообразовательных вариантов определяется тем, что заимствование происходило из нескольких языков одновременно, в основном, это касается вариантов на *-ирова- / -ова-*:

1) немецкого и польского: *бальзамировать* (нем.) – *бальзамовать* (польск.) [Сл. РЯ XVIII в. 1984, 1: 134] и др.;

2) французского и польского: *дискурировать* (франц.) – *дискуровать* (польск.) [Сл. РЯ XVIII в. 1991, 6: 137] и др.;

3) немецкого и французского: *блокировать* (нем.) – *блоковать* (франц.) [Сл. РЯ XVIII в. 1985, 2: 69], *организовать* (нем.) – *организовать* (франц.) [Сл. РЯ XVIII в. 2007, 17: 68] и др.

Несколько рядов словообразовательных вариантов представлены неологизмами-заимствованиями из одного языка:

1) из немецкого языка: *квадрировать* – *квадровать* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 24], *концентрировать* – *концентровать* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 154] и др.;

2) из французского языка: *культивировать* – *культивовать* [Сл. РЯ XVIII в. 2000, 11: 72], *легитимировать* – *легитимовать* [Сл. РЯ XVIII в. 2000, 11: 133] и др.

Словообразовательные варианты, возникшие на базе заимствований, представлены неологизмами и с другими варьирующимися суффиксами:

1) *-ирова- / -и-*: *анатомировать* – *анатомить* [Сл. РЯ XVIII в. 1984, 1: 66], *бомбардировать* – *бомбардирить* [Сл. РЯ XVIII в. 1985, 2: 108], *крейсировать* – *крейсить* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 248];

2) *-ирова- / -ева-*: *конвоировать* – *конвоевать* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 129], *копировать* – *копиевать* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 161];

3) *-ова- / -и-*: *кренговать* – *кренить* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 250].

Словообразовательные варианты, возникшие на базе русских основ, представлены неологизмами с суффиксами:

1) *-и- / -нича-*: *буян-и-ть* – *буян-нича-ть* [Сл. РЯ XVIII в. 1985, 2: 176], *кляуз-и-ть* – *кляуз-нича-ть* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 67];

2) *-ну- / -а-*: *ах-ну-ть* – *ах-а-ть* [Сл. РЯ XVIII в. 1984, 1: 119], *бух-ну-ть* – *бух-а-ть* [Сл. РЯ XVIII в. 1985, 2: 175], *жук-ну-ть* – *жук-а-ть* [Сл. РЯ XVIII в. 1992, 7: 147], *пик-ну-ть* – *пик-а-ть* [Сл. РЯ XVIII в. 2011, 18: 203];

3) -и- / -ствова-: грубиян-и-ть – грубиян-ствова-ть [Сл. РЯ XVIII в. 1989, 5: 247], мытар-и-ть – мытар-ствова-ть [Сл. РЯ XVIII в. 2003, 13: 99];

4) -ствова- / -ича-: враждеб-ствова-ть – враждебн-ича-ть [Сл. РЯ XVIII в. 1988, 4: 121];

5) -е- / -ича-: дородн-е-ть – дородн-ича-ть [Сл. РЯ XVIII в. 1991, 6: 221].

Варьирование в этой группе новообразований может быть обусловлено тем, что в XVIII веке была активная конкуренция словообразовательных моделей с суффиксами -и- / -нича- / -ствова и др.¹.

Проблема словообразовательного варьирования глагольной лексики была в поле внимания Э.П. Кадькаловой [Кадькалова 2005; 2007], которая обозначила параметры представления словообразовательных вариантов. Вслед за Э.П. Кадькаловой мы попытаемся проанализировать словообразовательные варианты по нескольким параметрам.

1. По протяжённости рядов все проанализированные нами варианты делятся на парные (*блокировать* – *блоковать* [Сл. РЯ XVIII в. 1985, 2: 69]; *клязнуть* – *клязничать* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 67]), трёхкомпонентные (*бомбардировать* – *бомбардовать*, *бомбардирить* [Сл. РЯ XVIII в. 1985, 2: 108]; *мытарить* – *мытарствовать* – *мытарничать* [Сл. РЯ XVIII в. 2003, 13: 99]) и крайне редко четырёхкомпонентные ряды (*крейсировать* – *крейсовать* – *крейсить* – *крейсерствовать* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 248]).

2. По направленности и диапазону мотивационных связей компонентов варьирующиеся неологизмы делятся на мономотивированные (*ахнуть* и *ахать* [Сл. РЯ XVIII в. 1984, 1: 119] от *ах*, *дороднеть* и *дородничать* [Сл. РЯ XVIII в. 1991, 6: 221] от *дородный*) и полимотивированные (*клязнуть* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 67] от *кляуза* и *клязничать* [Сл. РЯ XVIII в. 1998, 10: 67] от *кляуза*, *клязник*).

3. Словообразовательные варианты можно разграничить по степени лексико-семантической и функциональной близости «вариантов» одного ряда, ср.:

Адресировать, сов. и несов. ‘То же, что адресовать (1) / *Адресовать*, сов. и несов. 1. что. Послать на чьё-л. имя, по какому-л. адресу (письма, пакеты, бумаги и пр.)’ [Сл. РЯ XVIII в. 1984, 1: 27].

Дороднеть и (прост.) *дородничать*, несов. ‘Становиться дородным; поправляться, полнеть. <Мясники и повара> почти всегда до излишества дороднѣют и толстѣют. Дом. леч. I 155’ [Сл. РЯ XVIII в. 1991, 6: 221].

Историческая судьба вариативных пар складывается по-разному, но, как правило, язык избавляется от дублетности, то есть собственно варьирования, что сопровождается развитием синонимических отношений в парах или утратой одного из вариантов [Дмитриева 2014: 8]. Некоторые словообразовательные варианты, возникшие в XVIII веке, исчезли в тот же

¹ О конкуренции глагольных словообразовательных моделей подробнее у Е.Н. Тарасовой в статье «Вариативность словообразовательных моделей глагольных неологизмов в русском языке XVIII в.» [Тарасова 2009].

период (это отражено в словарной статье с помощью специального лексикографического знака: ‘<► – новое слово, в XVIII в. вышедшее из употребления’ [Сл. РЯ XVIII в.]).

В XVIII веке возникли и исчезли следующие словообразовательные варианты: *атакировать* (из вариантного ряда *атаковать – атакировать* [Сл. РЯ XVIII в. 1984, 1: 109]), *блоковать* (из *блокировать – блоковать* [Сл. РЯ XVIII в. 1985, 2: 69]), *бомбардовать* (из *бомбардировать – бомбардовать – бомбардирить* [Сл. РЯ XVIII в. 1985, 2: 108]), *гарантовать* (из *гарантировать – гарантовать* [Сл. РЯ XVIII в. 1989, 5: 88]) и др.

Таким образом, в XVIII веке процесс неологизации сопровождался словообразовательным варьированием, которое происходило за счёт большого количества заимствований из разных языков, а также за счёт конкуренции русских словообразовательных моделей *-и- / -нича- / -ствова*. Некоторые словообразовательные варианты определённое время функционировали одновременно в языке, а затем исчезли (что отражено в словарной статье). Однако судьбу вариантов можно проследить только в ходе диахронического анализа, что и определяет перспективу нашего дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
2. Виноградов В.В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.
3. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. Л., 1978.
4. Дмитриева О.И. Динамика глагольной семантико-словообразовательной подсистемы в русском языке XVIII века // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2014. № 1(20). С. 6-12.
5. Дмитриева О.И. Динамические тенденции неологизации русской глагольной лексики // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе». Н. Новгород, 2019. С. 46-52.
6. Кадькалова Э.П. К изучению законов словопроизводства: Агентивные глаголы в русском языке. Саратов, 2007.
7. Кадькалова Э.П. К перспективам изучения вариантных единиц языковых систем // Язык и общество в синхронии и диахронии. Труды и материалы Международной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения проф. Лидии Ивановны Баранниковой. Саратов, 2005.
8. Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию. Казань, 2009.
9. Тарасова Е.Н. Вариативность словообразовательных моделей глагольных неологизмов в русском языке XVIII в. // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). Саратов, 2009. С. 182-187.

10. Щеренко Е.В. Проблема словообразовательной вариантности глагольной лексики в истории русского языка // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых учёных. Саратов, 2014. Вып. 17: в 2 кн. Кн. 2. С. 147-152.

Словари

Словарь русского языка XVIII века (Сл. РЯ XVIII в.) / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1984. Вып. 1: А – Безпристрастие. 224 с.; 1985. Вып. 2: Безпристрастный – Вейэр. 247 с.; 1988. Вып. 4: Воздух – Выпись. 256 с.; 1989. Вып. 5: Выпить – Грызть. 256 с.; 1991. Вып. 6: Грызться – Древный. 296 с.; 1992. Вып. 7: Дерево – Залежь. 263 с.; 1998. Вып. 10: Кастальский – Крепостца. 256 с.; 2000. Вып. 11: Крепость – Льяной. 256 с.; 2003. Вып. 13: Молдавский – Напрокудить. 272 с.; 2007. Вып. 17: Оный – Открутить. 254 с.; 2011. Вып. 18: Открытие – Пъна. 261 с.; 2011. Вып. 19: Пенат – Плангерд. 239 с.

Н.А. Самыличева

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ НОВООБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

В статье подчеркивается особая значимость новообразований с точки зрения реализации их социокультурной функции, при этом рассматриваются особенности окказионализмов, созданных на базе ключевых слов эпохи. К «ключевым» относятся не только слова, но и аффиксы, и аффиксоиды. Словообразовательная активность подобных «ключевых» элементов в современном медиатексте позволяет выявить специфику современной языковой картины мира.

Ключевые слова: *новообразования, ключевые слова эпохи, оценочные доминанты, социокультурная функция, медиатекст.*

The article emphasizes the special importance of neoplasms in terms of realization of their sociocultural function, at the same time the peculiarities of occasionalism created on the basis of keywords of the era are considered. "Key" includes not only words, but also affixes and affixoids. Word-building activity of such "key" elements in modern media text allows to reveal specificity of modern language picture of the world.

Key words: *neoplasms, era keywords, estimated dominants, sociocultural function, media text.*

Современный медиатекст, как известно, довольно ярко отражает все активные процессы, происходящие в языке, в том числе на уровне словообразования.

При изучении активных процессов словообразования большую роль играют так называемые «ключевые слова эпохи» (Е.А. Земская). «...деривационные процессы и отношения отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективизации новых концептов и связей» [Коряковцева 2016: 9]. В этом аспекте интересным, значимым является образование окказионализмов на базе ключевых слов.

Данные «ключевые слова» порождают целые группы однокоренных слов (словообразовательные гнезда и словообразовательные парадигмы).

Активность ключевых слов влияет не только на их словообразовательный потенциал, но и на связи с другими словами, актуализируя те или иные отношения между словами в лексической системе языка. По определению Е.А. Земской, «ключевыми» следует считать «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [Земская 2000: 92]. Ключевые слова можно считать оценочными доминантами современной действительности, одним из проявлений языковой личности.

Одним из важнейших компонентов языковой картины мира являются «ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик 2002]. Оценочные доминанты, представляя ориентацию коммуникантов, тесно связаны с содержательным аспектом коммуникации и системой ценностных представлений, бытующих в обществе. Ценности в значительной степени определяются идеологией, общественными институтами, верованиями, потребностями.

Существенным для понимания происходящих процессов и их результатов, отслеживаемых в языке, признается их связь с изменениями общественного сознания, идеологической переориентацией общества, сменой системы общественных ценностей, его концептуально-мировоззренческих парадигм, находящихся свое отражение в том, что принято называть языковой картиной мира [Червинский 2010: 14].

Культурные доминанты в языке объективно выделяются посредством выборки и изучения лексических и фразеологических единиц, прецедентных текстов из разных источников. Показателем и выразителем определенных ценностных установок в обществе, по-видимому, являются и новообразования благодаря их социокультурной функции.

Наибольшую активность среди окказиональных единиц в масс-медиа проявляют окказионализмы типовой структуры. Зачастую данные новообразования основываются, создаются на базе «ключевых слов эпохи».

Одним из таких ярких ключевых слов, участвующих в современных деривационных процессах, является ключевое слово *манья*: *Россия столкнулась с новым социальным заболеванием. Если опасность алкоголизма, наркомании и игромании общество осознало, а государство демонстрирует их неприятие и порой даже наказывает нарушающих его законы в этих сферах слишком нагло (или слишком наивно), то с кредитоманией ситуация иная* (<http://izvestia.ru/news/557740>); *В то же время выявить наличие второго гражданства чисто технически не составляет никакого труда без всяких угроз свирепым уголовным преследованием в отношении людей, которые все делали по закону и никаких правонарушений не совершали. Зачем их от себя отталкивать шпиономанией?* (<http://pda.kp.ru/article.html/use.article.3097504>); *Не стоит забывать, пишут сотрудники бюро, и про 12 крошек, которые получили имя*

*Джейме, 10 – Теон и 5 – Кхалиси. Но эта «изропрестоломания» ничто по сравнению с фанатизмом поклонников в США (<http://pda.kp.ru/article.html/use.article.3129890>); Распотрошив ящик со старыми игрушками, Анна Плетнева сшила из них юбку. Звезд охватила настоящая **мишкоманья!** (<http://pda.kp.ru/article.html/use.article.2988880>). Приведенные новообразования «представляют собой сложные слова, потому что элемент *манья* функционирует в русском языке как самостоятельное слово... Слова со второй частью *-манья* создаются в современной публицистике легко, по требованию контекста...» [Земская 2009: 47]. Элементом *манья* обозначают различные пристрастия, иногда даже фанатизм, который является распространенной болезнью нашего времени.*

Социальные антипатии находят отражение в новообразованиях с постпозитивным иноязычным компонентом – *фобия* (-*фоб*): **Лифтофобия** – еще одна напасть. Вроде привычное дело – подняться на верхний этаж на лифте, но когда то и дело сообщают о том, что из-за очередной неисправности в шахте или кабине подъемника погибли люди, становится не по себе даже психически здоровым лифтопользователям (<http://pda.kp.ru/article.html/use.article.3139479>); Причудливы комплексы **путинофобии** у фешенебельного мира. Похоже, уже и западные аналитики смирились с положением: рейтинг российского Президента остаётся на «аномально высоком» уровне. В странах «фешенебельного мира» твёрдо убеждены, что глава государства российского любыми средствами намерен вернуть своей державе ту геополитическую позицию, которую он, – а, основываясь на социологии, и граждане РФ, – считает правомерной и подобающей (<https://www.politforums.net/world/1560845727.html>); **Сталинофилы и сталинофобы** (<https://duel-gazeta.livejournal.com/2109561.html>).

Выделяется группа новообразований, компоненты которых эквивалентны полнозначным словам языка. Превалирование экономических, рыночных отношений в современной реальности сказывается и на расширении лексического состава в этом направлении. Так, активно участвует в окказиональном словообразовании лексема *бизнес*. Среди многочисленных примеров можно выделить тематические группы. Одна из групп – обозначение лиц по роду деятельности: **Бизнес-бабушка** и ее пособия для «ржавых чайников». Наша героиня полностью перевернула представление о старости. Пенсионеры не дружат с гаджетами? Любовь Тимофеевна Левина издала «Компьютерный букварь для ржавых чайников» и учит ровесников пользоваться ПК (<http://eawfpress.ru/press-tsentr/news/act/biznes-babushka-i-ee-posobiya-dlya-rzhavykh-chaynikov/>); Как найти в себе мотивацию, силы и вдохновение для открытия собственного дела? Смотрите и вдохновляйтесь примером этих известных **бизнес-мам**, чьи «детища» успешно работают и делают

жизнь окружающих проще, прекраснее и вкуснее!
(<https://www.baby.ru/journal/10-izvestnyh-biznes-mam/>).

Другая тематическая группа – лица, организации, связанные с бизнесом: *И когда я слушаю западных бизнесменов (и бизнесменов), рассказывающих о первом визите в Россию, описание русских девушек всегда занимает большее количество времени – если не всё* (<http://rbcdaily.ru/lifestyle/562949990689944>); *Для отмены пошлин достаточно внести запчасти для импортной авиатехники в постановление правительства 2008 года, вводящего такие преференции для бизнесавиации. Пока же авиакомпании самостоятельно ищут пути оптимизации затрат на ремонты* (<http://izvestia.ru/news/544304>).

Третья тематическая группа – сфера человеческого взаимодействия: *Это говорит о развороте «Калашникова» к классической бизнес-модели – зарабатыванию денег, активному маркетингу, наступательной политике на экспортных направлениях* (<http://izvestia.ru/news/565002>); *Сейчас же желание разработать новый «бизнесориентированный» ТК [Трудовой кодекс. – Н.С.] профсоюзы рассматривают как разжигание «социальной войны»* (<http://rbcdaily.ru/politics/562949984652003>); *Общество и бизнес-интересы. Попробуем разобраться в наших потребностях в целом и потребностях бизнеса в частности* (<http://elena-ray.blogspot.com/2015/10/obschestvo-i-biznes-interesy.html>). Приведенные примеры наглядно репрезентируют один из видов разнословного словосложения – аппозитивное сложение (атрибут лексемы находится в препозиции).

Можно отметить тенденцию к всеобщей популяризации отдельных явлений и реалий и, как следствие, появление прилагательного *популярный (pop)*, функционирующего как препозитивное несогласованное прилагательное, которое сочетается редко с неодушевленными и чаще с одушевленными существительными: *Рабыни поп-индустрии. Как в эстрадных концлагерях Японии куют будущих кумиров* (<https://lenta.ru/articles/2017/02/17/idols/>); *Как выглядели наши поп-дивы четверть века назад?* (<https://zen.yandex.ru/media/id/5af43fea799d9ddc1ed5754f/kak-vygliadeli-nashi-popdivy-chetvert-veka-nazad-5c90a24e48001d00b4f600f7>); *Бритни Спирс: от поп-принцессы до Femme Fatale* (<http://www.fashiontime.ru/celebrities/life/871999.html>).

При анализе фактического материала, можно заметить, что зачастую «ключевыми» становятся не только целые лексемы, но и отдельные аффиксы, аффиксоиды. Например, популярными являются культуремы, образованные при помощи аффиксоида *-филия*, исконное значение которого ‘любовь, склонность к чему-либо’; однако сейчас данный элемент функционирует, актуализируя значение медицинского термина: ‘болезненная жажда или влечение к чему-либо’ [Медицинские термины // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/308302>]; *Журналисту демократической ориентации полагается в этом месте статьи нанести*

удар «глаголом» по страдающей от «диктаторофилии» российской власти (<https://www.mk.ru/politics/article/2009/02/15/227251-na-net-i-sudana-net.html>); Приступом «**русофилии**», случившимся у сербской политической элиты, удачно воспользовались российские бизнес-структуры, В частности, в этом году, после непростых переговоров, в Сербии начала работать компания «Газпром нефть», взявшая под контроль местного нефтяного монополиста НИС, был открыт первый филиал Банка Москвы, российские компании приобрели ряд активов в области машиностроения (<http://www.rbcdaily.ru/2009/08/18/focus/427163.shtml>).

Анализируя новообразования, можно заметить, что в речи с высокой частотностью функционируют единицы, созданные путем сложения с опорным компонентом префиксоидом *нарко-*: *наркодиллер, наркобарон, наркопритон*. Особенно интересны следующие окказиональные новообразования: *нарко-живопись, нарко-культура, нарко-искусство*, – которые заключают в себе несовместимые, с точки зрения логики, этики и эстетики, понятия. Подобные потенциальные слова свидетельствует о распространенности этого явления в разных сферах нашей жизни. Эту мысль подтверждает и новая лексема *наркодарование*: *К сожалению, в этом году можно выделить отдельную номинацию «юное наркодарование года»*. Летом была задержана 12-летняя борская цыганочка Аленка, пытавшаяся продать 200 с лишним граммов героина... (<https://www.nnov.kp.ru/daily/24223/424381>). Экспрессивность данной единицы достигается и за счет присоединения к книжному слову *дарование* со значением ‘высокая степень одаренности, большие способности к чему-либо; талант, дар’ [СТСРЯ 2006] элемента *нарко-* (‘первая часть сложных слов, вносящая значение наркотика, наркотический’ [ТСРЯ 2008]) терминологического характера.

Масштабность и глобальность проблемы, связанной с наркотиками, породили ряд окказионализмов, обозначающих различные группы лиц: *Интересуетесь Мексикой? Знаете ли вы основные опасности государства: мексиканские наркокартели, бандиты и ядовитые насекомые* (<https://migrator.ru/travel/meksika-i-narkotorgovlya>); *Вот просто из мелкой мести съездить бы в эти Нидерланды и в красках живописать «улицу красных фонарей» с «наркокоммунами», добавив для объективности пресловутые мельницы и тюльпаны* (<http://svpressa-nn.ru/2010/127/vodka-matreshka-metro.html>).

Можно говорить и о ключевых словах с префиксоидом *теле-*, поскольку они уже прочно вошли в наш обиход (например, *теледебаты, телеверсия, телеконференция, телемагазин* и т.д.) и зафиксированы словарями, в частности подобные образования присутствуют в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» под редакцией Г.Н. Складневской. При помощи префиксоида *теле-* продолжают создаваться новые единицы. Чаще всего данный префиксоид присоединяется к неодушевленным

именам существительным: *Телеоткрытие: во вторник в Нижнекамске официально запустят бесплатное цифровое вещание* (<http://elitat.ru/news/teleotkrytie-vo-vtornik-v-nizhnekamsk/>); *Тогда он был еще критиком, впоследствии подался в телережиссуру* (<http://izvestia.ru/news/573092>); *Священник в телевизоре. Об особенностях телепроповеди* (<https://rusorel.info/svyashhennik-v-televizore-ob-osobennostyax-telepropovedi/>).

В последнее время во всем мире значительная роль отводится так называемым *нанотехнологиям* применительно ко всем отраслям деятельности. Такая ситуация потребовала появления новых наименований с префиксом *нано-*: *наноматериалы, нанокосметика, наномедицина* и др.: *Чтобы нанокосметика принесла желаемый эффект, ее важно правильно подобрать. Все наноконплексы выполняют свои задачи и выбираются в зависимости от возраста человека, его пола, состояния эпидермиса и его типа* (<https://info-cosmetology.ru/nanokosmetika.html>); *Нанопластика – это новейшая, эффективная методика восстановления структуры волос с последующим выравниванием и приданием эстетически привлекательного, здорового внешнего вида* (<https://www.naturel-studio.ru/uslugi/parikmaherskie-uslugi/lechenie-vołos/nanoplastika>).

Подобные окказиональные слова, образованные при помощи префиксоида *нано-* по стандартным словообразовательным моделям, активно создаются в речи и могут закрепляться со временем в языке как неологизмы. Однако образуются и собственно окказиональные лексемы, так или иначе нарушающие словообразовательный тип, являющиеся наиболее экспрессивными, по сравнению с вышеназванными. Например: *Нанопудар по «лопухам». Педагогам все тяжелей бороться с продвинутыми неучами... Сейчас в преддверии эпопеи выпускных и вступительных испытаний объявлениями о продаже микронаушников для экзаменов обклеены столбы и заборы областного центра...* (<http://www.nnews.nnov.ru/posts/10418>). Такие слова актуализируют отображаемый денотат, придают оценочность номинативной единице.

Таким образом, социальная ориентированность и оценочный характер новообразований, созданных на базе «ключевых слов», передают специфику языковой картины мира различных представителей современного российского социума. Социокультурная функция окказионализмов, представленных в современном медиатексте, позволяет осознать, каким образом происходит осмысление актуальных общественных проблем.

Библиографический список

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90-141.

2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Изд.4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
3. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>.
4. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. 152 с.
5. ТСРЯ. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2006. URL: <http://www.efremova.info>.
6. ТСРЯ. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.
7. Червинский П.П. Идеологический компонент в толковании лексического значения // Z zagadnień semantyki i stylistyki tekstu. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2010. С. 13-22.

И.А. Сафонова

ПЕРЦЕПТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПОДВИЖНИКОВ БЛАГОЧЕСТИЯ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XVIII–XX ВВ.¹

Волгоградский государственный университет

Статья посвящена проблеме создания в агиографических текстах образа подвижника как воплощения религиозно-нравственного идеала. Материалом для изучения послужили разновременные агиографические тексты. В центре внимания автора находятся лексические единицы, связанные отношениями производности с глаголами восприятия. Показаны возможности изменения перцептивной семантики и использования единиц, которые реализуют сформировавшиеся на ее основе значения, для описания подвижников благочестия.

Ключевые слова: *агиографический текст, восприятие, перцептивная лексика, лексическая семантика, функционирование.*

The article is devoted to the problem of linguistic explication of religious and moral ideals in hagiographic texts. The analysis is carried out on hagiographic texts belonging to different periods. The author focuses on lexical units, connected by derivational relations with the verbs of perception. The research reveals the opportunity of changing perceptive semantics and using the units that realize the meaning formulated on this base for the description of godliness devotees.

Key words: *hagiographic text, perception, perception vocabulary, lexical semantics, functioning.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-34-01009-ОГН «Отражение представлений о нравственном идеале в языке русской оригинальной агиографии XVIII–XX веков».

Исследование житийных текстов имеет богатую традицию. Их уникальность как материала для изучения стала очевидной после выхода в свет работы В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871 г.). Обратившись к древнерусским житиям «как к самому обильному и свежему источнику» для описания участия монастырей в колонизации северо-восточной Руси, ученый вынужден был констатировать обособленность житий в качестве исторического источника, невозможность проверить написанное в житии данными другого источника, зависимость качества исторического материала, представляемого житием, от обстоятельств его написания и от литературных целей, преследуемых агиографом [Ключевский 1871: II].

Наряду с этим В.О. Ключевский писал о «нравственной силе», заключенной в житиях: «Древнерусская мысль не поднималась выше того исторического понимания, какое усвоила и развила литература житий. В этом отношении ей принадлежит видное место в истории нашего умственного развития» [Ключевский 1871: 435]. Ученый пришел к выводу, что житие изображает не жизнь отдельного человека, а развивает на судьбах его отвлеченный идеал. Поэтому все лица, жизнь которых описана в житиях, сливаются в один образ. При этом и в древнейших, и в позднейших житиях повторяется один и тот же «агиобиографический тип»; только в последних черты его могут становиться живее [Ключевский 1871: 436].

Жития, по замечанию В.М. Живова, составляя едва ли не самую обширную часть христианской литературы, со своими закономерностями развития, эволюцией структурных и содержательных параметров, дают возможность реконструировать характер духовности, социальные параметры религиозной жизни, религиозно-культурные представления общества [Живов 1994: 8].

2. В данной статье представлены результаты очередного этапа реализации проекта, предполагающего изучение разновременных агиографических текстов с целью установления специфики отражения в них нравственного идеала. Как представляется, именно подвижники благочестия являются воплощением этого идеала.

В центре нашего внимания в предыдущих работах были глаголы восприятия [см., например: Сафонова 2018, 2019]. Как показывают наблюдения, не менее значимыми для создания образов подвижников являются лексические единицы, деривационно связанные с глаголами восприятия. Обращение к ним позволяет определить возможности изменения перцептивной семантики. Думается, именно эти единицы использует агиограф в качестве одного из языковых средств описания подвижников как людей, находящихся на границе между зримым, земным, и незримым, духовным, миром.

В результате воздействия Божественной энергии (Благодати) человек преображается, возникают новые ум и тело, новые чувства и способы

восприятия мира, которые, хотя и связаны с естественными чувствами, но выходят за их пределы [см. об этом: Бахтина 2009].

Источниками для отбора языковых фактов послужили тексты житий и жизнеописаний XVIII-XX вв. (см. список источников). В данных текстах показаны разные пути обретения Божественной благодати (праведничество, иночество, молчальничество, преподобничество, старчество). Среди изучаемых источников представлены пространные, в которых повествуется о жизни подвижников благочестия с рождения и до кончины (например, Житие Серафима Саровского или Жизнеописание Сезеновской игуменьи Серафимы, в схиме Евфимии), и краткие, которые содержат описание какого-то периода жизни (в частности, жизнеописание Блаженной Ирины Зеленогорской). При этом в текстовой и речевой организации анализируемых житий и жизнеописаний отмечена общность, обусловленная во многом отражением в них единого религиозно-нравственного идеала [подробнее см. об этом: Дмитриева 2018; Дмитриева, Сафонова 2019].

В рассматриваемых текстах обнаружены лексические единицы, значения которых сформировались в результате изменения семантики глаголов с общим значением восприятия, глаголов зрительного восприятия и глаголов слухового восприятия.

К таковым относится, в частности, существительное *предчувствие*, связанное отношениями производности с глаголом *предчувствовать*. Этот глагол в свою очередь образован от глагола *чувствовать*, который является базовым для глаголов с общим значением восприятия и обнаруживает этимологическую связь с глаголами *чуть*, *чуют* [Фасмер IV: 377], восходящими к праславянскому лексическому фонду. Глагол **čuti* изначально номинировал недифференцированное восприятие. Корень **či-* [< и.-е. **kēu-*] заключал значение, связанное с познанием окружающего мира с помощью органов чувств. Это подтверждается данными современных славянских языков и диалектов русского языка: многочисленные лексические единицы с реконструируемым корнем используются для репрезентации недифференцированного и дифференцированного восприятия, чаще всего с помощью органов слуха, а также обоняния и осязания. Кроме того, единицы с корнем **či-* обнаруживают возможность обозначения мыслительных процессов [ЭССЯ 4: 134-135].

В анализируемых текстах глагол *чувствовать* употребляется преимущественно в переносных значениях, одно из которых связано с мыслительной деятельностью – ‘понимать, сознавать’ [СЦСиРЯ IV: 444]. Именно это значение получило закрепление в производном *предчувствие*, фиксируемом в текстах с XVIII в. [см.: САР VI: 843].

Рассматриваемое существительное представлено, например, в Житии преподобного Льва: *Не без скорби приблизался Старец к концу своей многотрудной жизни, о близости которого он имел предчувствие или предуведомление от Господа еще за год и многим говорил об этом* (ЖЛ: 49).

В данном случае в качестве пояснения к существительному *предчувствие* используется слово *предуведомление*, обозначающее предупреждение, сообщение, которое дается заранее. Контекст содержит временной уточнитель *за год*, «поддерживающий» семантику приставки *пред-*. Более того, сообщение о приближающейся кончине старец получает по воле Господа (*предуведомление от Господа*). Данные контекста позволяют говорить о реализации существительным *предчувствие* значения ‘неясное чувство ожидания чего-то, что может случиться, произойти’ [БТСРЯ: 962]. Все это свидетельствует об использовании при описании старца лексической единицы, называющей особую способность, дарованную ему Господом за жизнь, наполненную верой и трудом.

При описании святых и подвижников благочестия используется лексическая единица, образованная от глагола зрительного восприятия (*видѣть*), – глагол *предвидѣть*. Согласно данным исторических словарей этот глагол уже в древнерусский период реализовал значение ‘провидеть, предвидеть’ [СДР VIII: 84; Срезн. II: 1633], ставшее, как представляется, результатом расширения перцептивной семантики.

Именно это значение – ‘видеть наперед; предусматривать, предузнавать’ [СЦСиРЯ III: 426] – анализируемый глагол реализует и в изучаемом материале. Так, в Житии Димитрия Ростовского (1902 г.) находим: *Онѣ [св. Димитрій] пророчески предвидѣль, что это послѣднее мѣсто его служенія будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстомъ вѣчнаго упокоенія* (ЖДР 3: 18). Использованный в сочетании с наречием *пророчески* глагол *предвидѣть* номинирует особую способность святого – «видеть» то, что не доступно органам зрения.

Аналогичное употребление обнаруживают глаголы *провидѣть*, *прозрѣвать*, а также существительное *прозрѣніе*. Например: ... *она [Евфросинія], будучи въ Саровѣ, была по благословенію, у старца Серафима, который, провидя будущее, благословилъ ее на собираніе обители* (ИЕиФ: 232)¹; *Онѣ [преп. Серафимъ] прозрѣвалъ уже грядущее возрожденіе древней обители* (БИЗ: 226); *Любовь къ ближнимъ и подвиги самоотреченія возвысили душу святителя до созерцаній небснаго и до прозрѣнія будущаго* (ЖТВЗ: 31). В сочетании с уточнителями *будущее* и *возрожденіе*, последнее из которых используется в конструкции с прилагательным *грядущее* (= ‘будущій наступающій, приближающійся’ [СЦСиРЯ I: 299]), рассматриваемые единицы обозначают действие, которое осуществляется не с помощью «телесных» глаз, а посредством «духовных» очей.

По сравнению с «телесными» глазами, «духовные» очи называют не орган зрения, а некую общую способность человека к постижению явлений,

¹ Исследование проводилось по изданию 1996 г., которое представляет собой репринт издания: *Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣков* : Сентябрь. М. : Изд. Афон. Рус. Пантелеимонов. монастыря ; Типо-литография И. Ефимова, 1909.

которая реализуется благодаря обладанию способностью внутреннего зрения [см. об этом: Яковлева 1997: 102-103]. По замечанию М.В. Пименовой, переход от язычества к христианству повлек за собой разграничение мира материального и мира духовного, души и тела, «внешнего человека» и «внутреннего человека», «очей телесных» и «очей сердечных / умных» [Пименова 2001: 259].

В анализируемых агиографических текстах единицы с рассмотренной семантикой используются при описании святых, обретших способность «духовного» зрения.

Наряду с этими единицами для характеристики особой способности агиографы используют существительное *прозорливость* и прилагательное *прозорливый*, связанные по происхождению с глаголом *прозрѣть*. Результатом объединения приставки *про-* со значением ‘сквозь, через’ с глаголом зрительного восприятия *зрѣть* стало появление значения ‘получить способность зрительного восприятия’ [о пространственном значении *про-* см.: Пичхадзе 2003: 177-178], на основе которого уже в древнерусский период сформировалось значение ‘провидеть, предвидеть’ [СДР IX: 63; Срезн. II: 1529]. В анализируемом материале находим: *Большинство фактовъ ея прозорливости послужили къ прославленію дѣятельности о. Иоанна* (СП: 283); *Прозорливый старецъ прямо указал ему на Саров такими словами...* (ЖСС 3: 7).

В текстах подчеркивается, что обретение данной способности является результатом праведной жизни (в отличие от прозорливости от лукавого). Например: *Вообще, прозорливость старицы была неразлучна съ вѣрой* (СП, с. 283). В данном случае внимание на прозорливости от Бога акцентируется контекстуальными средствами – прилагательным *неразлучна* и существительным *вѣра*.

Единица *прозорливость* широко используется в сочетании с существительным *даръ* (*дар*). Это акцентирует внимание на праведной жизни подвижника, в награду за которую он получил возможность провидеть. Например: *Господь же Богъ восхоте прославити раба Своего преподобнаго Корниліа, подаде ему даръ прозорливства* (ЖКП: 52); *... имел Преподобный от Господа великий дар прозорливости* (ЖЛ: 43); *Все так же сияли в старце дивные дары его: прозорливость и дар исцелений* (ЖСС 3: 47); *Но, особенное вниманіе ... привлекаль къ Ковригиной несомнѣнно имѣвшійся въ ней даръ прозорливости...* (СП: 283); *По чистотѣ духа своего имѣль онъ [о. Серафим] даръ прозорливства...* (ЖСС 1: 25).

В исследуемых разновременных текстах представлены единицы *послушник*, *послушница* и *послушание*, производные от глагола слухового восприятия *послушати*, в составе которого выделяется приставка *по-* с семантикой результативности [подробнее о семантике этого префикса см.: Дмитриева 2005: 112-135].

Глагол *послушати* с древнерусского периода функционирует в значении ‘послушаться, повиноваться’, сформировавшемся на основе перцептивной семантики (с учетом завершенности и результативности) и являющегося для него переносным [СДР VII: 253; Срезн. II: 1240], а суффиксальное производное *послушьникъ* – в значении ‘тот, кто исполняет правила, законы, живет в соответствии с религиозными установлениями’ [СДР VII: 255].

В анализируемом материале рассматриваемое существительное реализует близкое указанному выше значение ‘въ обителяхъ: служащій братству смиренія ради; прислужникъ’ [СЦСиРЯ III: 385] (ср. ‘прислужник в монастыре, готовящийся стать монахом’ [БТСРЯ: 934]). При этом часто используется при описании одного из этапов в жизни подвижников благочестия: ... *пришель въ Саровскую Пустынь ... и опредѣлился въ число послушниковъ* (ЖСС 1: 7); *Восемь лет прожил о. Серафим послушником* (ЖСС 3: 10); *В 1801 году послушник Лев был пострижен в монашество и наречен Леонидом* (ЖЛ: 36).

Аналогичное употребление обнаруживает существительное *послушница*: *Еще будучи послушницею, она [Елисавета] обращала на себя вниманіе всѣхъ въ обители своею строгою жизнію* (МЕ: 142); *Двадцать два года дѣвица Анна прожила въ Свіяжской обители въ качествѣ послушницы* (СИА: 427).

Существительное *послушание* фиксируется в значении, близком реализуемому в рассматриваемых текстах, начиная с XVII в. – ‘послушничество’ [СРЯ XI-XVII 17: 189]. Например, в Житии Корнилия Переславского (XVIII в.): *Строитель же и братія видѣша его твѣрдое терпѣніе и нелѣносное послушаніе* (ЖКП: 50). Использование анализируемого существительного в сочетании с прилагательным *нелѣносное* актуализирует значение, связанное с трудом и фиксируемое в Словаре Академии Российской как ‘въ обителяхъ: работа, служеніе братіи смиренія ради’ [САР V: 570].

Эта лексическая единица активно употребляется агиографами и в более поздних текстах. Например: *По вступленіи въ обитель проходилъ он разныя послушанія, какъ-то: будильщика, просфорника, занимался столярною работою* (ЖСС 1: 8); *Тамъ она [Ирина] трудилась девять лѣтъ, неся разнаго рода налагаемыя на нее послушанія: носила воду, караулила сады, пекла и продавала просфоры* (БИЗ: 230); *Домника, приходя въ возрастъ, съ кротостію и терпѣніемъ проходила всѣ послушанія и удивляла сестеръ силою своего характера въ трудахъ и подвигахъ иноческихъ* (ИЕиФ: 233); *Участвовал он также в общих трудах-послушаніяхъ братіи, состоявших в сплаве леса, заготовке дров* (ЖСС 3: 9).

При этом в нашем материале отмечены случаи реализации другого значения единицы *послушание*. В Житии Корнилия Переславского представлен контекст *Блаженныи же отрокъ Кононъ нача жителствовати*

въ монастырѣ томъ, и послушаніе его бысть ко всѣмъ безропотно, и трудъ нелѣностенъ (ЖКП: 49), в котором рассматриваемая единица используется в конструкции с прилагательным *безропотно* и в одном ряду с существительным *трудъ*, не вступая с последним в синонимические отношения. Это позволяет говорить о реализации значения, которое сформулировано в Словаре Академии Российской как ‘повиновеніе, покорство’ [САР V: 570].

Аналогично употребляется существительное *послушание* и в тексте начала XX в.: *Она должна была ... поселить между сестрами обители, собравшимися изъ разныхъ сословій, странъ, любовь и послушаніе* (ИС: 186).

Отдельного рассмотрения требует следующий контекст из Жизнеописания старицы Параскевы: *... невѣрующіе поражаются видимыми чудесными знаменіями, смиряются, замыкаютъ уста свои и задумываются о своемъ лжеученіи, а иные изъ нихъ и прямо приходятъ въ послушаніе вѣрѣ Христовой* (СП: 285). В этом контексте *послушаніе* используется в сочетании с существительным *вѣра*, обозначая уже не просто покорность, но, скорее, принятие веры, что, как представляется, свидетельствует о расширении семантики существительного в агиографическом тексте.

Итак, обращение к агиографическим текстам XVIII–XX вв. позволило установить лексические единицы, которые используются для описания подвижников благочестия и реализуют значения, сформировавшиеся на основе перцептивной семантики (общей семантики восприятия, семантики зрительного и слухового восприятия).

Проведенный анализ показал возможности изменения перцептивных значений. Слова, значения которых сформировались на основе семантики общего восприятия и зрительного восприятия, номинируют способность знать заранее о том, что еще только должно произойти. Единицы, семантика которых стала результатом изменения значения слухового восприятия, используются для описания послушничества как одного из периодов в жизни подвижника.

Лексические единицы, сохранившие перцептивные значения, отражают специфику протекания процесса восприятия с помощью органов чувств. Тогда как единицы, реализующие значения, сформировавшиеся на основе перцептивных, используются в житийных текстах для номинирования процессов, отличающих людей, которые стали на путь служения Богу и по своим трудам и молитвам получили способность «духовного» восприятия мира, «созерцания» того, что не дано в непосредственном восприятии.

Библиографический список

1. Бахтина О.Н. Проблемы анализа житийных текстов русской литературы (культурно-историческая традиция и код культуры) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 4 (8). С. 47-61.

2. *Дмитриева Е.Г.* Религиозно-нравственный идеал в современных агиографических текстах: лингвистическая характеристика // Научный диалог. 2018. № 12. С. 64-74. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-64-74.
3. *Дмитриева Е.Г., Сафонова И.А.* Текстовые и языковые средства создания образа подвижника в житиях преподобных старцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 4. С. 27-39. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.3>.
4. *Дмитриева О.И.* Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации / Под ред. О.Ю. Крючковой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 224 с.
5. *Живов В.М.* Краткий словарь агиографических терминов. М.: «Гнозис», 1994. 112 с.
6. *Ключевский В.О.* Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. М.: Типографія Грачева и К^о, 1871. 465 с.
7. *Пименова М.В.* Трансформация семантического синкретизма // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина: сб. ст. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2001. С. 258-261.
8. *Пичхадзе А.А.* Словарная статья *про* // Новое в русской этимологии. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2003. С. 177-178.
9. *Сафонова И.А.* Глагольные средства создания образа святого в региональном агиографическом тексте // Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: в 2 ч. Материалы Всероссийской (с международным участием) науч. конф. (г. Оренбург, ОГПУ, 22-24 ноября 2018 г.) / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. Оренбург: Изд-во «Оренбургская книга», 2018. Ч. 1. С. 160-163.
10. *Сафонова И.А.* Особенности функционирования глаголов восприятия в агиографических текстах конца XIX – начала XX в. // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XIII Междунар. науч. конф. (Владимир, 24-26 сент. 2019 г.), посвящ. 90-летию проф. А.Б. Копелиовича и 100-летию пед. образования во Влад. обл. Владимир: Транзит-ИКС, 2019. С. 341-346.
11. *Яковлева Е.С.* О некоторых особенностях концептуализации личностного начала в русской лексике и грамматике // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 1997. № 3. С. 96-105.

Источники

БИЗ – Блаженная Ирина Зеленогорская // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск: Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 226-230.

ЖДР 3 – Житіе святого Димитрія, Митрополита Ростовскаго / въ память двухсотлѣняго юбилея прибытія святителя Димитрія на Ростовскую митрополию / сост. по рукописямъ и печатнымъ источникамъ А.А. Титовымъ. Ростовъ-Яровславскій: Типографія А.Х. Оппель, 1902. 32 с.

ЖКП – Житие Корнилия Переславского // Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца / Российская гос. б-ка, Науч.-исслед. отдел рукописей; [публикатор, пер., сост., авт. М.С. Крутова]. М.: «Пашков дом», 2013. С. 45-53.

ЖЛ – Житие преподобного Льва, старца Оптинского // Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления. Изд. 2-е. Введенский ставропигиальный мужской монастырь. Оптина пустынь, 2017. С. 35-50.

ЖСС 1 – Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни іеромонаха и затворника. М.: Въ Университетской Типографіи, 1841. 31 с.

ЖСС 3 – Житие преподобного Серафима Саровского чудотворца // Преподобный Серафим Саровскій. Житче і повчання. К.: КиевоПечерська Успенська Лавра, 2013. С. 3-56.

ЖТВЗ – Житіе святителя Тихона, Епископа Воронежскаго, Задонскаго и всея Россіи чудотворца. Одесса: Типографія Е.И. Фесенко, 1895. 36 с.

ИЕиФ – Первоначальницы Мензелинского Пророко-Ильинского женского монастыря игуменія Евгения и Филарета // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Сентябрь. Козельск: Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 231-239.

ИС – Сезеновская игуменія Серафима, въ схимѣ Евѳимія // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Сентябрь. Козельск: Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 171-191.

МЕ – Монахиня Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря Елисавета // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Сентябрь. Козельск: Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 141-147.

СИА – Свияжская схи-игуменія Анна // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск: Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 424-438.

СП – Старица Параскева // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков : Сентябрь. Козельск: Введен. Оптина Пустынь, 1996. С. 275-285.

Словари

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

САР – Словарь Академии Российской: в 6 т. Санкт-Петербург: При Императорской Академіи наукъ, 1789-1794.

СДР – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XI. М.: Русский язык; Азбуковник, 1988-2016.

Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. М.: Знак, 2003.

СРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-29. М.: Наука, 1975-2011; Т. 30. М.; СПб.: Нестор-История, 2015.

СЦСиРЯ – Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ: в 4 т. Санкт-Петербургъ: Въ Типографіи Императорской Академіи наукъ, 1847.

Фасмер – Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964-1973.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянскихъ языков. Праславянский лексический фонд / под ред. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. Вып. 4. М.: Наука, 1977.

В.И. Теркулов

МОДЕЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОЖНОСОКРАЩЕННОГО СЛОВА И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТОВ В ТЕКСТЕ: К ТИПОЛОГИИ СИНХРОННОЙ АББРЕВИАТУРНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Донецкий национальный университет

В статье определяется понятие «сложносокращённый апеллатив», устанавливается различие между синхронным и диахронным подходами к аббревиации и рассматриваются особенности использования сложносокращённого апеллатива и его эквивалентов в эквивалентных текстах на актуальном срезе языка.

Ключевые слова: аббревиатура, дешифровальный стимул, сложносокращённое слово, эквивалент, эквивалентный текст.

The article deals with definition of the term ‘compounded abbreviated appellative’. The author establishes distinction between synchronic and diachronic approaches to

abbreviation and considers particularities of using compounded abbreviated appellative and its equivalents in equivalent texts of the actual language section.

Key words: abbreviation, decryption inducement, compound abbreviation, equivalent, equivalent text.

Целью предлагаемой статьи является описание того, как на синхронном срезе языка реализуются в текстах эквивалентные отношения между сложносокращённым апеллятивом и его дескриптивными эквивалентами.

Необходимы предварительные замечания, которые определяют особенности принятого в Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого национального университета (далее – Лаборатория) подхода к трактовке аббревиации.

1. Объектом описания в создаваемом Лабораторией «Толково-эквивалентном словаре сложносокращённых слов русского языка» являются сложносокращённые апеллятивы, то есть неинициальные нарицательные аббревиатуры, связанные с эквивалентными словосочетаниями отношениями «стихийной» универбализационной производности (в диахронии) и/или эквивалентной мотивированности (в синхронии), например, *бухуслуги* (= *бухгалтерские услуги*), *вибробункер* (= *вибрационный бункер*), *газоконденсат* (= *газовый конденсат*) и под. Выбор в качестве самостоятельного научного объекта аббревиатур именно данного типа обусловлен тем, что их формально-ономасиологические характеристики отличаются от формально-ономасиологических характеристик противопоставленных им инициальных аббревиатур и сложносокращённых онимов. Самое главное отличие состоит, по нашему мнению, в том, что сложносокращённые апеллятивы возникают в результате «стихийной» замещённой универбализации/мотивационной эквивалентностной интерпретации словосочетаний, в то время как инициальные аббревиатуры создаются путём реального коррелятивного сокращения слов эквивалентных словосочетаний, а сложносокращённые онимы искусственно конструируются.

Обычно констатируется, что аббревиация – это «произвольный процесс сокращения наименования какого-либо объекта» [Сергеева 2013: 176]. Мы же утверждаем, что образование сложносокращённых апеллятивов – абсолютно закономерный и стереотипизированный процесс.

Нами обнаружены следующие отличия сложносокращённых апеллятивов от **инициальных аббревиатур**:

I. Сложносокращённые апеллятивы создаются путём **стереотипного замещения** абброконструктом (сокращённым эквивалентом какой-либо лексемы) мотивационно связанного с ним слова эквивалентного словосочетания. Абброконструкт используется при этом как воспроизводимое средство предсказуемого замещения компонента

производящего словосочетания, выступая в качестве **абброэквивалента**. Например, потенциально в любом словосочетании слово *газовый* может быть заменено абброэквивалентом *газо*, а слово *национальный* – абброэквивалентом *нац.* Абброэквивалент, как и морфема, воспроизводимое словообразовательное средство, но отличается от неё способностью развёртываться в формально и семантически эквивалентную лексему, что невозможно для «исконных» аффиксов. Например, абброэквивалент *VELO* регулярно развёртывается в текстах в эквивалент *велосипедный* (*велодорожка – велосипедная дорожка*), а *глав* – в *главный* (*главврач – главный врач*) (сравните с морфемами *-ист-*, *-ик-*, *под-* и т.д., которые не могут быть трансформированы таким же образом в слова).

При создании же **инициальных аббревиатур** осуществляется реальное ситуативное **сокращение**, то есть осознанная искусственная **ситуативная замена** слова, входящего в производящее словосочетание, его первым звуком или первой буквой, не могущими стереотипно на уровне языка быть связанными с какой-то конкретной семантикой. Например, конструкт *V* может заменить в инициальной аббревиатуре любое слово, начинающееся с *V*: *военный*, *воздушный* (*ВВС – военно-воздушные силы*), *виртуальный*, *выделенный* (*ВВС – виртуальный выделенный сервер*) и т.д. Инициальные аббревиатуры создаются для замены повторяющегося наименования в тексте, для маркировки изделия, как официальное сокращение названия предприятия и т.д. При этом номинативная способность инициальных аббревиатур выше номинативной способности сложносокращённых апеллятивов. Например, при работе над словарём нами обнаружено всего 36 неинициальных абброконструктов, начинающихся с *a*: *аббро*, *абон*, *авар*, *авиа*, *авто* и т.д. «Инициализации» же может быть подвергнуто любое слово, начинающееся с *a* (мы отмечаем более 300 сокращённых до *a* лексем), например *автоклавный* (*АВ – автоклавная батарея*), *анодный* (*АВ – анодный блок*), *анкерный* (*АВ – анкерный болт*) и т.д.

II. Абброконструкт сложносокращённого апеллятива может морфематизироваться и использоваться как абброморфемный формант (абброморфема) при создании новых лексем без участия в этом процессе словосочетаний. Например, слово *авиапассажир* возникло путём непосредственного присоединения абброконструкта (абброморфемы) *авиа* к слову *пассажир*, а словосочетание *авиационный пассажир* является вторичным, образованным в результате псевдоунивербализации (см. ниже) дескриптивным знаком. Это подтверждается уже тем, что слово *авиапассажир* отмечается, по данным сервиса Google Ngram Viewer, в текстах Google Books с 1960 г., а *авиационный пассажир* не обнаруживается во вложениях Google; словосочетание *авиационный пассажир* не может быть трансформировано в словосочетание *пассажир авиации* (это пассажир того, что относится к авиации), хотя для исконных

словосочетаний с компонентом *авиационный* трансформация в конструкцию с субстантивным атрибутом регулярна (ср.: *авиационный налёт – налёт авиации, авиационный штаб – штаб авиации*) и т.д. Инициальные же аббревиатуры не могут создаваться искусственно: сокращению какого-либо слова всегда должно предшествовать его функционирование в составе исходного, производящего словосочетания.

III. Семантическая определённость неинициального абброконструкта способствует формированию прозрачной внутренней формы сложносокращённого апеллятива: мы всегда можем его развернуть в словосочетание. Инициальная же аббревиатура, например, *ДА*, имеет непрозрачную внутреннюю форму и может быть эквивалентной любому словосочетанию, в которое входят слова, начинающиеся с *Д* и *А*: и *длительная атропинизация*, и *договор аренды*, и *действующая армия* и т.д.

Сложносокращённые онимы (обычно – эргонимы), в отличие от сложносокращённых апеллятивов, хоть и используют неинициальные абброконструкты, являются искусственными, конструируемыми эквивалентами официальных наименований. Часто внутренняя формы таких аббревиатур затемнена, поскольку в них может реализоваться не текстовая эквивалентность «слово – словосочетание», а «творческая фантазия номинатора». Например, для эргонима *Областной комитет охраны окружающей среды и природопользования* был искусственно создан эквивалент *облкомприроды*, на основе которого невозможно восстановить исходное наименование.

2. Традиционно аббревиация рассматривается исключительно в диахронии – как процесс образования новых слов на базе словосочетаний. Однако наше исследование показало, что разграничение диахронной производности и синхронной мотивированности актуально и для аббревиатур, поскольку и для аббревиации справедливо утверждение И.С. Улуханова о том, что «синхронные словообразовательные отношения (мотивация) не всегда аналогичны («изоморфны») пути образования слова (производности)» [Улуханов, 2003: 21]. Дело в том, что в достаточно большом количестве случаев носителями языка как аббревиатуры воспринимаются слова, возникшие не в результате универбализации, то есть трансформации словосочетания в аббревиатуру, а вследствие других процессов – абброморфемной деривации (квазиаббревиации), когда лексема создаётся путём прямого присоединения абброморфемы к производящему слову, например, при образовании слова *велотелье* от слова *ателье* при помощи абброморфемы *VELO-*; заимствования, например при образовании слова *дизайн-проект*, возникшего в результате «аббревиатурного освоения» англ. *design project*; псевдоаббревиации, когда абброконструкт не является средством образования новых слов, например в лексеме *автозаправка*, которое было создано как универбат от словосочетания *автозаправочная станция*. Восприятие таких единиц как

аббревиатур обусловлено тем, что у них вследствие **псевдоунивербализации**, то есть покомпонентного развёртывания словосочетания на базе слова, содержащего абброконструкт, возникают вторичные дескриптивные эквиваленты: *велосипедное ателье* (*Мы <...> просим вас не стесняться, и по любым велосипедным вопросам посещать наше велоателье – Мы, скорее, велосипедное ателье* [<http://dautov-bros.com/>]); *дизайнерский проект* (*Дизайн-проект – это комплект документов и материалов определённого свойства – Обращаясь за помощью в составлении дизайнерского проекта квартиры, собственник решает целый ряд вопросов, опираясь на знания и опыт наемных работников* [<https://dom.ria.com/articles/dizajn-proekt-kvartiry-177090.html>]); *автомобильная заправка* (*Автозаправка вспыхнула в Дагестане – В Хасавюртовском районе Дагестана вспыхнула автомобильная заправка* [<https://nation-news.ru/213933-avtozapravka-vspyhnula-v-dagestane>]). Здесь действует стереотип: если в слове обнаруживается единица, воспринимаемая как абброконструкт, носитель языка автоматически ищет для него дескриптивный эквивалент, и, если этого эквивалента изначально не было, он его создаёт.

Дело осложняется тем, что для одного и того же абброконструкта чаще всего обнаруживается несколько стереотипных дешифровок, которые мы называем **дешифровальными стимулами**. Например, для абброконструкта *VELO* нами обнаружены дешифровальные леммы *велосипедный* (токены *велосипедный, велосипедная, велосипедное*)¹, *велосипед* (токены *велосипеда; велосипедов; для велосипеда; для велосипедов; на велосипеде; на велосипед; на велосипедах; на велосипеде; от велосипеда, с велосипедом; с велосипедами*) и т.д. Благодаря этому вокруг аббревиатуры формируется гнездо эквивалентности, представляющее разные её дешифровки при помощи разных дешифровальных стимулов. Например, для аббревиатуры *ВЕЛОДОРОЖКА* отмечаются эквиваленты *велосипедная дорожка, дорожка для велосипедистов, дорожка для велосипеда, дорожка для велосипедов*.

Определить, как образовано слово и эквивалентное ему словосочетание, можно только на основе этимологического анализа. Нами разработаны методики разграничения универбализации и псевдоунивербализации [Геркулов, 2017], однако, как нам кажется, они важны только для исследователей языка. Для носителей языка значительно важнее то, что у слова на актуальном срезе языка есть дескриптивные эквиваленты, что этих эквивалентов может быть много, и каждый из них может быть использован для дешифровки аббревиатуры и трактовки его значения. Иначе говоря, для него важны не диахронные аббревиатуры,

¹ Токенами мы называем конкретные формы слов или словосочетаний, используемые при дешифровке абброконструкта, а леммами – их словарные репрезентации.

реально образованные на базе словосочетаний, а синхронные аббревиатуры, то есть слова, воспринимаемые им как сложносокращённые, поскольку они имеют на актуальном срезе языка легко обнаруживаемые мотивационно связанные с ними эквиваленты.

Сложносокращённые апеллятивы ранее не рассматривались ни как самостоятельный тип аббревиатур, ни как единицы, сосуществующие со своими эквивалентами на актуальном срезе языка. Есть два вопроса, которые требуют своего решения для определения особенностей синхронной трактовки аббревиатур данного типа.

Во-первых, необходимо установить, что может считаться эквивалентом сложносокращённого слова в синхронии. **Синхронными текстовыми синтаксическими эквивалентами** аббревиатуры мы считаем словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы сложносокращённого слова в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты его конструкторов. **Эквивалент конструктора аббревиатуры** – единица, полностью или частично формально совпадающая с данным конструктором и имеющая с ним текстуально подтверждаемое тождественное значение, то есть могущая заменить его в эквивалентном тексте при замене аббревиатуры словосочетанием без изменения её значения. Например, для слова *графоанализ* отмечается эквивалент *графологический анализ*, компоненты которого являются эквивалентами конструкторов аббревиатуры: *графо* = *графологический*, *анализ* = *анализ*. При этом *графоанализ* и *графологический анализ* употребляются в эквивалентных текстах для обозначения одного и того же референта: *Что такое графоанализ, каковы его возможности? – На чем основывается графологический анализ и в чем его польза?* [<http://inessa-goldberg.ru/index.php/portal-graphology/135-grafologia-korotko-o-glavnom>].

Во-вторых, важно установить, какие тексты могут быть определены как эквивалентные. Мы выделяем четыре типа эквивалентных текстов и четыре модели включения в них аббревиатуры и её эквивалентов.

1. Собственно эквивалентный текст и собственно эквивалентная модель: в этой модели слово и словосочетание употребляются в одном и том же тексте для обозначения одного и того же референта, например для аббревиатурной пары *ветаптека – ветеринарная аптека*: ***Ветаптека** – это отдельное направление, и тоже весьма прибыльное. – Чтобы открыть ветеринарную аптеку нужно подобрать квалифицированный персонал, который имеет соответствующее фармацевтическое образование* (<http://biznes-club.com/biznes-idei/otkryt-vetapteku.html>). Часто в одном тексте отмечается употребление нескольких эквивалентов сложносокращённого слова, например для гнезда *жизнеобеспечение – обеспечение жизни – обеспечение жизнедеятельности*: Любое

отступление человека от норм природного жизнеобеспечения ведёт к нарушению биоинформационной связи его организма со Вселенной – Природа работает на обеспечение жизни человека, а не на борьбу с ожирением, случившимся по его прихоти – Нельзя брать под сомнение научные открытия последнего столетия, направленные на обеспечение жизнедеятельности человека (<http://avto.pp.ua/4126-shildiki-i-emblemyna-avto-foto.html>).

2. Параллельные эквивалентные тексты и параллельная эквивалентная модель: ситуация, когда слово и словосочетание используются для обозначения одного и того же референта в разных текстах. Например, для гнезда эквивалентности газохранилище – газовое хранилище отмечаются следующие включения: текст 1) Аким **Шымкента** поблагодарил противопожарную службу, которая приняла участие в ликвидации пожара на газохранилище (http://www.kasparov.ru/material.php?id=5BD84C7D16CF6§ion_id=4354A73076FEC); текст 2) В пятницу, 7 июня, на территории газового хранилища в Шымкенте прогремел мощный взрыв (<http://www.ochividets.ru/blog/49177/>).

3. Условно эквивалентные тексты и условно эквивалентная модель: слово и словосочетание употребляются в разных текстах и обозначают разные референты, находящиеся в зоне тождества сигнификата слова. Например, для гнезда эквивалентности бурколонна – буровая колонна – бурильная колонна – колонна для бурения отмечаются следующие вхождения. Текст 1) Это был резиновый элемент компенсатора бурового насоса У8-6М, который буровики также использовали и при подъёме бурколонны, вырезая его как обтюратор (<https://www.tek-ads.ru/page/6/>). Текст 2) Буровая колонна вращается со скоростью 40-250 оборотов в минуту, поворачивая либо бур, который имеет буровые коронки с закреплёнными долотообразными режущими краями, либо бур, буровая головка которого имеет шарошки с закалёнными зубьями (<http://base.safework.ru/iloenc?doc&nd=857200801&nh=0&sssect=4>). Текст 3) Бурильная колонна связывает поверхностное оборудование с породоразрушающим инструментом и представляет собой непрерывную, многозвенную систему инструментов между вертлюгом на поверхности и долотом на забое скважины (<http://teplozond.ru/razvedochnoe-burenie/burilnaya-kolonna.html>). Текст 4) Например, обычная водоотделительная колонна для бурения может иметь номинальный диаметр 21¼ дюйма (53,975 см) (<https://edrid.ru/rid/216.013.4585.html>).

4. Косвенно эквивалентный текст и косвенно эквивалентная модель, в котором как синонимы используются эквиваленты аббревиатуры, но сама она не присутствует. Например, таковым является текст, в котором как абсолютные синонимы употребляются ветряная

электростанция и ветряная станция, но не отмечается сложносокращённое слово *ветростанция*, являющееся вершиной данного гнезда эквивалентности: *Первая плавучая ветряная электростанция Floatgen появится у берегов Франции – По словам Поля де ла Гюэривьё, директора Ideol и координатора проекта, развитие такой технологии связано с постепенным сокращением участков, подходящих для строительства наземных ветряных станций* (<https://ecotechnica.com.ua/energy/veter/1762-pervaya-plavuchaya-vetryanaya-elektrostantsiya-floatgen-poyavitsya-u-beregov-frantsii.html>).

Итак, сложносокращённые апеллятивы представляют отдельный формально-ономасиологический тип аббревиатур, противопоставляющийся инициальному и онимному типам. Для носителя языка наиболее значимы отношения синхронной мотивированности между аббревиатурой и её дескриптивными эквивалентами. Нами отмечаются четыре модели использования сложносокращённых апеллятивов и их эквивалентов в текстах в синхронии: собственно эквивалентная, параллельная эквивалентная, условно эквивалентная и косвенно эквивалентная. Перспектива дальнейших исследований – описание условий и форм использования компонентов гнезда эквивалентности аббревиатуры в эквивалентных текстах.

Библиографический список

1. *Сергеева Т.С.* Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 174-179.
2. *Теркулов В.И.* Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 73-97.
3. *Улукханов И.С.* Словообразовательная мотивация в русском языке. М., 2003.

О.В. Трофимова

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ – НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

(На материале «Алфавита о поселенцахъ мущинахъ, на 1839 годъ»
и «Алфавита о поселенкахъ женщинахъ, на 1839 годъ»
из Тобольского архива)

Тюменский государственный университет

В статье на материале впервые вводимых в научный оборот архивных источников рассматриваются отглагольные существительные, в том числе новообразования, функционировавшие в юридическом дискурсе Российской Империи в 1839 г., с позиций их словообразовательных моделей. Диахронический аспект исследования обусловил необходимость сопоставлений с материалами Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: отглагольные существительные, словообразовательная модель, неологизм, юридический дискурс, исторический источник.

This article deals with the new archival documents. The object of the analysis are verbal nouns, including neologisms. We researched word-formation models and conducted comparison of data with information taken from the Russian National Corpus.

Key words: verbal nouns, word-formation pattern, word of new mintage, legal discourse, historical source.

Знакомство с каждым новым историческим источником будоражит интерес лингвиста и настраивает его на предвкушение встречи с новыми словами. Не исследованные прежде в лингвистическом аспекте два документа 1839 г. из Государственного архива в г. Тобольске «Алфавить о поселенцахъ мущинахъ, на 1839 годъ» [Алфавит 1] и «Алфавить о поселенкахъ женщинахъ, на 1839 годъ» [Алфавит 2] относятся к достаточно редким в архивных фондах источникам.

Табличная форма «Алфавита ссыльным, следующим в Сибирь на поселение» утверждена в качестве приложения к Высочайше утвержденному Александром I «Уставу о ссыльных» от 22 июля 1822 г.: «Алфавиты сии составлять по прилагаемой при сем форме под буквой О» [ПСЗРИ 1830, XXXVIII: 443, 464]. Эту цитату можно отнести к первым терминологическим употреблениям существительного *алфавит*, не зафиксированным толковыми словарями рубежа XVIII-XIX веков, которое, согласно «Словарю Академии Российской», имело единственное значение ‘имя греческой азбуки, слагаемое из имен первых греческих букв’ [САР 1789, 1: 24]; ср. в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. ‘то же, что азбука в 1 значении’, т.е. ‘собрание букв, расположенных по принятому порядку’ [СЦСиРЯ 2001, 1: 7,4] (в дальнейшем к данному словарю как наиболее близкому в хронологическом отношении к анализируемым источникам мы будем обращаться при толковании актуальных для того времени значений слов). Однако современный «Словарь русского языка XVIII века», с опорой на многочисленные источники, фиксирует значение ‘список, роспись чего-л. в азбучном расположении, реестр’ в качестве оттенка основного значения ‘совокупность букв, принятых в какой-л. письменности’ [Словарь XVIII 1984, 1: 52].

В соответствии с «Уставом» «для приема и распределения ссыльных» в Тобольске был учрежден Приказ о ссыльных. Согласно §170, §171 и §180 «Устава», «составление верных и обстоятельных списков» ссыльным «суть главные действия Приказа о ссыльных по первым уведомлениям. Списки, для лучшего удобства, надлежит вести по алфавиту ◊. Запискою в алфавитный список начинается прием ссыльных в Сибири» [ПСЗРИ 1830, XXXVIII: 443].

Анализируемые нами тобольские документы отличаются от рекомендуемого образца отсутствием сведений о первых уведомлениях из

тех судебных мест, которыми поселение избиралось в качестве меры наказания за конкретные преступления («вины»). Названия этих «вин», внесенные в четвертую графу двух алфавитов, и составляют предмет нашего интереса.

«Уставом» требовалось распределять информацию о ссыльных на несколько книг в зависимости от мест их проживания на основании предварительного деления тех российских губерний, из которых будущие поселенцы были направляемы в Сибирь, на несколько групп. Однако в 1839 г. Тобольский приказ о ссыльных нарушил это предписание, и под первой обложкой оказались переписанными сведения из всех губерний европейской части Российской Империи, откуда пришли мужчины-поселенцы (1162 человека), под второй обложкой с «добавком, подшитым к нижней доске» – то же для переселенок (373 женщины). Всего в списке территорий – 47 губерний (от Архангельской до Ярославской), 4 области (Белостокская, Бессарабская, Кавказская, Таврическая), Земля Войска Донского, а также – отдельно – 11 городов (Виндава, Воронеж, Выборг, Галич, Ревель, Рига, Тула и др.), 15 мыз (Афель, Самитен, Фраунбург и др.). В списке различных присутственных мест: 41 уголовная палата, 29 губернских правлений, Правительствующий Сенат и Священный Синод, министерские департаменты, а также многочисленные уездные, областные, надворные, генеральные суды, ландгерихты и обер-ландгерихты...

Таким образом, мы имеем синхронный срез паспортизированной информации, представляющий официально-деловую языковую ситуацию, сложившуюся к 1839 г. во всей европейской части Российской Империи, от нижних к высшим её административным инстанциям.

Список «вин», или формулировок состава преступления, в двух источниках включает в себя 175 позиций. Из них 22 наименования представляют собой подчинительные словосочетания с оценочным прилагательным (*буйственный, дерзостный, незаконный, порочный, похвальный, противозаконный, худой* и др.), согласованным чаще всего с отглагольными существительными самой абстрактной семантики: *действия, жизнь, житье, поступки, поведение, рождение*, а также *нравственность, слова* и др. Содержание вины в таком случае остается туманным и достаточно субъективированным, особенно если учесть, что инициатором подобного осуждения крепостных, поддержанного государственной институцией, часто являлся помещик. Например, читаем полные тексты четвертой графы о двух поселенцах; первый имеет в мужском алфавите в литере М номер 61, вторая – номер 14 в литере Г: *из крестьян господина Вилкова за **развратную жизнь** по воле помещика и по определению Саратовского губернского правления без наказания на поселение (М.61)* или *из крестьян госпожи Князевой за **дурное поведение** по воле помещицы и по определению Рязанского губернского правления без наказания на поселение (Г.14)*. Ср. в словаре: *развратный* – «1. Имеющий

испорченные нравы, живущий распутно. 2. К разврату относящийся, разврат содержащий» [СЦСиРЯ 2001, 4: 10]; *дурный* – ‘нехороший, безобразный, нескладный’ [СЦСиРЯ 2001, 1: 377]. Пожалуй, максимальную субъективность и своеволие обнаруживаем в сведениях о 45-летнем Федоте Г.: *Владимирской губернии из крестьян госпожи Давыдовой за пороки по воле помещицы без наказания на поселение* (Г.52).

Три позиции в списке «вин» сформулированы с участием причастной или спрягаемой глагольной формы, в частности: *из бродяг за бродяжество и найденныя у него 4 фальшивыя талеры и серебряную за турецкую компанию медаль по приговору Витебской уголовной палаты наказан плетьюми 20 ударами на поселение* (Б.33) или *Московской губернии из дворовых людей господина Кропотова за принятие краденной шкатулки а участвовал в разделе краденных денег по приговору Московской уголовной палаты наказан плетьюми 10 ударами по неспособности в арестанские роты на поселение* (И.25).

В источниках фиксируем четыре субъективно-оценочных субстантива (*грубость, дерзость, несостоятельность, неспособность*), а также три – получивших «подсудное» значение в форме множественного числа. Для двух слов это значение зафиксировано в словаре вторым: *грубость* – «1. Качество грубого. 2. Обида, невежливый поступок. А ему Богдану миру некоторые грубости не учинити. Акты Юр.» [СЦСиРЯ 2001, 1: 296]; *буйство* – «1. Церк. Несмысленность, невежество. 2. Наглость, соединенная с насилием; забиячливость» [СЦСиРЯ 2001, 1: 37]. В алфавитах: за *грубости* и *неповиновение помещику своему* (О.12), за *грубость, неповиновение местному начальству и разные буйства* (М.21). Акциональное «противозаконное» значение в примере за *дерзости, учиненные пред своим владельцем в пьяном виде* (Ш.13) не поддерживается словарем 1847 г., ср.: *дерзость* – ‘свойство дерзкого’ [СЦСиРЯ 2001, 1: 320]. Кроме того, в источниках один раз использовано существительное со значением рациональной отрицательной оценки *взятки* ‘2. Непозволительный подарок за дела, производимые в присутственных местах’ [СЦСиРЯ 2001, 1: 124], ср.: за *взятки, пьянство, причинение побоев и угнетение* (З.16).

Остальные названия «вин» (141 позиция в списке) представлены отглагольными существительными, которые можно разделить на две группы:

1) слова со словарным значением рациональной отрицательной оценки, например, *воровство* «1. Хищение чужаго имения; кража, татьба. 2. Стар. Всякое преступление, подлог, обман, мошенничество» [СЦСиРЯ 2001, 1: 159]; *кража* ‘действие крадущего, воровство’ [СЦСиРЯ 2001, 2: 214]; *подкуп* ‘преклонение кого либо на свою сторону деньгами или подарками’ [СЦСиРЯ 2001, 3: 261]; *похищение* ‘действие похищающаго и похитившаго’, от глагола со значением ‘брать хищнически, тайно; красть’ [СЦСиРЯ 2001, 3: 410]; *святотатство* ‘действие святотатствующаго’, от

глагола со значением 'похищать священные или церковные вещи' [СЦСиРЯ 2001, 4: 109]; *убийство* 'умерщвление, лишение жизни' [СЦСиРЯ 2001, 4: 313] и др. Эти и многие другие слова данной группы закрепились в русском языке в предшествующие века и получили терминологическое значение. Так, на основании сведений, полученных из старорусского и основного подкорпусов Национального корпуса русского языка, первые фиксации указанных выше словоформ, представляющих разные словообразовательные модели, в текстах – источниках НКРЯ относятся к 1300 г. (*убийство*), 1512 г. (*воровство*), 1672 г. (*кража*), 1714 г. (*похищение*), 1750 г. (*святотатство*), 1775 г. (*подкуп*).

См. примеры из алфавитов: из приговора Киевской уголовной палаты: *по сомнению убийства* крестьянина Романчука (Х.12); из приговора Волынской уголовной палаты: *за намерение к воровству* (А.50); из приговора экспедиции суда и расправы Верховного Грузинского правительства: *за воровство* рогатого скота (Б.37); из приговора Вологодской уголовной палаты: *за кражу* разного имущества, имени и денег (Ш.7); из приговора Горревнского лангерихта: *за участие в нападении на таможенную стражу и похищение* конфискованного мешка с солью (З.4); из решения Правительствующего Сената: *за святотатство* (С.112/103); из приговора Симбирской уголовной палаты: *за подкуп* копииста Сопова к выкраже из дела своего допроса (П.83);

2) нейтральные отглагольные существительные, приобретающие негативное, «подсудное» значение «вины» только в контексте, в сочетании с (преимущественно) управляемыми ими объектными словами (значительно реже – с примыкающими обстоятельствами), например, *взятие, выезд, знакомство, знание, именование, название, недоставление, необъявление, объявление, увод, увоз, указание, хранение* и др.

Например, из Высочайшей конфирмации: *за название* себя генерала Шубина крепостным человеком и *взятие* в задаток с купцов Глазова и Николаева за проданную им гречу 157 руб. 60 коп. и *недоставление* оной (С.103/94); из приговора Черниговской уголовной палаты: *за тайный выезд* из дому жительства и *увоз* овчинных кож и *воровство* кобылы и хомута (Л.18); из решений Правительствующего Сената: *за побег из вотчины, знакомство* с беглым дезертиром, *увод* лошади с упряжью и *имение* фальшивого билета (С.62/52), *за знание и необъявление* своевременно о поджоге крестьянами помещика Кандыбы Гаврилом Коробого и Ильею Перервого строения (Г.2); из приговора Херсонской уголовной палаты: *за указание* квартиры штабс-ротмистра Москвина беглому рядовому Акиму Непомнющему и *объявление* ему, где находится Москвина шкатулка с деньгами на сумму 7680 р. 80 коп. (Ш.6); из приговора Минской уголовной палаты: *за хранение* воровских вещей (К.8).

Даты первой фиксации этих словоформ в текстах – источниках НКРЯ также относятся к XIV-XIX вв.: 1300 г. (*взятие, указание*), 1400 г.

(имение, увоз), 1558 г. (объявление), 1560 г. (хранение), 1636 г. (название), 1658 г. (выезд), до 1702 г. (знание), 1733 г. (знакомство, необъявление), 1811 г. (недоставление), 1829 г. (увод).

Приведенные выше примеры отглагольных существительных представляют реализации разных словообразовательных моделей. Преобладающая часть названий преступлений – это субстантивы на *-ениј-* (44), *-а-ниј-* (23), *-/t'uj-* (12); всего 79, из них 12 имеют в морфемном составе приставку *не-*, и таким образом они могут быть рассмотрены как префиксальные производные от отглагольных субстантивов, образованных по тем же продуктивным суффиксальным моделям. Производные с суффиксом *-ств-* представлены 19 лексемами, в том числе сложными словами с интерфиксом /o/; с суффиксом *-к-* зафиксировано 7 слов. Образования посредством нулевой флексии – 25 лексем, 11 слов образованы посредством флексии *-а*.

Значительный по объему материал позволяет поставить вопрос о диахроническом аспекте исследования, с актуализацией, например, истории отглагольных новообразований первой половины XIX в., образованных по разным продуктивным моделям, в русском языке.

Сопоставление с материалами НКРЯ обнаружило отсутствие в корпусе фиксации нескольких отглагольных субстантивов из тобольских алфавитов, в том числе:

угнание, в алфавитах – три употребления: из решения Правительствующего Сената: за *угнание* у него лошади с возом англинской бумаги (В.9), из приговора Владимирской уголовной палаты: за *угнание принадлежащего переяславскому мещанину Исмаеву лошади с упряжью, стоящей 235 руб., с бывшими в оных разными иконами на 400 руб.* (И.49), из приговора Московской уголовной палаты: за *угнание лошади с возом восковых свеч* (П.78);

выкрадение, в алфавитах – два употребления, оба из приговоров Новгородской уголовной палаты: за *выкрадение* у польской уроженки Яро<>левской пачпорта (Е.15), за *побег от мужа своего с выкрадением принадлежащих ему вещей* (М.35);

подстреление – два употребления, оба из приговоров Орловской уголовной палаты: за *подстреление* из пистолета денщика (К.34), за *подстреление денщика* (К.86).

В источниках находим по одному употреблению отсутствующих в НКРЯ субстантивов *выкража*, *недоказание*, *неотыскивание*, *сучинение*, *уворованье*: из приговора Симбирской уголовной палаты: за *причинение самарскому 3 гильдии купцу Червакову побои и подкуп копииста Сопова к выкраже* из дела своего допроса (П.83); из приговора Подольской уголовной палаты: за *недоказание места своего жительства* (П.41), из решения Правительствующего Сената: за *неотыскивание свободы*» (Ш.14), из приговора Бессарабского уголовного суда: *по сучинению*

воровства лошадей (С.58/48), из приговора Гродненской уголовной палаты: «за **уворованье** у крестьянина Антонова 60 руб. серебром и 67 локтей холста» (М.25).

Следующие девять отглагольных субстантивов, зафиксированных в алфавитах по одному разу, представлены в материалах НКРЯ единичными вхождениями, а именно: *влитие* (7 вх., 1847-1965 гг.), *вынятие* (8 вх., 1725-1930 гг.), *вытащенье* (1 вх., 1777-1778 г.), *неотправление* (2 вх., 1801 и 1911-1916 гг.), *неудержание* (2 вх., 1849 г.), *отрубление* (13 вх., 1862-2001 гг.), *подпиливание* (7 вх., 1886-2003 гг.), *подстрел* (2 вх., 1914, 1927 гг.), *утруднение* (4 вх., 1986-1998 гг.). Отмеченное два раза в алфавитах существительное *неоткрытие* в материалах НКРЯ имеет 4 вхождения, датированные 1841-1846 и 1958-1973 гг. Как видим, семь из десяти субстантивов можно квалифицировать в качестве новообразований для тобольских алфавитов 1839 г., как и восемь представленных выше отглагольных существительных.

Приведем необходимые иллюстрации для последней группы неологизмов: из приговора Ревельского магистрата: за **влитие** *купоросного масла в рот малолетней дочери своей* (Ю.1); из приговора Вологодской уголовной палаты: за **вынятие** *у старосты Никифорова кошелька с деньгами* (П.31); из приговора Московской уголовной палаты: за **вытащенье** *в питейном доме у крестьянина Петрова кошелька с деньгами* (Б.27); из приговоров Гродненской уголовной палаты: за **неоткрытие** *настоящего своего места рождения* (Б.15), Екатеринбургской уголовной палаты: за **неоткрытие** *настоящего своего звания* (Т.1); из приговора Тверской удельной конторы: за **неотправление** *по назначению в Ярославскую губернию для избрания рода жизни* (А.79); из приговора Пензенской уголовной палаты: за **неудержание** *одноворца Жубина от отнятия на дороге у крестьянского мальчика Шабаненка лошади* (П.2); из решения Правительствующего Сената: за **отрубление** *у себя перста* (С.96/87); из приговора Тульской уголовной палаты: за **подпиливание** *в тюремном замке железной у окна решетки* (Я.14); из приговора Екатеринбургской уголовной палаты: за **подстрел** *из ружья в ногу крестьянской девки* (О.11); из приговора Костромской уголовной палаты: за **утруднение** *Его Императорского величества несправедливою жалобою на господ своих* (К.78).

Таким образом, привлеченные к анализу источники свидетельствуют о повсеместности на территории европейской части Российской Империи, с учетом «национальных окраин», в 1839 г. активного процесса образования в юридическом дискурсе отглагольных существительных от различных глагольных лексем преимущественно совершенного вида. Поиск нового слова для отвлеченного от обстоятельств судебного дела представления отдаленному сибирскому адресату сути «вины» в разных регионах мог приводить к разным результатам: так, от глагола *выкрасть* в

Симбирске образовали слово *выкража*, в Новгороде – *выкрадение*. В Костроме было образовано существительное от глагола *утруднять/утруднить*, имеющего всего две фиксации в русских текстах (1766-1777 и 1847 гг.), согласно материалам НКРЯ.

В продолжении исследования закономерным может стать вопрос о возможности корреляции «излюбленных» моделей словообразования существительных «действия-состояния» (А.А. Шахматов) с региональной составляющей юридического дискурса.

Библиографический список

1. *Алфавитъ* о поселенцахъ мущинахъ, на 1839 годъ // ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И 154. Оп. 20. Д. 434.
2. *Алфавитъ* о поселенцахъ женщинахъ, на 1839 годъ // ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И 154. Оп. 20. Д. 434.
3. *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
4. *ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи*. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9846>.
5. *САР – Словарь Академии Российской*. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10107>
6. *СЦСиРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка*. Кн. 1, 2. СПб., 2001.
7. *Словарь XVIII – Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1. А – Безпристрастие. Л., 1984.

Уралова Ойсулув Поян-кизи

ПОСЛОВИЦЫ С КОНЦЕПТАМИ «МУЖ» И «ЖЕНА» В АНГЛИЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Термезский государственный университет, Республика Узбекистан

В статье рассматриваются пословицы разносистемных английского и узбекского языков о жене, муже и их взаимоотношениях. На конкретных примерах дается анализ паремий английского и узбекского этносов с компонентами «жена» и «муж». Определяются сходные и отличительные черты пословичных выражений данной предметно-тематической группы в английском и узбекском языках.

Ключевые слова: *пословица, паремия, пословичные выражения, пословичный фонд, разносистемные языки, этнос, содержание паремий, положительная и отрицательная оценка.*

The article analyses the proverbs about wife and husband relationship in the Russian and Uzbek languages belonging to different structural types. The given examples illustrate English and Uzbek paroemia with the components “wife” and “husband” and reveal common and different features of the proverbs that belong to this thematic group.

Key words: *a proverb, paroemia, a proverb expression, proverb fund, languages of different structural types, an ethnic group, paroemia content, positive and negative evaluation.*

Пословицы народов мира проникают во многие лексико-семантические группы. Как отмечает П.У. Бакиров, «пословицы в каждом

языке охватывают все сферы жизни человеческого общества. Пожалуй, невозможно назвать какую-либо область материальной и духовной деятельности общества, которая не нашла бы отражение в пословицах» [Бакиров 2018: 5].

Мужу, жене и их взаимоотношениям посвящено множество узбекских и английских народных пословиц. Они дают определенную, меткую характеристику мужу, жене, воспитывают через них уважение к семье. Для лингвистического анализа пословиц использованы материалы паремиологических словарей английского и узбекского языков [см. список].

Необходимо отметить, что паремий о жене гораздо больше, чем пословиц о муже. В пословицах даётся точная характеристика жены. В английских паремиях жена сравнивается с ключом, добротой, сокровищем, владением: *The wife is the key of the house (Жена – ключ к дому); A good wife makes a good husband (У хорошей жены и муж хороший); An obedient wife commands her husband (Послушная жена командует своим мужем); A man's greatest treasure is his wife – she is a gift from the LORD (Самое ценное сокровище мужчины – его жена, она подарок от Бога); Man's best possession is a loving wife (Лучшее владение мужчины – любящая жена); The first wife is matrimony, the second company, the third heresy (Первая жена – супружество, вторая – собеседник, третья – ересь).*

В узбекских пословицах хорошая жена – это хлеб насущный, весна, зеркало, красота, украшение, спутница. Примеры: *Яхшихотин – ярим ризк (Хорошая жена – половина хлеба насущного); Яхшихотин – хамиша баҳор (Хорошая жена – всегда весна); Хотин – эрга ойина (Жена – зеркало для мужа); Хотин – уйга безак, эрга – кўмак (Жена – украшение дома, помощница – мужу); Хотин – уйнинг зийнати (Жена – красота дома); Хотин – уйнинг чироғи (Жена – светильник дома); Хотин – умр йўлдоши (Жена – спутница жизни); Хотин – уйнинг гули, бола – дилнинг (Жена – цветок дома, ребенок – цветок сердца).*

Анализ материала позволил обнаружить значительное количество пословиц о жене с отрицательной оценкой. Как отмечает З.А. Биктагирова, «такое отношение к женам связано с эпохой зарождения паремий. Развитие матримониальных отношений и статус женщины в семье в патриархальный период, сохранявшийся вплоть до XX в., регулируются в значительной степени нормами религиозной морали (христианства – в Англии, ислама – у турков и татар) (у мусульман вообще. – О.У.). Женщина в паремиологии ассоциируется со слабостями, хаосом, муж – с достоинствами, порядком. Несомненно, на восприятие женщины влияет не только религия. Важно учитывать национально-культурные, исторические особенности народа» [Биктагирова 2007: 90].

Среди пословичных выражений встречается ряд паремий о злой жене. В английской паремиологии она сравнивается с дымом, дождем,

чертом: Three things drive a man out of his house – smoke, rain, and a scolding wife (*Три вещи гонят мужчину из дома: дым, дождь и сварливая жена*); A saint abroad and a devil at home (*Святая вне дома и черт дома*).

В пословичном фонде узбекского этноса злая жена сопоставляется с болезнью, дубинкой, адом, “компаньоном в еде”, плохой телегой, плохим семенем, даже врагом: Ёмон хотин дардсиз касалдир (*Плохая жена – неизлечимая болезнь*); Ёмон хотин ошга ўртоқ, бошга – тўқмоқ (*Злая жена – компаньон в еде, дубинка на голову*); Ёмон хотин эрга дўзах тилар (*Злая жена желает мужу ада*); Ёмон эшак ип узар, ёмон хотин уй бузар (*Плохой осёл обрывает нитку, плохая жена разрушает дом*); Ёмон арава йўл бузар, ёмон хотин – уй (*Плохая телега портит дорогу, злая жена – дом*); Ёмон деҳқон ер кўрир, ёмон хотин – эр (*Плохой деҳқанин не бережет землю, плохая жена – мужа*); Ёмон от олгунча, яёв юрган яхшироқ, ёмон хотин олгунча, бўйдоқ юрган яхшироқ (*Лучше ходить пешком, чем взять плохого коня, лучше быть холостым, чем жениться на злой жене*); Ёмон уруғдан яхши ҳосил кутма, ёмон хотиндан – яхши бола (*Не жди обильного урожая от плохого семени, от злой жены – воспитанного ребенка*); Ёмон хотин ёмон кунда қочар, яхши кунда кулиб бағрин очар (*Плохая жена убегает в трудный день, а хорошая жена в хороший день заключает в объятия*); Ёмон хотин олганнинг ёви уйида, икки хотин олганнинг дови уйида (*Кто женился на злой жене, его враг дома, у кого две жены, претензии дома*); Ёмонхотин ўлса, кенг тўшак қолар, яхши хотин ўлса, меҳнат, ғам қолар (*Если умрет злая жена, останется широкая постель, если умрет добрая жена – труд, печаль*); Ёмон хотин ҳайитда эридан чиқар (*Плохая жена разведется с мужем в дни Хайита (религиозного праздника)*). Пословица напоминает также, что Ёмон эркак тўй бузар, ёмон хотин – уй (*Плохой муж портит свадьбу, плохая жена – дом*).

Среди узбекских пословиц встречаются такие, где в одной пословице сопоставляются добрая жена со злой: Яхшихотин – уй бўстони, ёмонхотин – зимистони (*Хорошая жена – домашний сад, плохая жена – кромеиная тьма*); Яхшихотин – уйзийнати, ёмонхотин – тўй зийнати (*Хорошая жена – хозяйка дома, плохая жена – украшение свадьбы*); Яхшихотин – уйэгаси, ёмонхотин – йўл эгаси (*Хорошая жена – хозяйка дома, плохая жена – хозяйка дороги*); Яхшихотин – умр боли, ёмонхотин – жонзаволи (*Хорошая жена – мед жизни, плохая жена – смятение души*). В рассмотренных паремиях компонент «хотин» довольно часто имеет в виде определения прилагательные *яхши* и *ёмон*.

В некоторых случаях невозможно преобразить жену. В таких ситуациях англичане говорят: He that cannot beat the horse, beats the saddle (*Кто не может побить лошадь, тот бьет по седлу*). Аналогичная пословица имеется в русском языке: *Бил дед жабу, грозясь на бабу*. На эту тему известны следующие узбекские паремии: Болага тегма, балоси чиқар,

хотинга тегма, қасоси чиқар (*Не трогай ребенка, накличешь беду, не трогай жену, она отомстит*); Чала доврукка чоллар йиқилар, хотинни сўксанг, обрў тўкилар (*Обойденная слава сражает стариков, если ругаешь жену, подрываешь свой авторитет*); Бўлдирадиган ҳам хотин, ўлдирадиган ҳам хотин (*Жена и создающая, и убивающая*); Ёмон хотин эрига дўзах қилар (*Злая жена создаёт ад для мужа*).

С красивой женой могут быть связаны какие-то хлопоты. Некоторые пословицы учат мужей держать в строгости своих жен, советуют их контролировать. Англ.: Who has a fair wife, need smoreth an two eyes (*Тому, кто имеет красивую жену, нужно иметь больше двух глаз*); A fair wife and a frontier castle breed quarrels (*Красивая жена и приграничный замок порождают раздоры*); узб.: Бир хотиннинг макри қирқ эшакка юк бўлар (*Хитрость жены – товар на сорок ишаков*); Хотининг олтинга ўч бўлса, ўйнаши заргар бўлар (*Если жена любит золото, значит у нее любовник – ювелир*); Ёмон хотиннинг ўйнаши кўп (*У плохой жены много любовников*). Другая узбекская мудрость предупреждает: *Ўйнашга ишониб, эрсиз қолди*, т.е. понадеясь на любовника, осталась без мужа, имеющая значение “понадеявшись на кого-то-л., осталась ни с чем.”

Е.В. Иванова, проводившая исследование английских и русских пословиц в сопоставительном когнитивном плане, отмечает: «В силу релятивного по значению характера имен существительных *husband, wife, муж, жена* в тех случаях, когда в пословице представлен только один ключевой компонент, т.е. присутствует только один концепт на когнитивном уровне внутренней формы, второй, парный концепт в семантике пословицы всегда подразумевается. Однако номинация концепта предполагает его первоочередную значимость в когнитивной модели пословицы и соотнесенность разнообразных «отрезков знания» (когнитивем) именно с ним, тогда как парный концепт получает при этом лишь опосредованную характеристику. Поэтому, возможно, сделав оговорки, выделить пословицы с концептом *wife*, пословицы с концептом *husband*, пословицы с концептами *wife* и *husband*. Соответственно в русском – пословицы с концептом *жена*, пословицы с концептом *муж*, пословицы с концептами *жена* и *муж*» [Иванова 2003: 230].

В некоторых английских пословицах говорится о том, что в семье многое зависит от жены, в первую очередь семейное благополучие, она – равноправна с мужем, даже имеет больше прав, ”муж – голова, жена – шея”: *Man is the head, but woman turns it* (*Мужчина – это голова, но женщина вертит ею*). *The husband sings, the wife accompanies* (*Муж поет, жена аккомпанирует*). В следующих двух пословицах говорится о свойствах мужа и жены, важных и нужных для семейной жизни: *In the husband wisdom, in the wife gentleness* (*У мужа мудрость, у жены нежность*); *A deaf husband and a blind wife are always a happy couple* (*Глухой муж и слепая жена – всегда счастливая пара*).

В узбекских пословицах выражается близкая этим мысль: Хотиннинг ёмони – эрининг заволи, хотиннинг яхшиси – эрнинг камоли (*Злая жена – падение мужа, добрая жена – совершенство мужа*); Эр топувчан бўлса, хотин тақувчан бўлар (*Если муж много зарабатывает, жена нацепит серьги и носит перстень на пальце*); Эрдан – садокат, хотиндан – итоат (*От мужа – вера, от жены – покорность*); Эр қайнайди, хотин айнайди (*Муж кипит, жена отказывается от прежнего намерения*); Эр қоплар, хотин саклар (*Муж набивает в мешки, жена бережет*).

Как в английской, так и в узбекской паремиологии пословиц с концептом *муж* гораздо меньше, чем пословиц с концептом *жена*.

В паремиях отражаются характерные черты мужа, соображения, каким он должен быть, о главенствующей его роли. Особенно отчетливо идея о главенствующей роли мужа выражена в узбекских пословицах. Сравним: англ.: *A good husband makes a good wife* (*У хорошего мужа и жена хорошая*); *A good Jack makes a good Jill* (*У хорошего Джека и Джилл хорошая*). В английских пословицах компонент *husband* часто сочетается с прилагательным *good*. Узб.: Эр – айтмас, айтса – қайтмас (*Муж не скажет то, что сказал, не вернет сказанное*); Эр бор уйда зўр бор (*В доме, где муж, там сильный человек*); Эр – авра, хотин – астар (*Муж – лицевая сторона одежды, жена – подкладка*); Эр қаерда бўлса, хотин ҳам шу ерда (*Где муж, там и жена*); Хотин эр орқасидан – хотин, хотин хон орқасиданхоним (*Жена благодаря мужу – жена, жена благодаря хану – госпожа*). Как видно из содержания узбекских пословиц, паремии предписывают мужу быть единственным хозяином своей жены.

Известно, что у мужа и жены в течение жизни закрепляется духовное единение. Обычно в пословицах подчеркивается мысль о тесном союзе мужа и жены. Англ.: *If the husband be not at home, there is nobody* (*Если мужа нет дома, никого нет дома, т.е. без мужа жена – всегда сирота*); *There is one good wife in the country, and every man thinks he has her* (*В округе есть одна хорошая жена, и всякий муж полагает, что она у него, т.е. всякому мужу своя жена мила*); *In the husband wisdom, in the wife gentleness* (*В муже – мудрость, в жене – нежность*). Узб.: Хотин – эрга ойина, бири чойнак, бири – пиёла (*Жена для мужа зеркало, один из них чайник, другая – пиала (чашка)*); Хотин–эри билан, деҳқон–эри билан (*Муж с женой, деҳқанин с землёй*); Хотин – эрнинг вазири (*Жена – министр мужа*); Хотин – бўйин, эр – бош (*Жена – шея, муж – голова*).

Семейная жизнь не всегда бывает гладкой, иногда в ней бывают ссоры, что тоже отражают пословицы. Англ.: *A chimney without smoke is like a couple without argument* (*Труба без дыма–что семейная чета без споров*). Пословицы рекомендуют решать семейные проблемы в семейном очаге, а не за его пределами, советуют чужому человеку «не совать нос в супружескую жизнь». Англ.: *Put not thy hand between the bark and the tree* (*Не клади руку между корой и деревом*); узб.: Эр-хотиннинг

ўртасига эсини еган тушар (*В дела мужа и жены вмешивается сумасшедший*); Эру хотин уришар, нодон ўртага тушар (*Муж и жена ссорятся, глупец вмешивается в ссору*); Эт билан тирнокни ажратиб бўлмас (*Нельзя отделять ногу от мяса, т.е. нельзя разлучить родственников, в том числе мужа и жену*).

Есть пословицы, которые наставляют, как поступать в тех или иных ситуациях, например, английские пословицы: Choose a wife on a Saturday rather than on a Sunday (*Выбирай жену в субботу, а не в воскресенье*); Choose a wife rather by your ear than your eye (*Выбирай жену скорее ушами, а не глазами*); He that lets his wife go to every feast and his horse drink at every water, shall neither have good wife nor good horse (*Кто позволяет своей жене ходить на всякий пир, а своей лошади – пить у всякого водоема, у того не будет ни хорошей жены, ни хорошей лошади*); Who lets his wife go every feast and his horse drink at every water, shall neither have good wife nor good horse (*Тот, кто позволяет жене ходить на каждый пир, а лошади пить у каждого ручья, не будет иметь ни хорошей жены, ни хорошей лошади*); Marriage halves our griefs, doubles our joys and quadruples our expenses (*Супружество делит пополам наше горе, удваивает наши радости и учетверяет наши расходы*). Последняя поговорка по содержанию совпадает с русской: *С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне*.

Узбекские пословичные выражения часто содержат обобщения, порой метафизического характера: Эринг суйса, элинг суяр (*Любит муж – любит народ*); Хотинсизлик – меҳнат, хотинбозлик – лаънат (*Вдовство – несчастье, пристрастие к женищинам – проклятие*); Хотининг киз туғди деб ўпкалама, шернинг эркак-урғочиси баробар (*Не обижайся, что жена родила девочку, потому что у льва самец и самка равны*); Хотин олсанг, сайлаб ол, жиловини бошдан ол (*Если женишься, выбирай, вначале возьми бразды правления в свои руки*); Бокмасанг, молинг кетар, хўрласанг – хотининг (*Не кормишь – уходит скот, позволишь унижать – жена*).

Проведенное исследование показывает, что в разносистемных узбекском и английском языках паремий о жене больше, чем пословиц о муже. Основная масса пословичных выражений отражает значимость жены для мужчины, особой важность роли доброй супруги в доме. В английском языке отношение к главенствующему положению жены терпимое. В узбекских пословицах чаще говорится о качествах жены: о доброй жене и о злой жене. Пословицы отражают житейскую мудрость многих поколений, касающуюся устройства семейного уклада, отношений между мужем и женой, путей преодоления ссор и проблемы, возникающих в семье. Ряд пословичных выражений содержит прямые рекомендации для решения конкретных жизненных семейных противоречий.

Паремии о жене, муже и их взаимоотношениях являются частью паремиологического фонда языков. По справедливому замечанию В.М. Мокиенко, «пословицы и поговорки, пройдя через каналы устной и

письменной и масс-медийной традиции, продолжают жить, потому что без них любая речь остаётся лишь бесцветным средством передачи информации, не задевающей собеседника и читателя за живое» [Мокиенко 2010: 9]. Для лингвиста исследование паремиологических ресурсов остается перспективной базой когнитивного анализа разноструктурных языков.

Библиографический список

1. Бакиров П. Пословицы – энциклопедия народной жизни. Ташкент: Akademnahr, 2018. 176 с.
2. Ўзбек халқ мақоллари (2-томлик) / (Масъул муҳаррирлар Мирзаев Т., Саримсоқов Б.). Тошкент: Фан, 1987. Т. I. 368 б.; 1988. Т. II. 373 б.
3. Ўзбек халқ мақоллари / Тузувчилар Мирзаев Т., Мусоқулов А., Саримсоқов Б. Масъул муҳаррир Турдимов Ш. Тошкент: Шарқ, 2003. 512 б.
4. O'zbek xalq maqollari/Tuzuvchilar Mirzaev T., Musoqulov A., Sarimsoqov B.; Masul muharrir Turdimov Sh. Тошкент: Sharq, 2013. 512 b.
5. *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford University Press, 2003.
6. Биктагирова З.А. Концепт «Семья» в паремиологии английского, турецкого и татарского языков: Дис. ... канд. филол. н. Казань, 2007. 228 с.
7. Иванова Е.В. Пословичная концептуализация мира: Дис. ... докт. филол. н. СПб.: СПбГУ, 2003. 415 с.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА медиа групп, 2010. 2024 с.

А.Л. Шарандин

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В АСПЕКТЕ СООТНОШЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

(На материале русского глагола)

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

В статье представлен нетрадиционный взгляд на статус deverbatива как единицы синтаксической деривации в рамках соотношения формообразования и словообразования. Он рассматривается в одном ряду с другими единицами синтаксической деривации – причастием и деепричастием как особыми формами глагола. Представлено обоснование, что и deverбатив является особой формой глагола – субстантивной. Это позволяет исключить deverбатив из лексической классификации, поскольку грамматические формы не участвуют в ней.

Ключевые слова: словоизменение, формообразование, словообразование, синтаксическая деривация, deverбатив, особые формы глагола.

The article shows not traditional approach to de verbal status as the unit of syntax derivation in the frames of forming and word combination. It is shown in the same way as another units of syntax derivation – participles as a special verb's forms. There is a rationale that de verbal is the main form of verb – substantive.

Key words: word changing, forming, word forming, syntax derivation, de verbal, special forms of verb.

Первичной единицей, которая была создана человеком в результате познания действительности и оформлена звуковым способом (звуковой оболочкой), является слово как семиотическая единица, т.е. слово как языковой знак. Включение же семиотической единицы в коммуникативный процесс сопровождается ее изменениями не только в звуковом плане, но и в грамматическом, что приводит к существованию слова в виде определенного грамматического (морфолого-синтаксического) образования. В этом случае мы имеем соотносительность грамматической формы и ее значения, которое структурирует лексическое (семиотическое, знаковое) содержание слова. Поэтому любая речевая единица, т.е. включенная в высказывание, может быть охарактеризована как вторичная по отношению к семиотической единице. И с этой точки зрения термин «деривация» как процесс образования любой вторичной единицы употребляется в *широком смысле* – безотносительно к традиционному противопоставлению словоизменения и словообразования. В *узком же смысле* термин «деривация» соотносится с понятием словообразование в его противопоставлении к словоизменению.

В рамках настоящей статьи принимается широкое понимание деривации, но при этом выделяются ее виды, которые отражают специфику содержательных изменений во вторичной единице. Если деривация будет связана с изменениями в лексическом содержании слова, то мы имеем дело с *лексической деривацией*. Если изменения обусловлены синтагматическими отношениями между словами в составе высказывания, то перед нами *словоизменятельная деривация*, результатом которой будут морфологические формы (словоформы). Если изменения обусловлены синтаксической позицией, отражающей первичные и вторичные синтаксические функции частей речи, то характер деривации может быть определен как синтаксический, т.е. мы имеем результаты *синтаксической деривации*. В этом случае принято говорить не о словоизменении слова, а о том, что слово имеет какие-то формы. Ср., например, глагол изменяется по лицам и числам, но имеет формы причастия и деепричастия. Таким образом, морфологическая деривация и синтаксическая деривация, различаясь между собой, могут быть объединены в рамках общего процесса формообразования.

Свое расширение за счет синтаксического формообразования понятие деривации получило после известной работы Е.Куриловича «Деривация лексическая и деривация синтаксическая». По его мнению, «синтаксический дериват – это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией; она обладает синтаксической морфемой» [Курилович 2013: 32]. В принципе такое определение синтаксической деривации вполне соотносимо с достаточно распространенным пониманием форм слова как вторичных образований, не различающихся между собой лексически, но различающихся грамматически, причем не только не морфологическими, но и синтаксическими значениями.

В качестве синтаксических дериватов в системе русского глагола обычно выделяют причастие, деепричастие и девербатив. Однако данные образования, имея одну и ту же деривационную природу, не оказались в одном классе, а получили разный категориальный статус: причастие и деепричастие рассматриваются как формы глагола, а девербатив как результат собственно словообразования, т.е. лексической деривации. Поэтому возникает вопрос о том, что является основанием для такого решения.

Можно предположить, что ответ следует искать в характере семантических различий, а именно: категориальная семантика причастий и деепричастий – это грамматическая семантика, а образование девербатива связано с лексическими изменениями в его семантике. Однако последнее часто не подтверждалось лингвистами. Так, еще Ф.И. Буслаев, отмечая отсутствие лексических различий между глаголом и девербативом, писал: «Выражения: “*восход солнца, посев пшеницы, густота леса*” – вышли из предложений: «*солнце восходит, пшеница посеяна, лес густ*» [Буслаев 1992: 194], т.е. здесь подтверждается его мысль, что «изменения их (частей речи – *А.Ш.*) получают свой смысл по месту, занимаемому в предложении» [Буслаев 1992: 194].

На наш взгляд, критерием для разграничения собственно словообразования (по нашей терминологии, лексеообразования) и формообразования является *модель мотивации*, которая принципиально разная в этих случаях. В словообразовании структура производного слова-лексемы включает в себя мотивирующее слово и формирующую часть, непосредственно связанную с формированием нового понятия: *учитель – тот, кто учит* и т.п., или вносящую дополнительный признак в предметно-понятийное содержание производной лексемы (например, *переучивать – учить заново, поучивать – учить некоторое время слегка*). Другими словами, в лексеообразовании производная структура отражает «родословную», по крайней мере, двух взаимосвязанных языковых знаков (*учить* и *человек*). В случае же с причастиями и деепричастиями представлена, по существу, «родословная» одного знака (*учить*), только в разных синтаксических позициях. Мы имеем видоизменение языкового знака в плане частеречного его уподобления по грамматической форме языковому знаку, который употребляется в позиции определения или обстоятельства. Это семантическое видоизменение оказывается отмеченным, по выражению Е. Куриловича, «синтаксической морфемой». Но при этом не осуществился перевод языкового знака «*учить*» в новый предметно-понятийный класс. Собственно словообразования здесь не наблюдается. Формирующая часть имеет грамматический характер, который обусловлен синтаксическим функционированием глагола во вторичной для него синтаксической позиции. В результате, например, *учивший* воспринимается как

позиционный атрибутивный признак, присущий прилагательному, по действию глагола *учить*.

В отличие от мотивационной модели синтаксических форм, мотивационная модель морфологических форм лексемы демонстрирует альтернативные отношения [Бондарко 1976: 103].

Таким образом, термин «формообразование» оказывается общим для двух типов (видов) деривации, связанной с грамматикой и представленной морфологической и синтаксической деривацией. С целью их терминологического разграничения данных процессов и их единиц мы предложили сохранить за морфологическим формообразованием термин «словоизменение», а синтаксическое формообразование обозначить термином «трансформация». Соответственно, в качестве их единиц выступают *словоформы* и *трансформы*. Однако, как я отметил ранее, категориальная природа такой трансформы, как девербатив не оказалась в одном ряду с причастием и деепричастием, поскольку он рассматривается в качестве самостоятельной лексемы, образованной от глагола. Поэтому логично, прежде всего, сравнить мотивационные модели причастия и деепричастия, с одной стороны, и девербатива, с другой.

Возьмем конкретные синтаксические дериваты, например, глагола **читать**: причастие **читающий** обозначает временной адъективный признак по глаголу *читать*; деепричастие **читая** – обстоятельственный признак, обозначающий дополнительное действие, по глаголу *читать*; девербатив **чтение** – действие как предмет (объект) мысли по глаголу *читать* (или в словарях – действие по значению глагола *читать*). Достаточно очевидно, что в лексическом плане причастие, деепричастие и девербатив тождественны глаголу, но отличаются от него семантикой, которая регулярна и предсказывается их синтаксической позицией. Позиция определения для причастия позволяет воспринимать действие в атрибутивном значении в его единстве с предметом, который он характеризует (**читающий книгу ребенок радуется родителям**). Позиция обстоятельства, присущая деепричастию, обуславливает восприятие действия через призму дополнительного признака по отношению к другому действию (**читая книгу, ребенок заснул**). Позиция подлежащего делает восприятие действия предметом мысли по отношению к его предикату (**чтение книги полезно для развития ребенка**).

Конечно, если у отглагольного образования появляется в мотивационной модели формантная часть с обозначением предмета (субстанции), то в этом случае *нет девербатива, субстантивной формы глагола*, а есть подлинное производное существительное. В результате мы имеем омонимичные образования. Так, например, слово *вывеска*, связанное с глаголом *вывесить* – *вывешивать* в значении «поместить, повесить для обозрения, для всеобщего сведения», оказывается как девербативом, так и подлинным существительным. Если оно обозначает «действие по значению глаг. *вывесить* – *вывешивать*» [МАС 1984: 247], то это девербатив. В таком

же толковании представлено в словаре и слово *вывешивание* по отношению к *вывешивать* [МАС 1984: 248]. Таким образом суффиксы *-к-* и *-ниј-* отражают результат синтаксической деривации.

Однако слово *вывеска* может иметь предметное значение. Это находит отражение в мотивационной модели: *вывеска* – *доска* с надписью или рисунком, обозначающими название или род деятельности предприятия, учреждения и т.п.» [МАС 1984: 247]. В этом случае перед нами собственно словообразовательное значение, выраженное суффиксом *-к-* с предметным значением.

В результате, на наш взгляд, произошла *перекатегоризация*, которая свидетельствует о концептуальной деривации [Болдырев 2018: 189], когда в качестве концептуальной производящей базы используется предметная субстанция. В этом случае происходит перемещение языковой единицы из одной категории в другую в силу того, что концептуальное содержание первичной единицы осмысливается в рамках нового категориального класса, в рамках новой категории, которая обеспечивает формирование и развитие нового концептуального содержания. Происходит ментальный процесс перераспределения концептуальных характеристик: сущностные характеристики первичной единицы оказываются фоном, на базе которого формируется другое концептуальное содержание, в результате чего появляется новый концепт, вербализуемый омонимичной языковой единицей.

В этом случае словарь должен отразить омонимичность слов *вывеска* с девербативным (глагольным) содержанием и с собственно субстантивным (предметным) значением, представляя их значения в разных словарных статьях. На наш взгляд, девербатив логично и целесообразно помещать в словарную статью того глагола, от которого образована эта трансформа, а собственно существительное, являющееся результатом лексемообразования, будет иметь свою самостоятельную статью.

Итак, признавая девербатив *субстантивной формой глагола*, мы не отрицаем ее семантико-грамматической специфики, как не отрицали в случаях с причастием и деепричастием. Мы просто ставим их в один ряд – *особых форм глагола* (более подробно в: [Шарандин 2009]), которые являются результатом синтаксической деривации.

В категориальном плане данные трансформы объединяет такое свойство, как *гибридность*. Поэтому в лингвистической литературе они характеризуются как «гибридные языковые знаки» или как «противоречивые знаки». Суть глагольной «гибридности» заключается в том, что, будучи образованными от глагола, гибридные образования имеют лексические значения, которые структурированы не только грамматическими признаками (категориями) глагола, но и других частей речи. Так, в частности, причастие характеризуется грамматическими признаками глагола и прилагательного. Это позволило некоторым исследователям усматривать в гибридности,

например, причастия особый статус – самостоятельной части речи. В этом случае синтаксический дериват в виде причастия оказывается результатом словообразования, подобно девербативу. Однако большинство лингвистов, отмечая гибридный характер, рассматривают, в частности, причастия в качестве особой формы глагола, а не в качестве самостоятельного слова, созданного на базе собственно словообразования (лексемообразования).

В качестве языкового механизма синтаксической деривации выступает трансформация, которая позволяет осуществлять различного рода преобразования, не приводящие, однако, к лексическим изменениям в семантической структуре производных образований. Эти преобразования приводят к изменениям актантной схемы предложения, которые значимы в коммуникативном плане. Ср. *Я вас любил / Любовь еще, быть может, в душе моей угадала не совсем (А. Пушкин). Он рано познал любовь. Из-за любви многие теряют голову. Любви все возрасты покорны. Жить одной любовью безрассудно. В любви он вновь обрел себя.* В этом случае актуализируется концептуальное содержание данных форм, но при этом сохраняется связь с лексической семантикой глагола. Так, девербатив позволяет в тематической позиции воспринимать глагольную информацию безотносительно к модально-временным характеристикам. В результате процессуальный признак интерпретируется как некая самостоятельная сущность, для которой нерелевантна его связь с носителем процесса, ибо сам процессуальный признак становится предметом мысли и оказывается носителем предиктируемых признаков.

При этом важно отметить, что знания, которые отражены в словоформах и трансформах, имеют различную природу. *Словоформы* как морфологические репрезентанты концептуализации мира и языка демонстрируют знания об отношениях между словами как языковыми знаками в составе высказывания. В трансформах же (синтаксических дериватах) присутствуют знания о первичных и вторичных синтаксических функциях частей речи в той или иной синтаксической позиции. В частности, девербатив в качестве единицы номинализации может рассматриваться как свернутый текст, упакованный в субстантивную форму в составе текстовой структуры, которая таким способом хранит в своей памяти предикативную когнитивно-пропозициональную информацию глагола как части речи.

Таким образом, по отношению к синтаксической деривации целесообразно, на наш взгляд, принять решение, согласно которому синтаксические дериваты, без исключения, – это *результат формообразования*, а не собственно словообразования.

Библиографический список

1. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М., 2018.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
3. Буслев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992.

4. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Морфология современного русского языка: хрестоматия. СПб., 2013. С. 29-39.
5. МАС 1984: Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. М., 1984.
6. Шарандин А.Л. К вопросу о языковом статусе девербатива // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С.Кубряковой. М., 2009. С. 267-277.

Е.М. Шептухина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК МАРКЕРЫ ВИДОВ ДОКУМЕНТОВ XVIII века¹

Волгоградский государственный университет

В исследовании решается одна из лингвистических задач, которые возникают в процессе создания диахронического лингвистического корпуса. В результате сопоставительного рассмотрения документов фонда Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области выявлены лексические маркеры, необходимые и достаточные для автоматического атрибутирования жанра документов.

Ключевые слова: региональная деловая письменность, история русского делового языка, лингвистический корпус, лексика, документ, жанр.

The purpose of the study is to solve the problem of automatic genre attribution when compiling a diachronic linguistic corpus that comprises texts of documents from the Fund of Mikhailovsky Stanichny Ataman, which is part of the Volgograd Region Fund of the State Archive. As a result of a comparative analysis, lexical markers for automatic attribution of the text genre have been identified.

Key words: regional business writing, history of the Russian business language, linguistic corpus, document, genre, vocabulary.

Целью проекта, в рамках которого выполнено исследование, является создание диахронического лингвистического корпуса локальных деловых документов. В качестве материала для работы избран фонд Михайловского станичного атамана (Государственный архив Волгоградской области, фонд 332, опись 1, дела 1-158, 1734-1837 гг.), поскольку в нем отложились документы, которые функционировали в одной языковой среде (южнорусские говоры), объединены местом создания (канцелярия Войска Донского, канцелярия Михайловской станицы Войска Донского), преемственностью правил составления и писцовыми традициями.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00246 «Параметризация текстов как основа создания лингвистического корпуса архивных документов XVIII-XIX вв. канцелярий Войска Донского».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of research project no. 19-012-00246 "Parameterization of Texts as a Base for Creating the Linguistic Corpora of Archive Documents of the 18th-19th c. of Don Cossack Host Chancelleries".

Полноту представления источников в корпусе обеспечивает их аннотирование (метаразметка). Для реализации такого типа разметки текстов (о других видах разметки, которая осуществляется участниками проекта см.: [Комендантов и др. 2019]) требуется решение ряда лингвистических задач, связанных с определением ее параметров и выявлением их речевых маркеров. Так, в фонде представлены войсковые грамоты, доношения, рапорты, прошения, предложения, промемории, сказки, письма, подорожные, высочайшие указы, приговоры, списки казаков, реестры, записи о почтовых отправлениях, о казаках, расписки, ведомости прихода / расхода денег, покормежные, сообщения, справки, известия, определения военного суда, доездные памяти и др. Жанровое разнообразие документов обуславливает необходимость выработки критериев их жанровой (видовой)¹ параметризации, на основе которой может осуществляться метаразметка, позволяющая автоматизировать обработку всего массива источников и обеспечить поиск информации по их метаданным.

В предыдущих публикациях членов исследовательского коллектива на основе обработанных документов 1734-1800 гг. в качестве жанровых параметров были определены: «название документа», «адресант», «адресат», «функция», «структура», «характер передаваемой информации», «пространственно-временная локализация» [Горбань и др. 2016; Косова 2019]. При этом важно отметить, что «параметры жанра соотносятся с общими текстовыми категориями и свойствами документа; эксплицированы в речевой структуре текста разноуровневыми средствами языка и допускают вариативность; взаимодействуют между собой, и это взаимодействие не линейное, а многовекторное и разноплановое» [Горбань и др., 2016: 184]. Выявлены речевые средства реализации перечисленных параметров в документах середины и второй половины XVIII века, активно функционировавших в этот период на территории Войска Донского и широко представленных в исследуемом материале: в войсковых грамотах [Горбань и др. 2016; Косова 2016; Шептухина 2017], доношениях [Горбань 2019; Сафонова 2017], рапортах [Горбань 2019; Косова 2016], пашпортах [Косова 2019], предложениях [Сафонова 2018]. Кроме того, в предыдущих публикациях участников проекта охарактеризованы жанровые параметры единичных документов, в частности сказок [Шептухина 2019] и писем [Тихонова 2019].

В указанных работах описание архивных источников в жанровом аспекте выполнено в рамках единого подхода, что позволяет провести их сопоставление и выявить маркеры, необходимые и достаточные для автоматического атрибутирования вида документов. Как представляется, оптимальными (технически и содержательно) для этого являются языковые

¹ Документоведческий термин «вид документа» и лингвистический термин «жанр документа» используются в проводимом коллективном исследовании как синонимы.

средства лексического уровня. В статье рассмотрим параметры, лексические средства реализации которых обнаруживают различия.

Параметр «название» является определяющим для атрибутирования вида документа, поскольку название, как отмечает А.П. Качалкин, «объясняет практическое назначение, главную функцию документа, его употребление и использование. <...> Продуманные, содержательные имена упорядочивают состав и систему документов, а через документы – хозяйственную, политическую, культурную жизнь государства <...> удачно подобранное имя документа способствует более успешной деловой коммуникации. Имя – своеобразная интерстиция между системой условий документной коммуникации и правилами построения и языкового оформления документа, между функционированием текста и его строением» [Качалкин].

Большинство документов, отложившихся в фонде, имеют самоназвание. В доношениях, рапортах (репортах), прошениях, промемориях, реестрах оно вынесено в заголовок, расположено по центру страницы и отделено отступами от предшествующего и / или следующего текста (см., например: [Горбань 2019: 52]). В этом случае маркером вида документа служит лексема, называющая документ и употребленная в форме Им. п. ед. ч. В войсковых грамотах, сказках, письмах и др. название включено в структуру предложения и может употребляться не только в именительном, но и в косвенных падежах. В таком случае при создании алгоритма автоматического определения жанра учитывается, что в атрибутируемых документах может содержаться отсылка к источникам (другим документам), на основании которых они составляются, например: *по по силе нашей войсковой грамоты, по указу ея императорского величества, по присланной к нам промемории*. Для разграничения содержания создаваемого документа и содержания источников, инициирующих его появление, используется указательное местоимение *сей*, например: *сия войсковая грамота, сию войсковую грамоту, по сей войсковой грамоте; сия сказка, сию сказку; сие письмо*. Таким образом, маркером вида документа является сочетание *сей* + название документа.

Параметр «адресант» характеризуется разнообразием лексических средств выражения. Как правило, это существительные, обозначающие статус лица в войсковой иерархии – *атаман, старшина, казаки, старики* и др. – и антропонимы. Все они входят в состав типовых речевых формул выражения адресанта, которые сближаются в документах разных видов, ср., например, лексическое наполнение этих формул в доношениях: *от старшины* [имя], *от казака* [имя], рапортах: *от станищного атамана* [имя] *стариков и казаков*, сказках: *Михайловскои станицы станищной атаман* [имя], *старики* [имя] *и всей станицы казаки* [Горбань 2019, Шептухина 2019]. Следовательно, такие единицы не могут служить маркерами для автоматического определения жанра. Исключением являются войсковые

грамоты. В них используется стандартная формула обозначения адресанта – существительные, употребленные в Род. п. с предлогом *от*, обозначающие статус лица в войсковой иерархии, а также административно-территориальную единицу – Войско Донское. Например: *От донских атаманов и казаков от г(о)с(по)д(и)на войскового атамана данила ефремовича и от всего Войска Донского*. Адресант войсковой грамоты – всегда коллективный, хотя в тексте имеется указание на конкретное лицо, но оно называется не как самостоятельное, а в числе других лиц (всех казаков), от имени которых составляется документ, что объясняется коллегиальностью управления Войском. Наполнение этой позиции варьируется, а формула *От донских атаманов и казаков ... и от всего Войска Донского* стабильно воспроизводится. Ее наличие в тексте позволяет атрибутировать документ как войсковую грамоту.

Изучение структуры войсковых грамот, доношений, рапортов, паспортов, сказок и др., то есть документов, содержащих связный текст и обеспечивающих деловую коммуникацию внутри Войска, показало, что они имеют мотивировочную часть и часть, содержащую распоряжение, предписание, информацию о существе дела и т.д. (см., например: [Горбань и др. 2016; Горбань 2019; Косова 2019; Шептухина 2019]), которая вводится глаголом речи, выражающим коммуникативное действие. Как правило, это перформатив: *объявляемъ* ('сообщаемъ'), *доносимъ*, *репортуемъ*, или форма 3 л. настоящего времени в перформативном употреблении: *о сем доносит казак Тимофей Моргунов*. Кроме того, в сказках коммуникативное действие может быть обозначено глаголом в форме прошедшего времени: *сказкой сказали*. Выражающие коммуникативное действие глаголы *доносить*, *репортовать*, *сказать* связаны словообразовательными отношениями с существительными, являющимися названиями документов (*доношение*, *репорт*, *сказка*), что обеспечивает их четкую соотнесенность с видом документа и обуславливает возможность их использования в функции лексических маркеров для автоматического атрибутирования жанра. Лексическим маркером жанра является и перформатив *объявляемъ*, поскольку он употребляется только в войсковых грамотах.

В реализации параметра «пространственно-временная локализация» документы разных видов обнаруживают существенные сходства (однотипно указывается на дату и место составления документа). Однако в пашпортах и войсковых грамотах регулярно воспроизводятся речевые формулы *данъ в Черкасском* (пашпорт) и *писана в Черкасском* (войсковая грамота), отличающие эти документы от документов других видов. Маркерами жанра являются здесь глагольные формы, отражающие процесс делопроизводства и в сочетании с топонимом указывающие на место создания документа. Эти речевые формулы могут быть включены в алгоритм автоматического определения жанра.

Итак, в результате проведенного сопоставления документов фонда в жанровом аспекте выявлены лексические маркеры, необходимые и достаточные для машинного атрибутирования вида документа, которое позволит автоматизировать обработку всего массива источников, включая документы, не имеющие названия, и обеспечить возможность поиска информации по таким метаданным, как жанр. Набор маркеров может быть уточнен в процессе апробирования компьютерной программы, посредством которой осуществляется обработка документов фонда.

Библиографический список

1. Горбань О.А. Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в.: источниковедческий анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 45-59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>
2. Горбань О.А., Ильинова Е.Ю., Косова М.В., Шептухина Е.М. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда Михайловский станичный атаман) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 4 (157). С. 182-199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074
3. Качалкин А.Н. Русские документы до XVIII века. URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_136.html
4. Косова М.В. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // Текст в языке, речи, культуре : сб. науч. ст. Минск : РИВШ, 2016. С. 123-134.
5. Комендантов А.С., Матвеев А.Г., Светлов А.В. Автоматизация морфологической разметки архивных документов // Математическая физика и компьютерное моделирование. 2019. Т. 22, № 4. С. 53-63. Препринт.
6. Косова М. В. Жанровые параметры паспорта середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. 2019. Т. 18, № 2. С. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>
7. Сафонова И.А. Структурные и речевые особенности доношений XVIII века (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Документ как текст культуры. Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2017. С. 48-52.
8. Сафонова И.А. Композиционно-речевые особенности предложений канцелярии Области Войска Донского (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: сборник статей по материалам Междунар. науч. конф. «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 1-3 декабря 2017 г.). Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. С. 274-280.
9. Тихонова Н.И. Реализация жанрового параметра "локальность" в региональных деловых письмах середины XVIII в. // Молодой ученый. 2019. Т. 1, № 18. С. 71-73.
10. Шептухина Е.М. Сфера субъекта региональных документов XVIII века: динамический аспект // Научный диалог. 2017. № 1. С. 46-59.
11. Шептухина Е.М. Жанровые параметры сказки как документа середины XVIII века в аспекте создания лингвистического корпуса // Научный диалог. 2019. № 11. С. 114-129. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-114-129

АББРЕВИАТУРНЫЕ ЖАРГОНИЗМЫ И СЛЕНГИЗМЫ КАК ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО СТАТУСА

Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И Вавилова

Специфика бытового дискурса, представляющего собой тип лично-ориентированного вида дискурса, состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый (сокращаемый) код общения, когда актуальной является многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего. Сокращения, употребляемые в бытовом дискурсе, относятся, в основном, к сфере молодежного сленга. Высокая степень образования неологизмов и сленгизмов по способу аббревиации свидетельствует об активности аббревиатурных процессов, поскольку сленг быстрее других языковых слоев отражает тенденцию к экономии средств языкового выражения.

Ключевые слова: аббревиация, дискурс, типы дискурса.

The specificity of domestic discourse, which is a type of personality-centered view of discourse, is the desire to squeeze the maximum transmitted information, go to special (abbreviated) code of communication when the current is varied estimated-modal emotional qualification of what is happening. Abbreviations used in everyday discourse, belong essentially to the sphere of youth slang. A high degree of formation of neologisms and slang by way of the abbreviations indicates the activity of abbreviated processes, as the slang faster than the other layers of language reflect the tendency to savings of linguistic expression.

Key words: abbreviation, discourse, types of discourse.

Параметр социального статуса играет ведущую роль в дифференциации лексики, определяя регистр, тональность ситуации, сферы общения и, детерминируя возрастной, образовательный, профессиональный параметры, служат связующим звеном между ситуативной вариативностью и вариативностью стратификационной [Горшунов 2000]. Территориальный, этнический, половой, возрастной и профессиональный параметры могут влиять на дифференциацию аббревиатурной лексики, которая, будучи проведенной по возрастному принципу, становится особенно осознаваемой в связи с выделением молодежного жаргона. Развитию данной тенденции способствуют естественные инновационные процессы.

В контексте молодежного жаргона аббревиация приобретает особую специфику, так как отвечает потребностям языковой экономии. Круг денотатов аббревиатурных названий молодежного жаргона достаточно широк во всех языках: от наименований лиц, предметов и учреждений до абстрактных понятий. Наиболее общими экстралингвистическими признаками, обуславливающими формирование молодежной лексики, являются наряду с обиходно-бытовой областью общения конкретно-предметный способ мышления и конкретный характер содержания; неофициальность, естественность, доверительность общения; неподготовленность речи и ее необработанный характер, автоматизм.

Молодежный жаргон выполняет определенные психологические функции, являясь средством снятия напряжения, сознательного нарушения табу и бессознательного табуирования, конформизма по отношению к окружающей речевой среде.

При этом стремление к экспрессии новизны – причина заимствования многих иностранных слов как более престижных и выразительных, как дань моде, как пародирование речи героев модного фильма, как подражание речи определенных кругов носителей языка. Аббревиатуры могут быть просто заимствованы из новой песни. Если в России 60–80-х гг. считалось, что иностранные слова аттестуют говорящего в социальном плане более высоко, показывают его уровень информированности, то через двадцать лет злоупотребление словами иноязычного происхождения в молодежной среде приобретает негативный характер и расценивается как инспирация. Заимствования происходят в основном в сфере музыки (*ди-джей* < *D.J.* < *disk jockey*) и наркотиков (*хэш* < *hash* < *hashish*); при этом иногда сохраняется иноязычное написание.

В настоящее время многие из аббревиатур молодежного жаргона могут переходить в общий слой разговорной речи и употребляются независимо от возраста, ср.: *Сид* < *Сидней*, *Оли* < *Олимпиада*, *Милан* < *Миллениум*, *транк* < *транквилизатор*, *фен* < *фенатамин*, *яппи* < *yuppie* (яппи) < *young urban professional* или *young upwardly-mobile* ‘успешно делающий карьеру’ *professional* (иногда употребляют и другое близкое сокращение – *yumpie*). Существует еще одна эквивалентная единица *уар* < *young affluent (состоятельный) professional*. Слово *yuppie* было образовано по акронимической модели таких слов, как *hippie*, *yippie*, *preppie*, осложнено суффиксом *-ie* (*yuppies*), часто употребляемым для придания уменьшительно-уничижительного значения существительному (возможно и несколько отличное написание – *yurpy*), и само явилось основой для появления *birppie* < *black* + *yuppie* ‘чернокожий яппи’. Аббревиатура возникла в середине XX в. в Нью-Йорке и обозначала амбициозных, стремящихся к быстрому продвижению, материалистически настроенных, обычно преуспевающих, хорошо оплачиваемых и всегда чрезвычайно чувствительных к моде молодых людей, их отличительной чертой были кроссовки, носившиеся вместе с деловым костюмом.

В 80–90-е гг. XX в. апокопа становится одним из продуктивных способов образования неологизмов молодежного сленга (более 15% всех неологизмов, в настоящее время образуются по способу апокопы [Заботкина 1989: 36]. Употребление различных разрядов аббревиатур регулируется действием соответствующих прагматических принципов, в которых определяющим фактором является прагматическая установка как проявление интенционального состояния, выражающего определенную ментальную направленность субъекта к действительности [Горшунов

1999]. В colloquial лексике русского языка аббревиация также стала одним из самых распространенных способов образования новых слов.

Молодежный жаргон в плане способов образования аббревиатур отличается повышенным обращением к не очень типичной для него модели – финальному и даже медиальному усечению: *студ* < *студент*, *препод* < *преподаватель*, *универ* < *университет*, *фак* < *факультет*, *мед* < *медицинский институт*, *пед* < *педагогический институт*, *гос(ы)* < *государственные экзамены*, *фан* < *фанатичный приверженец*, *поклонник чего/кого-либо*, *попса* < *музыка (или исполнитель) в жанре поп-музыки*, усечения часто сопровождаются суффиксацией, причем суффиксы также не являются в языке продуктивными, ср. *общага*, *музон*, *абитура* < *абитуриент*, *клюха* < *Клуб Любителей Хиппи* ‘человек, сочувствующий хиппи’, ‘хиппи с небольшим стажем’, *зоя* < *змея особо ядовитая 'злюка'*. Нередко создание новых единиц осуществляется по модели телескопии, ср.: *мозжечокнутья* < *мозжечок* + *чокнутья* ‘сойти с ума’, *ландафишиц* < ‘учебник физики Ландау и Лифшица’ или универбации, ср.: *академка* < *академический отпуск*, *линейка* < *линейная алгебра*, *автомат* < *зачет*, *полученный автоматически*.

С 60-х годов 20 в. в русской разговорной речи широко представлена суффиксальная универбация атрибутивного словосочетания; процесс словообразования идет по пути создания имен существительных женского рода с суффиксом – к(а), образованных по одному типу, ср.: *варенка* < “вареная“ *джинсовая ткань*, *Дрезденка* < *Дрезденская галерея*, *копирка* < *копировальная бумага*, *музыкалка* < *музыкальная школа*, *попутка* < *попутная машина* и др. Возрастает также употребление сниженной лексики в речи в различных стилях речи и жанрах, а особенно, в средствах массовой информации, многочисленны и разнообразны, ср.: *обменник* < *пункт обмена валюты*, *мобильник* < *мобильный телефон*, *дутик* < *дутая куртка*, *оэртэшник* < *сотрудник телеканала ОРТ*, *Склиф* < *Склифосовский* < *больница им. Склифосовского*; *силовик* < *руководитель силового министерства, ведомства или крупного подразделения*.

Значительная часть данных разговорных наименований представляет собой суффиксальные существительные, образованные на базе словосочетаний прилагательное + существительное. Сниженные элементы могут выстраиваться в трехчленные синонимические ряды. Так, нейтральная номинация *пятиэтажный дом* имеет три сниженных синонима: *пятиэтажка* (разг.) – *хрущевка* (прост.) – *хрущоба* (жаргон). Слово *пятиэтажка* представляет собой суффиксальный универб или универбат, созданный на базе словосочетания; *хрущевка* – производная лексическая единица с суффиксом –к(а) от фамилии Хрущев, при котором строили подобные дома; *хрущоба* – каламбурное скрещение начальной части фамилии Хрущев и конечной части слова *трущоба*; ср.: “*Московский*

проект реконструкции пятиэтажек медленно отмирает (заголовок). Лет через десять "хрущевки" сами рассыплются".

И хотя признак непроницаемости подразумевает, что внутрь слова нельзя вставить другое слово, модель "телескопных" сокращений, или слияний как раз основана на принципе "вставки", его использование предполагает включение начальной части одного слова и конечной части другого. Этот словообразовательный телескопический прием в основном является скорее речевым, чем языковым; с его помощью чаще всего создаются речевые окказионализмы. В случаях, когда многословное наименование свертывается в однословное, принцип экономии проявляется еще резче: эксплицитная модель заменяется имплицитной. Полученный в результате конденсат, или универб, часто становится единицей языка, ср.: *"Так же поступают и местные комментаторы: "Яблочники" (< члены партии Яблоко) знамениты тем, что они всегда как бы в оппозиции"*; *температура < высокая температура, федералы < федеральные войска* и начинает восприниматься его носителями при возрастании частотности ее употребления. Аббревиация также относится к явлениям семантической конденсации, так как производные сокращенные слова представляют собой эквиваленты словосочетаний, служащих для них комплексной (неоднословной) мотивирующей основой, ср.: *компромат < компрометирующие материалы, общепит < общественное питание*. По значению подобные аббревиатуры эквивалентны мотивирующему словосочетанию. Однако иногда происходит утрата соотносительности между сокращением и словосочетанием, а, следовательно, и словообразовательной мотивированности аббревиатуры, другими словами, происходит опрощение.

Образование производных от аббревиатур становится возможным по основанию: 1) высокой частотности употребления аббревиатуры; 2) социальной значимости обозначаемого понятия; 3) стирания внутренней формы вследствие а) несоотнесения аббревиатуры в речевом акте с полным наименованием; б) незнания расшифровки аббревиатуры; в) расхождения аббревиатуры и полного наименования в значении; г) изначального несовпадения их в значении. Достаточно часто процесс отаббревиатурного словообразования, сопровождаемый всевозможными измененными коннотациями и структурно-семантическими изменениями, идет на базе уже устаревших единиц, ср.: *совок* (усечение-универб) < *советский человек* → *совково* (нареч.) 'по-советски, некачественно, бессмысленно', *совковый* (прил.) 'соответствующий советскому образу жизни или мышления', *совковость* (собр. сущ.) 'совокупность отрицательных качеств, свойственных советским людям', *Кирзавод* (сложносокр. слово) < *завод им. С.М. Кирова* → *кир* 'пьянство' → *кирать* (гл.), *совдеп* < *Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов* → *Совдепия* (собр. сущ.), *совдеповский* (прил.), *БАМ* < *Байкало-Амурская магистраль* → *послать на*

бам 'послать к черту', *нарком* (слогоморф. образование) < *народный комиссар* → *нарком* 'наркоман'.

Чем более социально актуальна аббревиатура, тем быстрее она обрастает производными, тем многочисленнее гнезда родственных слов (ср.: *бомж* → *бомжиха*, *бомжонок*, *бомжатник*, *бомжеский* / *бомжовский*, *по-бомжовски*, *бомжеватый*, *бомжевать*, *бомжировать*, *обомжиться* и др.). Актуальность возможностей аббревиатур выступать в качестве производящих основ возможна благодаря повышению уровня аббревиации как способа словообразования.

Отаббревиатурные образования обычно возникают в устной разговорной речи как более экономные, а часто и более выразительные синонимы многословных наименований. Именно краткость и экспрессивность позволяют им не только широко распространяться в устной речи, но и проникать в текстовые массивы других типов дискурса. Условием их распространения является благозвучность, информативность вновь создаваемых единиц, их соответствие внутренним законам развития языка. В качестве производящих основ выступают все типы аббревиатур. Производные единицы создаются по продуктивным в современном русском языке словообразовательным типам в основном морфологическим способом: суффиксальным, префиксальным, префиксально-суффиксальным, постфиксальным, префиксально-постфиксальным, словосложением, то есть в системе отаббревиатурного словопроизводства реализуется 55 словообразовательных типов существительных и 22 словообразовательных типа прилагательных.

Наречия образуются от аббревиатур не так активно, как существительные и прилагательные, (ср.: *по-вазовски*, *по-элдэнээровски*). Образование глаголов от аббревиатур происходит крайне редко. В их создании большую роль играет использование говорящим «приёма языковой игры». Почти все отаббревиатурные глаголы сугубо окказиональны в силу необычности участия аббревиатурной основы в среде глагольного словопроизводства, хотя создаются они аналогично по продуктивным в русском языке (в образовании глаголов) словообразовательным типам. Преобладающими являются глаголы несовершенного вида с суффиксом -и(ть), образованные от аббревиатур, обозначающих лиц по профессии (ср.: *завклубить*).

Наряду с русскими аббревиатурами в словообразовании участвуют заимствованные из других языков. В настоящее время в русский язык активно вводятся англоязычные аббревиатуры из области компьютерных технологий, телекоммуникаций и шоу-бизнеса, порождающие ряды производных. Например, активно пополняется словообразовательное гнездо аббревиатуры *PR* <*Public relations* 'Служба по связям с общественностью' → *пиарщик*, *пиаровец*, *пиаровский*, *пиарочный*, *по-пиаровски*, *пиарить*, *пропиарить*, *напиарить*, *отпиарить*, *испиарить*,

пиариться, пропиариться, PR-агентство, PR-акция, PR-лозунг. Ср.: “В большинстве текстов политтехнолог и пиарщик употребляются как синонимы, являясь средствами разнообразия: собственно умением вылепить образ кандидата, исходя из конкретной задачи и конкретных обстоятельств, и определяется профпригодность политтехнолога” (АИФ, 2009, № 5). Семантика отаббревиатурных производных обусловлена значением производящей аббревиатуры.

При образовании и функционировании отаббревиатурных производных наблюдается взаимодействие нескольких тенденций. Возникнув под действием тенденции к экономии, они в то же время являются избыточными единицами, так как представляют собой варианты уже имеющихся описательных наименований. В функционировании данного типа производных прослеживается взаимодействие регулярности и экспрессивности, так как регулярно употребляемое расчленённое наименование, трансформируясь в нерасчленённое, приобретает экспрессивность. Однако частота и длительность употребления отаббревиатурных производных лишает их экспрессивности, переводя в разряд узуальных слов. В сленге отражается образ жизни речевого коллектива, который его создает. Наиболее развитые семантические поля – “человек” (с дифференциацией по полу, родственными отношениями, по профессии, по национальности), “внешность”, “одежда”, “жилище”, “досуг” (вечеринка, музыка, выпивка и т.д.), ср.: *молчел* < *молодой человек*. С досугом, с местами молодежных встреч и собраний в Москве и Петербурге связана и топонимика сленга, ср.: *Пушка* < ‘*площадь Пушкина*’, *Плешка* < ‘*институт им. Плеханова*’, *Лужа* < ‘*Лужники*’. Ср. также: “*В 40-х годах у молодежи было принято встречаться на Твербуле (< Тверской бульвар) у Пампули (< Памятник А.С. Пушкину)*” – суффиксация и системы флексий. Гораздо меньше сленгизмов, относящихся к полю “работа”.

Главное в этом языковом явлении – отход от обыденности, игра, ирония, маска. Будучи раскованным, непринужденным молодежный жаргон стремится уйти от скучного мира взрослых, родителей и учителей. Подобно его носителям (резким, громким, дерзким) молодежный жаргон – результат своеобразного желания переиначить мир на свой манер. Его язык отражает внутреннее устремление молодых ярче и сильнее, чем одежда, прически, образ жизни. Молодежный жаргон легко вбирает в себя слова из разных языков, из разных диалектов и социолектов, из уголовного языка. Яркая особенность молодежного жаргона – его быстрая обновляемость. Кроме общеупотребительного пласта молодежного сленга можно выделить два специфических. Первый из них – по возрастному признаку (напр., жаргон школьников/студентов), второй – по принадлежности к некой социальной группе (напр., жаргон наркоманов). Несмотря на отсутствие какой бы то ни было криптологичности у жаргона школьников/студентов и очевидную понятность большинства его единиц

представителям других социальных и возрастных групп, реализуется лексика данной жаргонной подсистемы только в речи указанного слоя носителей языка ввиду своей неактуальности для остальной части общества [Горшунов 1999 а].

Школьный/студенческий жаргон можно квалифицировать как корпоративный молодежный жаргон, который по кругу выделенных денотатов включает наименования: предметов (*матеша* < *математика*, *геос* < *геометрия*, *линейка* < *линейная алгебра*, *колда* < *коллоидная химия*, *линейка* < *линейная алгебра*, *строймол* < *строение молекул*, *матан* < *математический анализ*); отдельных работников учебного заведения (*чит*, *пит* < *учитель*, *реп* < *репетитор*, *диря* < *директор*, *завучиха* < *заведующая учебной частью*); видов учебной деятельности и используемого оборудования (*академка* < *академический отпуск (или академ)*, *домашка* < *домашняя работа*, *контроша* < *контрольная работа*). Данную лексическую группу можно рассматривать в качестве ядра школьного/студенческого жаргона, поскольку входящие в нее единицы реализуются в речи большинства школьников/студентов без каких-либо (напр., территориальных) ограничений.

Носителями жаргона наркоманов являются люди, распространяющие или употребляющие наркотики. В настоящее время аббревиатурные единицы данного жаргонного слоя лексики свободно функционируют в социуме и активно проникают в общий пласт разговорной речи через масс-медиа. Образование аббревиатур происходит по моделям, свойственным и другим жаргонам. В русле общей словообразовательной активности единиц, номинирующих наркотики и формирующих городской жаргон, показательно их увеличение в конце XX в. и вхождение в нейтральную разговорную речь (*sminx* < *to smoke marijuana. Let's go sminx a binger!* 'курить марихуану'). Образование аббревиатур идет в основном за счет усечения (осложненного суффиксацией (*канабка* < *каннабис*), неосложненного усечения (*депра* < *депрессия*, *транк* < *транквилизатор*, *транк* < *транквилизатор*, *фен* < *фенамин*; *передоз* < *передозировка*); аббревиатурной антономасии (*Федя* < *эфедрин*), аббревиатурного каламбура (*кокс*, *кокос* < *кокаин*, *Гера*, *Герыч* < *героин*). Такие слова как "алик", "опер", "тубик", "дистроф", "азер", "калаш", "фан", "мерс", "кожан", "отпад", "приклад", "наезд", "прикол", "распад" и др. образованы безморфемным способом усечения и способом нулевой суффиксации. Ср.: "Опера забрали меня вечером 25-го июня. Так начались мои мучения в "органах"... "На ней был новый прикид, но глаза выражали ту же озабоченность, выдавали нищенскую жизнь в подвалах...".

Таким образом, для всех видов сленга русского языка характерны каламбурное образование аббревиатур, заимствования из английского языка, усечения, сопровождаемые суффиксацией. Сленг – это наиболее подвижный слой разговорной речи и ее субъязыков, включающий в себя широко

распространенную и общепонятную речевую микросистему, достаточно неоднородную по своему генетическому составу, имеющую ярко выраженный эмоционально-экспрессивный оценочный характер и своеобразный вокабуляр, в состав которого входят жаргонные аббревиатуры. Сленг несёт как компрессивную функцию (за счет смысловой наполненности сленгизмов минимизирует количество текста), так и лимитивную (разграничивает круг общения, делит на “своих” и “чужих”).

Библиографический список

1. Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры. М.: Прометей, 1999.
2. Горшунов Ю.В. Сокращения в подростково-молодежном словесном репертуаре (прагматический аспект) // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. М.: Прометей, 1999а. Вып. 3. С. 45-53.
3. Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры: Автореф. дис.... д-ра филол. н. М., 2000.
4. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высш. шк., 1989.

Н.А. Ярошенко

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЛОЖНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА С НУМЕРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Донецкий национальный университет

В статье определяются и анализируются структурные и ономаσιологические типы сложных номинаций лица с нумеративным компонентом в русской разговорной речи. Выделяются ономаσιологические базисы, ономаσιологические признаки и ономаσιологические модели рассматриваемых дериватов.

Ключевые слова: *номинация лица, композит, ономаσιологическая модель, ономаσιологический базис, ономаσιологический признак, нумератив.*

The article deals with the structural and onomasiological types of compound nominations of person with numerical component in Russian speech. The structural and onomasiological types of mentioned compound nominations of person had been put up and analyzed. The onomasiological bases, onomasiological attributes as well as onomasiological models of derivative words under analysis had been established.

Key words: *nomination of person, composite, onomasiological model, onomasiological base, onomasiological attribute, numerative.*

К универсальным мыслительным и языковым категориям, как известно, принадлежит категория количества, особенности реализации которой в языке изучали О. Есперсен [Есперсен 2002], В. З. Панфилов [Панфилов 1982], А. А. Реформатский [Реформатский 1987] и др. Числительные относятся к древнейшим лексическим пластам любого языка. А. А. Уфимцева, рассуждая об универсальном характере категории числа, отмечает, что «подобно именам собственным числительные носят

на себе печать выделения, отграничения одного признака количества от другого, не выражая собой никакого содержательного понятия» [Уфимцева 2004: 161]. И. А. Бодуэн де Куртене выделяет четыре разновидности количества: число, размер, продолжительность и интенсивность [Бодуэн де Куртене 1963: 316].

Традиционное языкознание рассматривает категорию числа как сугубо грамматическую, в то время как для современной лингвистики с учётом её антропоцентризма и когнитивной направленности характерна интерпретация данной категории в русле лингвокультурологической, этнолингвистической проблематики как национально специфического концепта языковой картины мира, как воплощения числового культурного кода в языке [Пасечник 2009; Шабалина 2011; Пелепенко 2015; Липириди 2016; Хежева 2017]. Вместе с тем анализ языковых единиц с нумеративными компонентами, в том числе и в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте, главным образом осуществляется на материале фразеологизмов и онимов.

В свете вышесказанного актуальным является изучение композитных номинаций человека, в составе которых один из корней структурно и семантически соотносится с наименованием числа или количества. При этом рассмотрение номинаций названного типа может осуществляться как на общезыковом, так и на диалектном языковом материале (включая сопоставительный аспект), а также на материале разных подсистем литературного языка.

Цель статьи заключается в том, чтобы определить типовые ономазиологические модели сложных номинаций лица с нумеративным компонентом, представленных в русской разговорной речи.

Материал исследования извлекался прежде всего путём сплошной выборки из многочисленных выпусков серии «Новое в русской лексике: Словарные материалы» (далее – НРЛ с указанием конкретного года) [Новое в русской лексике], серии «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы ...» (60-х, 70-х, 80-х и 90-х годов) (далее – НСЗ с указанием десятилетия) [Новые слова и значения] и «Словаря новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х)» (далее – НС 50-80) [Словарь новых слов русского языка ...]. Анализируются лексемы указанной семантики, представленные с пометой *разговорное* в специализированных словарях номинаций лица новейшего времени О. В. Григоренко, Е. А. Зайцевой и О. И. Литвинниковой, Е. И. Главацкой [Григоренко 2009; Зайцева 2013; Литвинникова 2012], а также материал авторской картотеки, источником которого послужили диалоги персонажей детективного сериала «След», тематические группы и форумы в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook».

Таким образом, выборка, результаты анализа которой представлены в настоящей статье, включает 133 сложные номинации лица, реализующие в своей структуре нумеративный компонент.

Следует отметить, что мы придерживаемся широкого понимания термина *комполит*. В связи с этим в сферу нашего внимания в качестве материала исследования попадают все номинации, в структуре которых выделяется более одного корня (независимо от того, в полном или сокращённом виде этот корень представлен в сложном слове), а также сложные заимствования и сложнопроизводные слова (см. [Ярошенко 2019: 72-73]). Как отмечает В. И. Теркулов, «при всей методологической спорности такого подхода, для нашего исследования он вполне приемлем на стадии отбора материала, поскольку установление ономасиологической стратификации системы сложных слов языка, в нашем случае – русского, возможно только на основе рассмотрения всех наличествующих в нём типов многокорневых образований» [Теркулов 2008: 5].

В анализируемых сложных номинациях лица компоненты-нумеративы восходят к следующим числительным и их формам и вариантам: *один, два, пять, семь, восемь, девять, двенадцать, шестнадцать, пятьдесят, семьдесят, девяносто, сто, двести, четыреста, пятьсот, четыре тысячи, пять тысяч, шесть тысяч, тридцать тысяч, пятьдесят тысяч, триста тысяч, четверть, первый, второй, третий, пятый, шестой, седьмой, сто*.

Как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, сложные номинации лица с нумеративным компонентом, функционирующие в русской разговорной речи, разнообразны в семантическом плане.

В работе мы используем предложенную В. И. Теркуловым трёхчленную типологию композитов с точки зрения их ономасиологического статуса: 1) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса; 2) лексико-семантическая группа одноструктурных единиц (ЛСГОЕ) в пределах одного лексико-грамматического разряда (с указанием общеязыковой ЛСГ, в которую входит данная ЛСГОЕ), построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта); 3) ономасиологическая модель номинатемы, включающая «ономасиологический базис» и «ономасиологический признак» наименования» [Теркулов 2008: 232].

В рассматриваемых сложных номинациях лица нумеративный компонент реализует следующие ономасиологические признаки: «**нумератив**», который указывает на порядковый номер лица и связанного с ним явления или действия; «**квантитатив**», указывающий на количественную составляющую предмета, лица, явления; «**атрибутив**», который указывает на качественный признак лица; «**квалификатив**»,

указывающий на статус субъекта; «**дистрибутив**», который указывает на распределительные отношения.

Ономасиологические базисы представлены такими разновидностями:

1) «**темпоратив**», где ономасиологический базис указывает на временные характеристики: *двухгодичник* ‘офицер запаса, призванный на два года для прохождения военной службы’ [НСЗ 80-е], *двухдневник* ‘тот, кто участвует в чем-л., рассчитанном на два дня, длящемся два дня’ [НСЗ 70-е], *двухлеток* ‘человек в возрасте двух лет’ [Литвинникова 2012], *шестнадцатилетка* ‘юноша, девушка шестнадцати лет’ [НРЛ 1988], *двухчасовик* ‘ученик, изучающий основной предмет два часа в неделю’ [НРЛ 1987], *одночасовик* ‘ученик, изучающий непрофильный предмет один час в неделю’ [НРЛ 1987], *одногодичник* ‘тот, кто проходит одногодичное обучение, обучается один год’ [Литвинникова 2012], *одногодичница* ‘женск. к одногодичник’ [Литвинникова 2012], *пятьсотдневник* ‘исполнитель, сторонник экономической программы Г. А. Явлинского «Пятьсот дней»’ [НРЛ 1991], *четырёхгодичник* ‘о том, кто получает какое-л. образование за четыре года обучения’ [НРЛ 1994], *пятилетник* ‘работник шефствующего завода, подрядившийся работать в сельском хозяйстве в течение пяти лет’ [НРЛ 1982], *одноразка* ‘женщина для одного раза, для одной встречи’ [НРЛ 1987] и др.;

2) «**локатив**», где ономасиологический базис прямо или метафорически указывает на местонахождение в пространстве: *одногоектарник* ‘о том, кто по общественному почину помогает ухаживать за посевами и убирать урожай на площади в один гектар’ [НСЗ 70-е], *одноземлянин* ‘тот, кто живёт с кем-то на одной планете Земля’ [НРЛ 1980], *однопланетянин* ‘тот, кто живёт с кем-то на одной планете Земля’ [НРЛ 1984], *однолагерник* ‘тот, кто совместно с кем-л. находится, находился в лагере для заключённых’ [НРЛ 1988], *однопартник* ‘тот, кто сидит (сидел) в школе с кем-л. за одной партией’ [НРЛ 1980], *первоэтажник* ‘житель первого этажа’ [НРЛ 1982], *первопостовой* ‘работник милиции, несущий службу на посту № 1 – Красной площади’ [НРЛ 1978], *первопостинец* / *первопостник* ‘военнослужащий, находящийся на посту № 1 (у входа в мавзолей Ленина)’ [НРЛ 1992], *однорайонец* ‘тот, кто живёт с кем-то в одном районе, микрорайоне’ [Авторская картотека (далее – АК)] и др.;

3) «**статус субъекта**», т.е. положение субъекта в системе межличностных отношений: *единоличник* ‘человек, занимающийся индивидуальной трудовой деятельностью’ [НРЛ 1988], *одноделец* ‘тот, кто привлечён к уголовной ответственности по одному делу с кем-л.’ [НСЗ 70-е], *однодумец* ‘единомышленник’ [НРЛ 1979], *первотруженик* ‘передовик производства’ [НРЛ 1984], *третьесильники* ‘члены предвыборного блока «Третья сила»’ [НСЗ 1990-е], *первогвардеец* ‘военнослужащий дивизии, ставшей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 1-й

гвардейской дивизией' [НСЗ 1980-е], *перводесантник* 'тот, кто прибыл на стройку с первыми десантами строителей' [НРЛ 1978] и др.;

4) «**поссессив**», т.е. объект владения: *двухколёсник* 'тот, кто едет на велосипеде' [НРЛ 1983], *шестиструнный* 'музыкант, играющий на шестиструнной гитаре' [НРЛ 1985], *стоклеточник* 'игрок в стоклеточные шашки' [НС 50–80], *одноименец* 'тот, кто носит, имеет то же самое имя, тёзка' [НРЛ 1984; НРЛ 1994], *пятитысячник* 'вкладчик, имеющий на банковском счёте пять (и более) тысяч рублей', 'тот, чья месячная зарплата составляет пять тысяч долларов' [НРЛ 1990-е] и др.;

5) «**интенсив**», т.е. ономаσιологический базис указывает на интенсивность проявления признака, качества, присущего лицу: *двенадцатибалльник* 'выпускник школы, набравший 12 баллов по результатам экзаменов' [АК], *двенадцатибалльница* 'выпускница школы, набравшая 12 баллов по результатам экзаменов' [АК], *двухсотбалльник* 'выпускник школы, набравший 200 баллов по результатам экзаменов' [АК], *двухсотбалльница* 'выпускница школы, набравшая 200 баллов по результатам экзаменов' [АК], *девятибалльник* 'абитуриент, который набрал на вступительных экзаменах в вуз девять баллов (в результате сдачи экзаменов по двум профилирующим предметам)' [НРЛ 1987], *шестибалльник* 'чемпион, получивший шесть баллов на соревнованиях' [НРЛ 1990], *четырёхсотметровик* 'спортсмен, пробежавший четырёхсотметровку' [НРЛ 1979], *четвертьфиналист* 'спортсмен, прошедший в четверть финала' [НС 50-80], *четвертьеврей* 'тот, кто является евреем на одну четверть' [НРЛ 1990] и др.;

б) «**дистрибутив**», связанный с распределительными отношениями: *пятитысячница* 'о доярке, получающей в год от каждой коровы по пять тысяч литров молока' [НРЛ 1985], *шеститысячница* 'доярка, получившая в год от каждой коровы шесть тысяч литров молока' [Литвинникова 2012], *трёхсоттысячница* 'о доярке, надоившей в год от одной коровы 3000 и более литров молока' [НС 50-80; НСЗ 1970-е], *пятитысячник* 'тот, кто намолотил пять тысяч зерна' [НРЛ 1980], *стоцентнеровик* 'о том, кто собирает сто и более центнеров зерна с гектара' [НС 50-80], *трёхсоттысячник* 'о человеке, имеющем на своём рабочем счету триста тысяч каких-л. единиц (напр., километров пути)' [НСЗ 1970-е], *тридцатитысячник* 'коммунист, один из тридцати тысяч членов КПСС, направленных в середине 50-х годов на укрепление сельского хозяйства' [НС 50-80; НРЛ 1978; НРЛ 1986], *пятитысячник* 'специалист в области управления, проходящий обучение, стажировку в российских вузах или за рубежом в рамках специальной государственной программы (по квоте пять тысяч человек в год)' [НРЛ 1990-е] и др.;

7) «**пациентив**», т.е. лицо, предмет или признак, к которому обращено информативное, донативное или эмотивное действие, при котором происходит конкретизация источника существования:

вторчерметчик ‘специалист по сортировке и обработке металла, используемого как вторичное сырьё’ [НРЛ 1989].

Отглагольные производные входят в состав ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «агент» / «субъект действия», т.е. «производитель действия». Названный ономасиологический базис с помощью нумеративных компонентов конкретизируется в рамках таких ономасиологических моделей:

1) «агент + квалитатив», где ономасиологический признак указывает на качество действия, способ его совершения: *единомойщик* ‘тот, кто парится, моется вместе с другими, в одном коллективе’ [НРЛ 1988], *однопризывник* ‘тот, кто призван на военную службу в один призыв с кем-л.’ [НСЗ 1980-е] и др.;

2) «агент + темпоратив», где ономасиологический признак указывает на временные характеристики, в частности на то, что какое-то действие совершается впервые: *первомечтатель* ‘тот, кто начал первым мечтать о чём-то’ [НРЛ 1977], *первопокоритель* ‘тот, кто первым совершил восхождение на вершину’ [НРЛ 1979], *первопросветитель* ‘тот, кто раньше других занимался где-л. просветительской работой’ [НРЛ 1979], *первоиздатель* ‘тот, кто первым издал какое-то художественное произведение, какую-ту книгу’ [НРЛ 1985], *первостроительница* ‘женщина, принимавшая в строительстве чего-л. с самого начала’ [НРЛ 1978], *первооткрыватель* ‘тот, кто выявил, обнаружил новое, неизведанное, проложил новые пути в какой-л. сфере человеческой деятельности’ [НС 50-80], *первооткрывательница* ‘женщина, обнаружившая новое, неизведанное, проложившая новые пути в какой-л. сфере человеческой деятельности’ [НС 50-80], *первоходчик* ‘тот, кто осужден впервые (совершил первую ходку в тюрьму)’ [НРЛ 1992] и др.

Часть отыменных сложных номинаций лица с нумеративным компонентом, представленных в русской разговорной речи, исходя из анализа их семантических структур, можно квалифицировать как такие, которые объединяют несколько ономасиологических признаков:

1) «статус субъекта» + «темпоратив»: *восьмидесятник* ‘общественный деятель, политик, писатель или художник эпохи 80-х годов XX века’ [НРЛ 1980], *девяностик* / *девяностник* и *девяностидесятник* ‘представитель общества (преимущественно интеллигенции), мировоззрение и нравственные ценности которого сформировались в 90-е гг. XX в.’ [НСЗ 90-е], *восьмидесяты* ‘о тех, кто вступил в общественную и культурную деятельность в 1980-е гг.; восьмидесятники’ [НСЗ 90-е], *шестидесятник* ‘тот, кто вступил в общественно-культурное движение в СССР в 60-х гг. XX в (после XX съезда КПСС), выражая прогрессивные устремления своего поколения’ [НСЗ 80-е], *шестидесятница* ‘деятельница, вступившая в общественно-культурное движение в СССР в 60-х гг. XX в (после XX съезда КПСС), выражая прогрессивные устремления своего поколения’ [НСЗ 80-е],

постшестидесятники ‘о представителях творческой интеллигенции, духовных продолжателях шестидесятников’ [НСЗ 90-е], *шестилетка* ‘школьник шестилетнего возраста’ [НРЛ 1984] (ср. *школьник-шестилетка* ‘школьник шестилетнего возраста’ [НРЛ 1984]), *первозимник* ‘работник железной дороги, который впервые работает или будет работать в зимний период’ [НРЛ 1979] (ср. *В Хабаровском пассажирском депо обучение первозимников проходит с отрывом от производства в течение недели. Кстати, это не только проводники – поездные электромеханики, слесари по ремонту подвижного состава, слесари-электрики. Всего в Хабаровском пассажирском депо будет работать 61 проводник-первозимник* (<https://www.gudok.ru/zdr/171/?ID=592609&archive=23879>)), *окказионализм шестидесятник*, образованный на базе существительных *шестидесятник* и *десантник* и имеющий значение ‘об Александре Дубчеке, журналисте-международнике, авторе пропагандистских листовок, сбрасывающем их с вертолета’ [Зайцева 2013] и др.;

2) «статус субъекта» + «локатив»: *первоклашка* ‘школьник или школьница первого класса; то же, что первоклассник, первоклассница’ [НСЗ 70-е], *второклашка* ‘второклассник, второклассница’ [Литвинникова 2012], *шестиклашка* ‘ученик или ученица шестого класса средней школы’ [НРЛ 1984], *одноклашник* ‘товарищ по учению, по воспитанию’ [НРЛ 1991], *однопартиец* ‘соратник по партии’ [Зайцева 2013], *одногоруппник* ‘тот, кто входил (входит) в одну группу с кем-л.’ [НРЛ 1980], *одномандатник* ‘кандидат в депутаты (или депутат Думы), избираемый (избранный) по одномандатному округу’ [НРЛ 1994; НСЗ 90-е], *одномандатница* ‘женщина-одномандатник’ [НСЗ 90-е], *первоколхозник* ‘один из первых членов колхоза, тот, кто вступил в колхоз в период его организации’ [НРЛ 1983], *первоочередник* ‘тот, кто является первым, одним из первых на получение чего-л. (обычно жилплощади)’ [НС 50-80] и др.;

3) «статус субъекта» + «атрибутив»: *первопатриот* ‘тот, кто является исконным патриотом’ [НРЛ 1992].

Как свидетельствует анализ, сложные номинации лица с нумеративным компонентом, представленные в русской разговорной речи, прежде всего направлены на то, чтобы обозначить лицо в таких аспектах: 1) количество результата того или иного действия, выполняемого лицом, и общее указание на распределительные отношения, 2) интенсивность проявления действия или качества, свойственного лицу, 3) статус лица через одновременную хронологическую привязку к поколению с его мировоззрением и проч.; 4) общность лиц по статусному признаку; 5) характеристика лица через действие, совершаемое им впервые.

Комплексный ономаσιологический анализ сложных номинаций лица с нумеративным компонентом в русскоязычной картине мира (в общезыковой и диалектной) – следующая задача нашего исследования.

Библиографический список

1. *Бодуэн де Куртене И.* Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию [в 2 т.]. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. С. 312-318.
2. *Григоренко О. В.* Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы. Воронеж: Научная книга, 2009. 517 с.
3. *Есперсен О.* Философия грамматики; Пер. с англ. В. В. Пассека, С. Сафроновой; Под. ред. и с пред. В. А. Ильиша. М.: Едиториал УРСС, 2002. 404 с.
4. *Зайцева Е. А.* Наименования лица в русском языке начала XXI века: словарь-справочник. Самара: ПГСГА, 2013. 256 с.
5. *Липириди С. Х.* Неологизмы с числовым компонентом как экспоненты культурных знаков (на материале английского языка) // Язык. Культура. Коммуникации. 2016. № 1. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/368>.
6. *Литвинникова О. И.* Толково-словообразовательный словарь субстантивов лица русского языка / О. И. Литвинникова, Е. И. Главацкая. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2012. 647 с.
7. *Новое в русской лексике:* Словарные материалы – 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94 / АН СССР, Ин-т русского языка; РАН, Ин-т лингвистических исследований. М.: Рус. яз., 1980–1989; СПб.: Дмитрий Буланин, 1996-2008.
8. *Новые слова и значения.* Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Русский язык, 1971. 543 с.
9. *Новые слова и значения.* Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Русский язык, 1984. 808 с.
10. *Новые слова и значения.* Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 1980-х годов / РАН, Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.
11. *Новые слова и значения.* Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 815 с.; Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 1392 с.; Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 1360 с.
12. *Панфилов В. З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / Отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1982. 360 с.
13. *Пасечник Т. Б.* Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с числовым компонентом в русском языке в сопоставлении с английским: Автореф. ... канд. филол. н. М., 2009. 18 с.
14. *Пелепенко Л. М.* Когнитивная репрезентация нумеративных фразеологических единиц с компонентами *one, two, three / один, два, три* // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2015. Вып. 3 (164). С. 60-64.
15. *Реформатский А. А.* Число и грамматика // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1987. С. 76-87.
16. *Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х)* / РАН, Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 878 с.
17. *Теркулов В. И.* Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: Дисс. ... д-ра филол. н. Горловка, 2008. 472 с.
18. *Чуланова А. Р.* Концепт “число/die zahl” в русской и немецкой языковых картинах мира (на примере пословиц и поговорок) // Наука и образование сегодня. 2017. № 10 (21). С. 63-65.
19. *Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков. Изд. 2-е, стер. М.: УРСС, 2004. 205 с.

20. *Хежева М. Р.* Образ человека в нумеративных фразеологизмах кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. I. С. 186-188.
21. *Шабалина Е. В.* Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект : Автореф. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2011. 24 с.
22. *Ярошенко Н. А.* Сложные номинации лица в структуре фильмонимов: состав и основные модели (на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992-2019 годов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2019. № 1. С. 69-79.

Научное издание

**Развитие словообразовательной
и лексической системы русского языка:**

*Сборник статей по материалам
VII Международного научного семинара,
посвященного 110-летию Саратовского
государственного университета,
Саратов, 1 ноября 2019 г.*

Компьютерная верстка, оригинал-макет – *И.С. Захарова*

ISBN 978-5-00140-512-2

Подписано в печать 16.05.2020 г. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 9,5. Тираж 100 экз. Заказ № 18/05/20.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ИП Чигина Е.В.
г.Саратов, ул.Астраханская, 120А.
Тел.: 8 (8452) 93-33-33